

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№1
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Политический дискурс астраханских региональных медиа.
Байбатырова Н.М. 3
Использование экономических механизмов в реализации
региональных инфраструктурных проектов. *Юденков Ю.Н.* 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Выбор. *Алексеев И.С.* 13
Влияние экономических санкций США на экономику РФ.
Современные и перспективные подходы к исследованиям.
Тихонов И.Е., Шень Вэн Хао, Харланов А.С. 16
Суверенитет России: угрозы и вызовы со стороны глобальных
корпораций. *Бекбулатов Д.Р., Лутовинова Н.В.,
Незнамова А.А., Крюкова Е.М.* 26
Западные альтернативы региональной интеграции с участием
Монголии. *Безруков С.С.* 32

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Правовые основы электронной коммерции.
Силантьев М.В. 38
Функциональный критерий разграничения информационных
гражданско-правовых обязательств. *Лугманов Р.Р.* 43

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Проблемы общей оценки имущества должника в рамках
исполнительного производства. *Ретинская И.Б.* 49
Ключевые условия баланса интересов должника и кредиторов
при урегулировании несостоятельности в процедурах преревенции,
сохранении и реабилитации: опыт России и Франции.
Ионцев М.А. 52

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Уголовный процесс России – вчера и завтра.
Александров А.И. 61
Проблема исполнения решений международных судов в связи
с новейшими изменениями в Конституцию РФ (уголовно-
процессуальный аспект). *Алексеева Т.М.* 66
Единицы методологического анализа уголовно-процессуальной
науки. *Афанасьев А.Ю.* 69
Новый УПК РФ: современные реалии или фантом.
Гаериллов Б.Я. 73

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Законодательная регламентация мер уголовно-правового
характера в Российской Федерации и Евросоюзе: сравнительно-
правовой анализ. *Морозов А.Ю., Стулницкий А.И.* 80
Превышение пределов необходимой обороны: некоторые
проблемы применения. *Пономаренко Е.В., Суворов С.А.* 83

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Структура и значение криминалистической характеристики
заказных убийств на бытовой почве. *Лаврухин С.В.,
Бойко Г.А.* 86
Использование возможностей идентификационной
фоноскопической экспертизы при расследовании преступлений,
связанных с незаконным оборотом наркотиков. *Калентьева Т.А.,
Мирошниченко М.Р.* 89

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Авдийский Владимир Иванович**, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ
Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет
Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)
Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции
Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
Коркуносенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет
Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет
Кожин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции
Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
Нисневич Юрий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ
Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения
Чанов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 05.05.2021 Цена свободная Тираж 300 экз.

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Political discourse of the Astrakhan regional media.
Baybatyrova N.M. 3
- The use of economic mechanisms in the implementation of regional infrastructure projects.
Yudakov Y.N. 6

POLITICAL ISSUES IN INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Choice. *Alekseev I.S.* 13
- Impact of US economic sanctions on the Russian economy. Modern and promising approaches to research. *Tikhonov I.E., Shen Weng Hao, Harlanov A.S.* 16
- Sovereignty of Russia: Threats and Challenges from Global Corporations. *Bekbulatov D.R., Lutovinova N.V., Neznamova A.A., Kryukova E.M.* 26
- Western alternatives to regional integration involving Mongolia. *Bezrukov S.S.* 32

CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Legal foundations of e-commerce.
Silantyev M.V. 38
- Functional criterion for delimiting information civil obligations. *Lugmanov R.R.* 43

CIVIL PROCESS. ARBITRATION PROCESS

- Problems of the general assessment of the debtor's property in the framework of enforcement proceedings. *Retinskaya I.B.* 49
- Key conditions for balancing the interests of the debtor and creditors in the settlement of insolvency in the procedures of prevention,

conservation and rehabilitation: the experience of Russia and France. *Iontsev M.A.* 52

CRIMINAL PROCESS

- The criminal trial in Russia - yesterday and tomorrow.
Alexandrov A.I. 61
- The problem of execution of decisions of international courts in connection with the latest amendments to the Constitution of the Russian Federation (criminal procedure aspect).
Alekseeva T.M. 66
- Units of methodological analysis of criminal procedural science. *Afanasyev A.Yu.* 69
- New Criminal Procedure Code of the Russian Federation: modern realities or a phantom.
Gavrilov B.Ya. 73

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW

- Legislative regulation of criminal law measures in the Russian Federation and the European Union: a comparative legal analysis.
Morozov A.Yu., Stupnitskiy A.I. 80
- Exceeding the limits of necessary defense: some application problems. *Ponomarenko E.V., Suvorov S.A.* 83

CRIMINALISM. JUDICIAL AND EXPERT ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

- The structure and significance of the forensic characteristics of contract killings on domestic soil. *Lavrukhin S.V., Boyko G.A.* 86
- Using the capabilities of identification phonoscopic expertise in the investigation of crimes related to drug trafficking. *Kalentieva T.A., Miroshnichenko M.R.* 89

Политический дискурс астраханских региональных медиа

Байбатырова Н.М.

доцент кафедры теории и истории журналистики АГУ

Региональный политический медиадискурс представляет собой тематически сфокусированную, социально обусловленную систему новостных, аналитических, прогностических материалов в печатной прессе, на радио и телевидении, а также в материалах интернет-ресурсов, выстраивающих политическую картину мира астраханцев. Медиакартинка отношений «центр – Астраханский регион» формируется через информационно-новостной, репрезентующий, аналитический, идеологический дискурсы. Статья посвящена прессе Астраханской области в контексте освещения журналистами деятельности властных институтов, первых лиц региона и иной политической тематики. Анализ публикаций печатных и сетевых СМИ выявляет геополитические, экономические и культурно-религиозные факторы политического дискурса. Сам дискурс предстаёт как социально обусловленная система медиатекстов, выстраивающих не только информационную повестку дня, но и картину мира жителей региона.

Ключевые слова: медиа, политика, дискурс, центр, регионы.

Средства массовой информации являются важнейшим потенциальным каналом реализации политического дискурса в структуре гражданского общества. В сообщениях общероссийских медиа на политическую тематику федеральные власти, как правило, выступают в качестве активного субъекта в отношениях «центр – регионы», тогда как регионы далеко не всегда презентуются столь активными субъектами. В дискурсе региональной прессы местные власти, представленные конкретными политическими лидерами, государственными структурами, региональными министерствами, чиновниками, выступают как ключевые субъекты принятия политических решений, исполнения функций управления, контроля, изменения социальной реальности. Политический дискурс региональных медиа – это система материалов и публикаций на политическую тематику, позволяющих сформировать у аудитории СМИ представление о политических процессах в области, отношениях «центр – регион» на обозримую перспективу, стимулировать развитие в обществе социально-политического самосознания и снижать конфликтность, как по вертикали, так и по горизонтали.

В данном исследовании в качестве уровня политического анализа рассматривается Астраханский регион с позиций репрезентации событий политической тематики в СМИ, а также оценки деятельности политических лидеров области региональными медиа. Региональная политика – одно из важнейших направлений внутренней политики государства, наряду с экономической, социальной, национальной политикой. Региональные средства массовой информации уделяют повышенное внимание освещению политических событий в Астраханской области, помещая такие сообщения в топ новостей. Ежедневная повестка дня печатных, аудиовизуальных и интернет-СМИ включает сообщения о деятельности властных институтов, работе первых лиц региона (губернатор, глава городской администрации, руководители министерств), об отношениях между центральными и региональными властями.

Политический медиадискурс напрямую связан с региональной стратегией СМИ, которая является элементом государственной идеологии. Заголовки на страницах областных интернет-порталов акцентируют внимание читателей на стратегической роли Астраханского края в Прикаспийском регионе и государственной политике России: «Астраханский губернатор встретился с президентом Азербайджана», «Глава Астраханской области Сергей Морозов выполняет «каспийские поручения» Влади-

мира Путина», «Астраханский губернатор принимает участие в Форуме сотрудничества России и Казахстана», «Астраханские порты будут развиваться через Иран» (новостной портал «Каспий Инфо»).

Коренным отличием регионального политического медиадискурса является повышенное внимание к местным политическим лидерам: губернатору, главам городской администрации и региональных министерств. Задачей прессы является освещение и комплексный анализ региональных проблем через призму действий и политических решений, значимых в области лиц. В течение двух осенних месяцев 2018 года в политической сфере Астрахани произошли значимые кадровые перестановки. За короткий временной промежуток в области сменилась вся политическая элита. В конце сентября на должность врио губернатора Астраханской области был назначен Сергей Морозов. Фокус регионального политического медиадискурса ожидаемо сместился на личностно-биографические сведения о новом политике. Информационные сообщения о первых шагах Сергея Морозова на новом посту и его биографические данные несколько недель возглавляли топ рейтингов новостей в печатных, электронных и аудиовизуальных СМИ. Вместе с тем, интерес прессы по-прежнему вызывает судьба экс-губернатора Александра Жилкина, занимавшего пост главы региона 14 лет. Об этом можно судить по популярным заголовкам: «О чем разговаривали президент России Владимир Путин и экс-глава Астраханской области Александр Жилкин», «Как изменилась Астраханская область при губернаторе Александре Жилкине» (новостной портал «Пункт А»), «Бывшему астраханскому губернатору Жилкину предложили новую работу» (новостной портал «Каспий Инфо»).

Кратко проанализируем материал, размещенный на странице информационного регионального портала «Пункт А» 19 октября 2018 года под заголовком «Индексы руководителей Астраханской области снизились». В публикации сообщается о рейтинге «Индекс власти», где оценивается популярность губернатора-новичка, а также главы администрации губернатора, спикеров регионального парламента. В частности, говорится, что по итогам октября врио астраханского губернатора Морозов занял 50 строчку ранжира. Однако автор высказывает убеждение, что в скором времени популярность главы области изменится: «...учитывая активность Сергея Петровича на своем посту, можно предположить, что уже в ноябре его позиции будут выше» [2].

В содержательном аспекте политический дискурс региональных медиа опирается на ряд важнейших факторов. Прежде всего, это акцентирование внимания на выгодном геополитическом положении области. К геополитическим факторам относятся, прежде всего, географическое положение Астраханского региона, спектр имеющихся природных и климатических ресурсов и их размещение, инфраструктурные системы, история реги-

она. От комбинации этих условий зависят и предпосылки, и скорость социально-политического развития территории. Рассмотрим пример журналистского материала на политическую тематику, в котором содержательный дискурс базируется на подчеркивании природно-климатических и инфраструктурных ресурсов Астраханской области. На региональном новостном портале «Каспий Инфо» размещен материал «Коридор «Север-Юг», проходящий через Астрахань, хотя бы реанимировать» [3]. Сообщается, что транспортный коридор протяженностью 7,2 тыс. км может стать более дешевой и короткой альтернативой Суэцкому каналу. «Предполагается, что транспортный коридор позволит отправлять товары морем из Индии в иранский город Бендер-Аббас, расположенный на берегу Персидского залива. <...> Оттуда товары будут переправлены в Астрахань, а из Астрахани – железной дорогой в Европу», - рассказывает автор [Там же].

Важнейшим условием политического развития Астраханского региона являются культурно-религиозные факторы. Ключевое значение имеет культурно-религиозная общность этносов Астраханской области, которая оказывается дополнительным средством ее консолидации. Кроме того, следует учитывать географическую близость Астрахани к регионам Кавказа, республикам Средней Азии. Существенны в политическом медиадискурсе и экономические факторы развития Астраханского региона. Приграничное экономическое сотрудничество играет важную роль в сближении, как стран «каспийской пятерки», так и регионов, лежащих по обе стороны границы. Как подчеркивает исследователь П.С. Чирков, «современная политическая ситуация требует от политического центра и периферии особого внимания при осуществлении любой политики, направленной на регионы, поскольку это не только важный резерв политических, социальных и культурных ресурсов, но и источник формирования государственного бюджета» [9, 29]. Астраханская область является большим экономическим центром, активно осуществляя приграничную и субрегиональную торговлю. Крупнейшие порты России выступают звеньями глобальных коммуникаций, на территории края расположена особая экономическая зона (ОЭЗ) «Лотос», созданная для размещения промышленных производств, связанных с судостроением, машиностроением, а также для других высокотехнологичных производств.

Политико-экономическая тематика в медийном дискурсе представлена широко, о чем свидетельствуют заголовки публикаций в лентах новостей: «На развитие портов Астраханской области выделят около одного миллиарда рублей», «В ОЭЗ «Лотос» планируют построить третий в России Центр антимикробной обработки продуктов», «Краснодарская фирма планирует построить в Астраханской области завод за 6 миллиардов рублей» (агентство новостей «Астрахань 24»), «Сотрудничество Астраханской области с компанией «Лукойл» продолжится» (новостной портал «Пункт

А)), «Импортозамещение – в действии. В Астраханской области намерены открыть производство лифтов и тканей» (телеканал «7+»). Социальный компонент политического дискурса региональных СМИ представлен материалами о предоставлении квартир льготникам, пополнении парка автомобилей скорой медицинской помощи, решении транспортных проблем. «Врио главы Астраханской области Сергей Морозов сообщил в своем Инстаграме о том, что в Астрахани будет больше автобусов. Об этом глава региона договорился с мэром Москвы Сергеем Собяниным», - сообщается на портале «Каспий Инфо» 20 октября 2018 года [1]. Тексты на политическую тематику ориентированы на выражение фактуальной точности, зачастую они представляют собой тезисные текстовые сообщения.

Таким образом, региональный политический медиадискурс представляет собой тематически сфокусированную, социально обусловленную систему новостных, аналитических, прогностических материалов в печатной прессе, на радио и телевидении, а также в материалах интернет-ресурсов, выстраивающих политическую картину мира астраханцев. Медиакартинка отношений «центр – Астраханский регион» формируется через информационно-новостной, репрезентующий, аналитический, идеологический дискурсы.

Литература

1. Глава Астраханской области договорился с мэром Москвы об автобусах // Каспий Инфо: [Электронный ресурс]: <http://kaspinfo.ru/glava-astrahanskoj-obasti-dogovorilsja-mjerom-moskvy-ob-avtobusah/> (дата обращения: 16.10.2018).
2. Индексы руководителей Астраханской области снизились // Пункт А: [Электронный ресурс]: <http://punkt-a.info/news/glavnoe/indeksy-rukovoditeley-astrakhanskoj-oblasti-snizilis> (дата обращения: 29.10.2018).
3. Коридор «Север-Юг», проходящий через Астрахань, хотят реанимировать // Каспий Инфо: [Электронный ресурс]: <http://kaspinfo.ru/koridor-sever-jug-prohodjashhij-cherez-astrahan-hotjat-reanimirovat/> (дата обращения: 9.10.2018).
4. Кузина К.А. Роль СМИ в формировании имиджа Каспийского региона: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Краснодар, 2008. – 195 с.
5. Политика и экономика в региональном измерении: Сб. учеб. материалов по курсу «Политическая регионалистика» / Под ред. В. Климанова и Н. Зубаревич. – М.; СПб.: ИГПИ: Летний сад, 2000. – 256 с.
6. Связи с общественностью в политике и государственном управлении / Под общ. ред. В.С. Комаровского. – М.: РАГС, 2001. – 520 с.
7. Современные политические процессы и имидж России: Сб. статей / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2007. – 117 с.
8. Федякин А.В. Формирование позитивного образа государства как задача информационной политики России: история и современные реалии.

– М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 378 с.

9. Чирков П.С. Проблема имиджа региона в политическом пространстве России // Вопросы политической науки: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). – М.: Буки-Веди, 2015. – С.29-35.

Political discourse of the Astrakhan regional media

Baybatyrova N.M.

ASU

Regional political media discourse is a thematically focused, socially conditioned system of news, analytical, predictive materials in the print press, on radio and television, as well as in materials from Internet resources that build the political picture of the world of the Astrakhan people. The media picture of the relations "center - Astrakhan region" is formed through information and news, representative, analytical, ideological discourses. The article is devoted to the press of the Astrakhan region in the context of journalists' coverage of the activities of government institutions, top officials of the region and other political topics. Analysis of publications in print and online media reveals geopolitical, economic, cultural and religious factors of political discourse. The discourse itself appears as a socially conditioned system of media texts that build not only an information agenda, but also a picture of the world of the inhabitants of the region.

Key words: media, politics, discourse, center, regions.

References

1. The head of the Astrakhan region agreed with the mayor of Moscow on buses // Caspian Info: [Electronic resource]: <http://kaspinfo.ru/glava-astrahanskoj-obasti-dogovorilsja-mjerom-moskvy-ob-avtobusah/> (date of access: 16.10.2018).
2. The indices of the leaders of the Astrakhan region have decreased // Item A: [Electronic resource]: <http://punkt-a.info/news/glavnoe/indeksy-rukovoditeley-astrakhanskoj-oblasti-snizilis> (date accessed: 29.10.2018).
3. They want to revive the North-South corridor passing through Astrakhan // Caspian Info: [Electronic resource]: <http://kaspinfo.ru/koridor-sever-jug-prohodjashhij-cherez-astrahan-hotjat-reanimirovat/> (date of access: 9.10.2018).
4. Kuzina K.A. The role of the media in shaping the image of the Caspian region: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of political sciences. - Krasnodar, 2008. -- 195 p.
5. Politics and economics in the regional dimension: Sat. study. materials for the course "Political regional studies" / Ed. V. Klimanov and N. Zubarevich. - M. ; SPb. : IGPI: Summer Garden, 2000. -- 256 p.
6. Public Relations in Politics and Public Administration / Ed. ed. V.S. Komarovskiy. - M. : RAGS, 2001. -- 520 p.
7. Modern political processes and the image of Russia: Sat. articles / Otv. ed. E.G. Soloviev. - M. : IMEMO RAN, 2007. -- 117 p.
8. Fedyakin A.V. Formation of a positive image of the state as a task of Russia's information policy: history and modern realities. - M. : Socio-political thought, 2006. -- 378 p.
9. Chirkov P.S. The problem of the image of the region in the political space of Russia // Questions of political naki: materials of the Intern. scientific. conf. (Moscow, June 2015). - M. : Buki-Vedi, 2015. -- pp. 29-35.

Использование экономических механизмов в реализации региональных инфраструктурных проектов

Юденков Юрий Николаевич
к.э.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова,
expert-bank@bk.ru

Инфраструктурное развитие Российской Федерации занимает одно из важных мест в политической повестке государства. Актуальность данной темы объясняется высоким уровнем инфраструктурной несбалансированности территории страны, потребностью в ее модернизации. В представленной статье рассматриваются конкретные механизмы реализации региональных инфраструктурных проектов как разновидности общественных проектов. Политически значимый общественный проект представляет собой комплексное понятие, которое возможно рассматривать как заданный по срокам, ресурсам и каналам реализации и имеющий политическую ценность инфраструктурный мегапроект, направленный на социально-экономическое развитие общества в интересах представителей всех его социальных групп. Особенность финансирования реализации крупных региональных инфраструктурных проектов определяется их сложным, комплексным и смешанным характером, в связи с чем основным механизмом экономической реализации данных проектов, по мнению автора, является государственно-частное партнерство.

Ключевые слова: инфраструктурные бюджетные кредиты, инфраструктурный мегапроект, государственные программы, государственно-частное партнерство

Тема инфраструктурного развития Российской Федерации занимает ключевое место в ее политической повестке. Так, в Послании Президента к Федеральному собранию 2021 года глава государства уделил данной проблематике существенное внимание. В частности, В.В. Путин отметил: «...в прошлом году мы значительно увеличили бюджетные расходы, при этом сохранили устойчивость государственных финансов. Правительство совместно с Центральным банком должны и дальше проводить ответственную финансовую политику. Обеспечение макроэкономической стабильности, сдерживание инфляции в установленных параметрах – чрезвычайно важная задача. ...Вместе с тем сейчас за счёт возможностей бюджета и наших резервов мы можем нарастить вложение в поддержку инвестиций в инфраструктуру, а также предоставить регионам новые инструменты развития.» [1].

Масштабное инфраструктурное развитие ставит принципиально новые задачи перед строительной отраслью. В качестве примеров региональных инфраструктурных проектов, которые могут быть реализованы благодаря новым инфраструктурным кредитам, президент России назвал Северный широтный ход (это важная железнодорожная магистраль в Ямало-Ненецком автономном округе), продолжение работы над строительством метро в Нижнем Новгороде и обновление системы транспорта в Челябинске на базе проекта строительства метрополитена.

В настоящее время в стране запущен ряд государственных программ, нацеленных на развитие инфраструктуры. В госпрограмму «Развитие транспортной системы» входят подпрограммы и федеральные целевые программы, касающиеся развития железнодорожного транспорта, авиации, скоростных автомобильных дорог, морских портов. Важное место в перечне госпрограмм занимают те из них, которые направлены на развитие и модернизацию социально-экономической инфраструктуры отдельных регионов: Дальнего Востока и Байкальского региона, Республики Крым и г. Севастополя, а также республик Северного Кавказа.

1. Социальная политика как часть формирования магистральной инфраструктуры. Основная задача социального государства заключается в обеспечении баланса интересов гармоничного развития всех социальных групп [2]. То есть, государство как макрорегулятор социальных отношений должно реализовывать функцию социальной защиты нуждающихся в государственной поддержке граждан.

В то же время многие авторы говорят о неравности социальных начал в России [3], причиной которой является отсутствие для этого экономических условий. Сама социальная политика любого государства выстраивается, исходя из экономических реалий, и прежде всего направлена на сглаживание последствий неравномерного экономического развития.

Суть социальной политики заключается в перераспределении доходов одних групп населения в пользу других, менее обеспеченных групп. Таким образом, можно утверждать, что отличительной ха-

рактической социальной политики является ее адресность, то есть направленность на удовлетворение потребностей отдельных групп населения.

Социальная политика государства реализуется через разработку государственных социальных проектов (или государственных социальных программ). Исходя из этого, социальные проекты государства представляют собой только одну из граней общественных проектов. Содержание социальной политики выстраивается в зависимости от сложившихся экономических условий и материального благополучия граждан, которое достигается за счет реализации социально-экономических мегапроектов и программ.

Так, 7 мая 2018 года Президент Российской Федерации В.В.Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором обозначены 12 направлений приоритетных национальных проектов. Помимо социально направленных проектов (по тематике демографии, здравоохранения, образования, жилья, экологии) Правительству Российской Федерации было поручено утвердить комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Указанный план должен предусматривать следующее:

1. Развитие транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг» за счет строительства автомобильных дорог, расширения возможности морских портов, модернизации Северного морского пути, создания транспортно-логистических центров, увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожной магистралей и пр.;

2. Повышение уровня экономической связанности территории Российской Федерации за счет обновления и расширения сети железных дорог, автомобильных дорог, авиа-, морской и речной инфраструктуры посредством создания новой межрегиональной транспортной коммуникации, высокоскоростных железнодорожного сообщения между крупнейшими агломерациями, развития сети внутренних водных путей;

3. Обеспечение электроэнергетической инфраструктурой посредством электрификации крупнейших транспортных коридоров и железнодорожных магистралей, модернизации генерирующих мощностей, обеспечения устойчивого энергоснабжения жителей ряда субъектов Российской Федерации.

Исходя из указанного можно отметить, что инфраструктурные мегапроекты занимают значимое место в общественно-политической повестке государства. Отличительной характеристикой инфраструктурных мегапроектов как одной из граней общественных мегапроектов является, как представляется, их направленность на реализацию проектов в интересах всего общества (а не отдельных социальных групп), а также отсутствие социальной адресности.

Главная цель, которая лежит в основе региональной политики, - уменьшение явных и наиболее негативных различий между отдельными регионами, снижение их социально-экономических проблем и содействие региональному развитию через раскрытие территориальной специфики. При этом нужно понимать, что выделенная цель не может в полной мере охватить всю целеориентированность (можно сказать и целеполагание) региональной политики:

— В экономической сфере она представлена в виде стремления власти добиться эффективного применения имеющихся ресурсов для повышения

уровня и качества жизни населения через использование региональных экономических преимуществ;

— Социальные цели - обеспечение достойного уровня жизни, создание примерно равных жизненных условий, ослабление внутренней социальной напряженности, социальная защита граждан и развитие инфраструктуры; [5]

— Экологические – помощь по защите и восстановлению экологического потенциала в уязвимых регионах через изменение и распространение безотходных технологий и привлечение частного и иностранного капитала к участию в реализации природоохранных мероприятий.

Расхождения в приоритетности развития каждого отдельного региона приводят к выводу о невозможности проведения единой тактики реформирования регионов, поэтому целесообразнее использование двух подходов проведения региональной политики.

Первый подход – интеграция, а второй, противоположный, – регионализация. Последняя подразумевает принятие во внимание специфики регионов, их разнообразных характеристик и других индивидуальных факторов при выстраивании региональной политики. Регионализация позволяет переносить ряд направлений реформ на уровень региональной власти и разрабатывать программы с учетом специализации и особенных условия региона.

Для устранения противоречий и неясности выбора того или иного подхода на кафедре макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова сформулированы основные стратегические задачи регионального развития [6]:

- модернизация промышленно развитых и экономических отстающих регионов с помощью конверсии отраслей и производства;

- возобновление жизни сельской местности;

- возрождение и усиление агропромышленного комплекса российской периферии;

- устранение негативных факторов социально-экономического положения;

- сохранение и развитие культуры малочисленных народов;

- способствование развитию экспортных и импортных отношений регионов;

- создание особых экономических зон, способствующих улучшению товарных отношений, и технополисов, ускоряющих научно-технический прогресса регионов;

- особая поддержка наиболее «нуждающихся» регионов в улучшении жизни населения, а также выравнивание их показателей по сравнению с общими страновыми.

В последние годы, задачи региональной политики приобрели новый характер, выбрав путь улучшения качественных показателей развития регионов:

- разрешение экологических проблем, создание экологической безопасности и правопорядка, нормализация состояние природных ресурсов;

- нормализация рынка труда - преодоление безработицы путем создания новых рабочих мест, приспособления иммиграционного населения и укрупнение местной инфраструктуры;

- сопротивление гиперубарнизации и устранение перегруженности в уже достаточно крупных мегаполисах через развитие малых региональных городов и сельской местности.

Основными целями региональной политики, в соответствии с Указом Президента 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной по-

литики в Российской Федерации» признаются: обеспечение федерализма; развитие регионов и приведение их к единым высоким социальным показателям; защита прав граждан в независимости от проживания; сохранение должного уровня экологии; развитие местного самоуправления.

Таким образом, система регионального стратегирования в Российской Федерации направлена на реализацию и обеспечение национальных интересов, ориентация которых изменяется в зависимости от условий текущего развития и существующих проблемных факторов. Для эффективной реализации запланированных мер, в первую очередь, необходимо точно выделить желаемые результаты проведения региональной политики.

2. Типология инфраструктурных проектов.

Инфраструктурные объекты – те объекты, функционирование и эксплуатация которых нацелена на удовлетворение потребностей населения страны. Авторская группа из Орловского университета предлагает следующую типологию инфраструктурных объектов [7, с.20]:

1. Экономические объекты (услуги, получаемых от объектов, потребитель оплачивает сам и в полном объеме);

2. Социальные объекты (услуги, получаемые потребителем, оплачиваются им совместно с государством).

Отличительными особенностями инфраструктурных проектов являются такие, как:

1. Большая капиталоемкость и длительный период окупаемости;

2. Сложность при реализации проектов и их масштабность;

3. Значительные невозвратные инвестиции (проект может начать окупаться гораздо позже, чем были вложены инвестиции).

Типологию инфраструктурных проектов можно представить следующим образом:

1. Федеральный инфраструктурный проект (организации, занимающейся созданием или модернизацией отдельной инфраструктурной единицы, передается право владения и пользования объектом, находящимся в федеральной собственности; объем инвестиций превышает 5 млрд. рублей);

2. Региональный инфраструктурный проект (организации, занимающейся созданием или модернизацией отдельной инфраструктурной единицы, передается право владения и пользования объектом, находящимся в региональной собственности; объем инвестиций превышает 1 млрд. рублей);

3. Муниципальный инфраструктурный проект (организации, занимающейся созданием или модернизацией отдельной инфраструктурной единицы, передается право владения и пользования объектом, находящимся в муниципальной собственности; объем инвестиций превышает 50 млн. рублей);

4. Комплексный инфраструктурный проект (реализация одновременно нескольких инфраструктурных проектов).

Сфера реализации инфраструктурных проектов, как правило, охватывает транспортное хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, энергетический комплекс, образовательная сфера, медицинская сфера, строительство. Все перечисленные отрасли оказывают определяющее значение на экономическое развитие страны и создание рабочих мест.

Отдельные авторы понимают под инфраструктурным проектом проект долгосрочного и стратегического характера, который определяет конкурентное, устойчивое и сбалансированное территориаль-

ное развитие, направлен на создание (реконструирование, модернизацию) инфраструктуры в соответствии с потребностями отраслей промышленности, повышение качества услуг, социально-экономическое развитие территории [8]. Другие авторы понимают под инфраструктурным проектом общественную услугу, под инфраструктурными объектами – те объекты, функционирование которых направлено на удовлетворение общественных потребностей. М.С.Попов отмечает: «При этом данные проекты, как правило, служат для строительства (модернизации) инфраструктурных единиц и круг ключевых признаков инфраструктурных проектов выглядит следующим образом [9]:

1. Наличие стратегического характера и нацеленность на достижение блага всего общества;

2. Существенная зависимость социально-экономического развития соответствующей территории от реализации инфраструктурного проекта;

3. Организационные комплексность и сложность реализации проекта;

4. Масштабное финансирование;

5. Специфическое нормативно-правовое регулирование отношений, связанных со строительством и эксплуатацией инфраструктурной единицы.

О.И.Гулакова определяет понятие «инфраструктурный проект», реализация которых нацелена на строительство новых объектов или модернизацию имеющихся. В дополнение к имеющимся особенностям инфраструктурных проектов автор отмечает такие, как [10]:

1. Инвестиционная непривлекательность для частных инвесторов;

2. Неконкурентность инфраструктурного проекта;

3. Возможный признак – неосвязаемость получаемых общественных благ;

4. Схожесть со свойствами естественных монополий (ценовая политика и масштабность).

На наш взгляд инфраструктурные проекты следует отнести к общественному сектору экономики и, соответственно, оценку их целесообразности и значимости проводить с точки зрения их общественной эффективности. Общественная эффективность, в свою очередь, определяется как соотношение вложений и результатов от реализации инфраструктурного проекта. Цель инфраструктурного проекта заключается в максимизации общественных выгод и минимизации издержек при его реализации. В случае если национальные проекты реализуются на базе инфраструктурных проектов, то это должно приводить к социально-экономической эффективности на макроуровне. Можно выделить следующие виды оценки общественной эффективности проектов:

1. Оценка общественной значимости проекта (имеет значение для макропроектов, реализующихся государством);

2. Оценка общественной эффективности проекта;

3. Оценка коммерческой эффективности проекта;

4. Оценка моделей поддержки проекта и смены условий;

5. Разработка схемы проекта, его участников, принимаемой всеми участниками порядка его финансирования;

6. Оценка эффективности с позиции каждого отдельного участника проекта;

7. Подведение итогов и выведение общей оценки.

Группа зарубежных авторов называет инфраструктурные мегапроекты физическим и политическим явлением [11]. Исследователи утверждают, что инфраструктура стала играть решающую роль в создании миропорядка. Деятельность государства по развитию своего пространства он называет «политикой расстояния», или «политикой пространства», где мегапроекты занимают центральное место.

Важной особенностью мегапроектов является то, что при их реализации экологические и социальные последствия в действительности не принимаются во внимание и, по сути, никак не просчитываются, хотя на стадии продвижения проекта его инициаторы заявляют об исключительно положительных последствиях. В целях получения политического одобрения промоутеры проектов говорят о важности таких показателей, которые очень сложно измерить.

Общество, как правило, не имея рычагов влияния на судьбу мегапроектов, относится к ним с недоверием. Таким образом, реализация мегапроектов всегда сопровождается отсутствием доверительных отношений между государством, бизнесом и обществом. Мегапроекты существенно отличаются от обычных проектов, представляя собой весьма специфическое звено в категории. Это, в свою очередь, накладывает специфику на процесс их управления. Б.Фливиборг отмечает такую особенность мегапроектов, как «выживаемость не самых пригодных» из них, парадокс «строительства худших вместо лучших». С каждым новым мегапроектом степень их политизированности возрастает. Четко разделение ответственности власти и бизнеса не представляется возможным. Мегапроекты – это, своего рода, «гибрид» сотрудничества государства и частных структур.

«Размеры» мегапроектов достигают таких объемов, что их стоимость превышает экономики отдельных стран [12]. Это делает их реализацию высокорискованным предприятием, когда в случае просчетов и неудач могут не только компании, но и экономики стран.

Перед реализацией мегапроектов их промоутеры всеми возможными способами пытаются способствовать политическому процессу принятия решения в пользу его реализации, ссылаясь на самые позитивные прогнозы социально-экономического развития и срока окупаемости проекта. Политические фигуры, принимающие решения относительно дальнейшей судьбы проекта, заинтересованы в поддержании непрозрачности данного процесса.

3. Механизмы реализации инфраструктурных проектов

Организационно-экономический механизм реализации инфраструктурных проектов – это совокупность принципов управления проектом и взаимодействия его участников между собой и внешней средой с целью достижения целей инфраструктурного проекта с учетом его отраслевых особенностей.

Для понимания применения механизмов экономической реализации инфраструктурных проектов необходимо обратиться к понятию «инфраструктура». Е.А.Малицкая пишет о том, что в настоящее время понятие инфраструктуры рассматривается главным образом с точки зрения поиска источников ее финансирования [8, с.21]. С этим трудно не согласиться, так как по её логике и в действительности, получается, что организация финансовой реализации инфраструктурного проекта на практике оказывается ключевым элементом в жизненном цикле такового. В рамках определения государственно-

частного партнерства указанный автор акцентирует внимание на двух следующих аспектах:

1. Финансовом (с учетом распределения рисков);
2. Организационном (как модели взаимоотношения государства, инвесторов и других частных игроков).

В среде западных экономистов популярно толкование инфраструктуры как совокупности отраслей, создающих услуги для производственной сферы. При этом основными характеристиками инфраструктуры являются длительные строительство и сроки службы ее объектов.

Среди функций инфраструктуры выделяются следующие:

1. Обеспечение деятельности человека в рамках определенной территории;
2. Создание условий, необходимых для обеспечения работы предприятий, а также новых рабочих мест для проживающего на определенной территории населения;
3. Создание условий для развития и приумножения общественного капитала;
4. Создание условий для развития системы производства и потребления.

На основании вышесказанного инфраструктуру можно рассматривать как функциональную субсистему, которая способна оказывать воздействие на поведение экономических субъектов, обеспечивая реализацию их интересов в соответствии с целями и задачами социально-экономического развития страны.

Особенности реализации инфраструктурных проектов по сравнению с иными типами проектов заключаются в том числе в их комплексном и смешанном характере. Это, в свою очередь, обуславливает специфику механизмов их экономической реализации.

Среди основных характеристик инфраструктурных проектов, детерминирующих особенности их экономической реализации, автор выделяет следующие [8, с.28]:

1. Долгосрочный и стратегический характер;
2. Основная цель – улучшение социально-экономических условий развития территории;
3. Крупный инвестиционно-строительный характер;
4. Реализация проекта оказывает прямое влияние на экономическую, социальную, демографическую и экологическую ситуацию на территории;
5. Участие государства в реализации проекта является необходимым как главного создателя условий реализации проекта;
6. Возможность включения инновационных проектов в общую схему реализации инфраструктурного проекта, что, в свою очередь, может приводить к необходимости поиска новых механизмов реализации проекта;
7. Сложность и комплексность организационно-правовых и финансовых взаимоотношений среди участников проекта, которые также являются важным компонентом механизма его реализации;
8. Ввиду длительности периода инвестиционной окупаемости проекта – применение схемы замещения одних обязательств другими;
9. Создание новой компании для реализации инфраструктурного проекта во избежание смешения обязательств по данному проекту с другими обязательствами.

В настоящее время общепризнано в научной среде то, что наиболее эффективным способом решения проблем, связанных с развитием инфра-

структуры территории, является использование государственно-частного партнерства (ГЧП). Несмотря на это, консенсуса относительного определения того, что понимать под государственно-частным партнерством не существует.

В этой связи отдельные авторы предлагают рассматривать государственно-частное партнерство как любые юридические контрактные отношения, возникающие между государством и частными структурами с целью создания инфраструктуры за исключением случаев реализации обязательств по государственным контрактам.

Реализация проектов ГЧП направлена на удовлетворение общественных нужд и интересов для обеспечения социально-экономического развития страны посредством оптимального распределения ресурсов, рисков и обязанностей между всеми участниками процесса.

В научном поле существует и такой подход к определению государственно-частного партнерства [13, с.17-18]: государственно-частное партнерство – это среднесрочное или долгосрочное сотрудничество между общественным и частным сектором в рамках которого происходит решение политических задач на основе объединения опыта и экспертизы нескольких секторов и разделения финансовых рисков и выгод.

Таким образом инфраструктурный проект является проектом государственно-частного партнерства в том случае, если привлеченные к реализации проекта частные игроки принимают на себя долю всех рисков и расходов. При этом правительство может быть заинтересовано в участии в проекте государственно-частного партнерства по следующим причинам:

1. Государство: привлечение частных инвестиций (в дополнение к имеющимся государственным ресурсам или направления последних на другие статьи бюджетных расходов);

2. Государство: более эффективное использование ресурсов;

3. Государство: реформирование сектора инфраструктуры посредством изменения ролей и функций участников в рамках управления мегапроектом.

При этом мотивация государства и частных игроков участвовать в реализации проектов ГЧП основывается на показателе эффективного соотношения его стоимости и достигнутых целей участников. Необходимо отметить, что показатель эффективности не ограничивается исключительно категорией затрат, включая такие виды эффективности, как социальная, инвестиционная, научно-техническая и др.

Среди преимуществ использования государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных проектов можно отметить следующие [8, с45]:

1. Интеграция целей и ресурсов государства и частных участников;

2. Равномерное распределение рисков при реализации инфраструктурного проекта;

3. Увеличение производительности труда и качества предоставляемых инфраструктурным объектом услуг.

Основными недостатками использования ГЧП отмечаются высокие транзакционные издержки и невысокая гибкость управления проектом. Кроме того, эксперты отмечают наличие прямой зависимости сложности реализации инфраструктурного мегапроекта и возрастанием расходов на администрирование проекта.

4. Модели ГЧП. В зависимости от страны реализации инфраструктурного проекта с использованием государственно-частного партнерства авторами выделяются следующие (чистые) модели ГЧП:

1. Модель операторства: частное финансирование проекта, частная/государственная собственность на объект инфраструктуры, частное управление проектом;

2. Модель кооперации: частное/государственное финансирование проекта, частная собственность на объект инфраструктуры, частное/государственное управление проектом;

3. Концессионная модель: частное / государственное финансирование проекта, частная / государственная собственность на объект инфраструктуры, частное / государственное управление проектом;

4. Договорная модель: частное финансирование проекта, частная/государственная собственность на объект инфраструктуры, частное управление проектом;

5. Лизинговая модель: частное / государственное финансирование проекта, частная собственность на объект инфраструктуры, частное / государственное управление проектом.

В соответствии с данными, предоставляемыми Международным банком реконструкции и развития, модель концессии является наиболее распространенным инструментом реализации государственно-частного партнерства. Законодательство, регулирующее заключение концессионных соглашений между государством и частным бизнесом является наиболее развитым.

Среди отраслей, где механизм государственно-частного партнерства используется чаще всего, являются строительство автодорог, водоочистительных сооружений и заводов, а также электростанций. В рамках реализации проектов строительства высокоскоростных железных дорог использование ГЧП занимает сравнительно небольшую долю.

В настоящее время разработано множество стандартов и методологических рекомендаций по управлению инфраструктурными проектами, в том числе по механизмам финансирования проектов. В настоящее время известны стандарты и рекомендации таких структур, как РМВОК, Всемирный банк, национальное законодательство, различные зарубежные и консалтинговые компании.

Ввиду того, что инфраструктурные проекты отличаются масштабом и сложностью их реализации необходимо его комплексное сопровождение на всех этапах реализации – от составления концепции проекта и выбора способа его финансирования до оценки эффективности его реализации.

Экономическая жизнеспособность инфраструктурного проекта во многом определяется качеством проработки механизмов его экономической реализации. Оценка экономической жизнеспособности проекта может быть произведена по следующим направлениям:

1. Общественная эффективность: оценка социально-экономических последствий реализации проекта, в том числе в смежных отраслях и внеэкономического характера;

2. Региональная (территориальная) эффективность: оценка социально-экономических последствий реализации проекта для региона и его жителей;

3. Коммерческая эффективность: оценка эффективности участия предприятий и холдингов в реализации проекта с точки зрения его окупаемости;

4. Бюджетная эффективность: оценка эффективности привлечения государственных средств для реализации проекта с точки зрения расходов и доходов бюджетов разных уровней.

Организационно-экономический механизм реализации инфраструктурных проектов государственно-частного партнерства может рассматриваться следующим образом [14, с.70-71]:

– совокупность принципов управления проектом и взаимодействия участников проекта и его внешней среды для достижения целей проекта (соответствующие нормы содержатся в законодательстве, а также заключаемых в рамках реализации проекта соглашений);

– имеющаяся методологическая база, содержащая набор экономических инструментов достижения целей проекта и обеспечения его эффективности.

Элементами организационно-экономического механизма могут быть документы, регламентирующие порядок взаимодействия участников; принимаемые сторонами обязательства в случае совместной реализации проекта; условия финансирования; льготные условия оборота продукции и ресурсов между участниками проекта; меры по финансовой и организационной поддержке (в том числе со стороны государства).

Ввиду высокой стоимости инфраструктурных проектов государство поддерживает их реализацию в рамках государственно-частного партнерства. Механизм ГЧП позволяет государству создавать различные инструменты финансового стимулирования частного бизнеса.

Софинансирование мегапроектов государством подразумевает главным образом разделение рисков проекта с частными игроками. Эксперты отмечают, что реализация большинства крупных инфраструктурных проектов без участия в ней правительства оказывается нерентабельной.

Таким образом среди форм государственной поддержки можно выделить:

— Прямая государственная поддержка: денежная или в натуральном виде (предоставление земельного участка, строительных мощностей и т.д.), невзимание сборов, пошлин и иных платежей, кредитное финансирование проекта, вложение инвестиций в уставный капитал, предоставление субсидий на тарифы для потребителей инфраструктуры (снижение риска спроса);

— Косвенная государственная поддержка: предоставление гарантий (на выплату кредита, обменный курс, компенсации и пр.), предоставление гарантий возмещения убытков, страхование, хеджирование рисков проекта (ввиду погодных условий, валютных колебаний, роста цен на продукты сырья).

С каждым новым этапом реализации инфраструктурного ГЧП-проекта источники его финансирования могут усложняться.

В зависимости от сложности и специфики проекта круг его участников может варьироваться. Тем не менее среди основных участников можно выделить заказчика, инвестора, руководителя проекта, команду проекта, генерального подрядчика, подрядчика, субподрядчика проекта, лицензиара, проектировщика, инициатора, девелопера, инжиниринговую компанию.

Обычно выделяют три вида источников финансирования проектов инфраструктуры:

1. Государственное финансирование: государство, привлекая заемные средства, предоставляет и направляет эти средства на реализацию проекта посредством предоставления кредитов, грантов,

субсидий, гарантий по обязательствам конечному заемщику;

2. Корпоративное финансирование: частная компания самостоятельно привлекает заемные средства и направляет последние на инвестирование проекта;

3. Проектное финансирование: проектной компании предоставляются прямые кредиты, в качестве источников погашения долга кредиторы получают денежные потоки проекта, обеспечение долга ограничивается активами проекта и будущими доходами.

Выбор формы финансирования инфраструктурного проекта зависит от, во-первых, доступности источников финансирования и, во-вторых, от возможностей кредиторов нести риски.

Среди конкретных источников финансирования инфраструктурных проектов можно выделить такие, как использование собственного капитала, заемные средства, финансирование путем выпуска облигаций, инфраструктурные бюджетные кредиты.

Использование собственного капитала – это инвестирование финансов в проектную компанию (ее уставный капитал и активы). Эксперты отмечают, что уставный капитал наименее привлекателен в качестве источника финансирования. В этом случае кредиторы проекта получают преимущественное право на управление активами проекта и на его будущие доходы. Этот формат участия в проекте несет в себе высокие риски и в то же время потенциально самую высокую прибыль.

Привлечение заемных средств может иметь различные источники. Так, среди таковых можно выделить коммерческих кредиторов, экспортные кредитные организации, инфраструктурные фонды, дву- и многосторонние организации, институциональные инвесторы (держатели облигаций), государство (в том случае, если на территории этого государства реализуется проект). Кредитные средства занимают в списке источников финансирования приоритетное место.

Финансирование посредством выпуска облигаций предоставляет возможность заемщику приобрести доступ к заемным средствам физических / юридических лиц, минуя иных финансовых посредников.

Литература

1. Полный текст послания президента Федеральному Собранию 2021. Стенограмма выступления Владимира Путина. <https://www.kp.ru/daily/27268.4/4401679/>.

2. Шурус А.А. Социальноэкономические основы социального государства. // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. С. 150.

3. Васильева Е.Г. «Социальное государство» и новая модель социальной политики в России. // Власть. № 11. 2008. – С. 28.

4. Бакалдина Е.С. Государственная политика Российской Федерации: выбор приоритетов. // Политические науки и социология. №4. 2014. С. 105.

5. Калининкова И.О. Управление социально-экономическим потенциалом региона: Учебное пособие – СПб: Питер, 2012. С.18.

6. Измалкова С.А., Головина Т.А., Фаустова Л.И., Тронина И.А., Елецкая С.С. Управление инфраструктурными проектами: учебное пособие для высшего профессионального образования. – Орел: ФГБОУ ВПО «Государственный университет УНПК, 2012. – С. 200/

7. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление – М.: Инфра-М, 2010. С.112

8. Малицкая Е.А. Понятие инфраструктурного проекта и управление его жизненным циклом // Экономика регионов. 2014. №3. С.17.

9. Попов М.С. Понятие инфраструктурных проектов и специфика их правовой природы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. №6. С. 55-56.

10. Гулакова О.И. Теоретико-методологические основы измерения общественного эффекта инфраструктурных проектов // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2012. С. 146.

11. Бент Флиvbjорг, Нильс Брузелиус, Вернер Ротенгаттер. Мегaproекты и риски: Анатомия амбиций. – М.: Альпина Паблишер, 2014 г. – 288 с.

12. Bent Flyvbjerg. What You Should Know about Megaprojects and Why: An Overview // Project Management Journal. 2014. №2. P. 5.

13. Борщевский Г.А. / Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2018.

14. Малицкая Е.А. Особенности управления транспортными инфраструктурными проектами // Вестник Российской академии естественных наук. 2012. С. 39.

The use of economic mechanisms in the implementation of regional infrastructure projects

Yudakov Y.N.

MSU

The infrastructure development of the Russian Federation occupies an important place in the political agenda of the state. The relevance of this topic is explained by the high level of infrastructure imbalance in the country's territory, the need for its modernization. The article deals with specific mechanisms for the implementation of regional infrastructure projects as a type of public projects.

A politically significant public project is a complex concept that can be considered as a time-bound, resource-driven, and politically valuable infrastructure megaproject aimed at the socio-economic development of society in the interests of representatives of all its social groups. The peculiarity of financing the implementation of large regional infrastructure projects is determined by their complex, complex and mixed nature, in connection with which the main mechanism for the economic implementation of these projects, according to the author, is public-private partnership.

Keywords: infrastructure budget loans, infrastructure megaproject, state programs, public-private partnership

References

1. Full text of the President's Address to the Federal Assembly 2021. Transcript of Vladimir Putin's speech. <https://www.kp.ru/daily/27268.4/4401679/>.
2. Shulus A.A. Socioeconomic foundations of the welfare state. // Problem analysis and state management design. 2009.S. 150.
3. Vasilyeva E.G. "Welfare state" and a new model of social policy in Russia. // Power. No. 11. 2008. - P. 28.
4. Bakaldina E.S. State policy of the Russian Federation: the choice of priorities. // Political Science and Sociology. No. 4. 2014.S. 105.
5. Kalinnikova I.O. Management of the socio-economic potential of the region: Textbook - SPb: Peter, 2012. P.18.
6. Izmalkova S.A., Golovina T.A., Faustova L.I., Tronina I.A., Eletskaia S.S. Infrastructure Project Management: A Study Guide for Higher Professional Education. - Oryol: FGBOU VPO "State University of UPPK, 2012. - P. 200 /
7. Fetisov G.G., Oreshin V.P. Regional Economics and Management - M.: Infra-M, 2010.S. 112
8. Malitskaya E.A. The concept of an infrastructure project and its life cycle management // Economy of regions. 2014. No. 3. P.17.
9. Popov M.S. The concept of infrastructure projects and the specificity of their legal nature // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 6. S. 55-56.
10. Gulakova O.I. Theoretical and methodological foundations for measuring the social effect of infrastructure projects // Vestnik NSU. Series: Socio-economic sciences. 2012.S. 146.
11. Bent Flyvbjerg, Nils Bruselius, Werner Rotengatter. Megaprojects and Risks: Anatomy of Ambition. - M.: Alpina Publisher, 2014 - 288 p.
12. Bent Flyvbjerg. What You Should Know about Megaprojects and Why: An Overview // Project Management Journal. 2014. No. 2. P. 5.
13. Borshchevsky G.A. / Public-private partnership: textbook and workshop for undergraduate and graduate programs. - M.: Yurayt Publishing House, 2018.
14. Malitskaya E.A. Features of management of transport infrastructure projects // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. 2012.S. 39.

Выбор

Алексеев Иван Степанович

д-р экон. наук, генеральный директор внешнеэкономической компании «Асалмаз», almaz@asalmaz.ru

Одна из главных тревог человечества – угроза мировой войны с возможным катастрофическим для всех стран и народов исходом. Нынешний XXI в. сопровождается постоянными локальными войнами в Афганистане, Сирии, Ираке, Палестине, Украине и ряде других регионов. Цветные революции разделили население этих стран на враждующие и воюющие между собой группировки. Конца такой борьбе не видно.

Как правило, инициатором развязывания разных конфликтов и надзирателем над нашей планетой выступают Соединенные Штаты Америки. Основные корни ненормальной жизни людей на земле заложены рабско-феодално-капиталистической системой. Болезнь нынешнего общества происходит по основному потому, что население государств оказалось отстраненными от управления своими странами. Народ живет по законам власти, преимущественно в нищете.

Для решения проблем мира, разоружения, прекращения конфликтов должны объединить свои усилия религиозные, общественные и правозащитные организации всех стран. Даются рекомендации по преобразованию мира.

Ключевые слова: третья мировая война, цветные революции, агрессия, передел мира, правящие элиты

Куда мы идем...?

Сегодня весь мир живет в тревоге в ожидании какой-то опасности, страшной беды. Это мир войн, жестокости, разрушений, противоборства, национализма, шовинизма, господства одних над другими. Это мир, как плохо работающий механизм, может в любое время пойти вразнос и погубить человечество.

До XX в. свершилось около 16 тыс. войн, погибло более 4 млрд. человек, XX в. отметился двумя самыми жестокими мировыми войнами за всю историю, унесшими из жизни около 100 млн.чел.

XXI в. может стать еще более страшным – ни одного года без войн. Более того, появились новые способы уничтожения людей.

В настоящее время ряд стран – США, страны НАТО – готовы вести, так называемые, сетевые или кибервойны, способные манипулировать сознанием человека.

Активно возрождается фашизм. Однако мир бездействует. Во многих странах делают вид, что ничего страшного не происходит. Хотя народы, власти, политики, ученые видят и чувствуют надвигающуюся грозу, но практически ничего не делают для ее предотвращения.

Не могут не волновать происходящие, разрушительные процессы на земле, – вседозволенность властителей, закрывающих на многое глаза, постоянно растущий военный монстр, каким являются США, стремящиеся повелевать всем миром; практикуют свою теорию управляемого хаоса, на нашей планете, сеют рознь между странами, народами и религиями, стремятся подмять под себя Россию.

С прошлого века у человечества практически все готово к самоуничтожению:

- колоссальные арсеналы ядерного и другого оружия массового уничтожения,
- тупые, в большинстве, готовые на все правители,
- большие запасы бессловесного пушечного мяса.

Ждем стартового сигнала или все же проявим разум и готовность бороться за жизнь?

Но жизнь как череда спокойных благодатных лет – удел немногих. Огромные массы живут в беспросветной нужде и быстро уходят в мир иной от голода и болезней.

Поэтому кроме сражения за жизнь придется много бороться за ее изменение.

Краткий список того, что надо менять, выкорчевывать (заметим, что все это творение рук человеческих):

- равнодушное избрание властей (касается всех нас во всех странах);
- нежелание власти работать не на себя, а для большинства, для спокойной и благополучной жизни, неумение и нежелание жить мирно с соседями;
- неравенство, огромная пропасть и ненависть между богатыми и бедными повсюду в мире (может кончиться трагедией);
- коррупция и терроризм (они всегда рядом – одно страшней другого);
- варварское отношение к природе и ее не бесконечным богатствам;

- неприязнь, враждебность к России со стороны отдельных «партнеров», которые до потери разума хотят ее территорий, ее богатств, ее смерти.

И что же главное?

Пришло то время, когда всем людям и в первую очередь тем, кто у власти, нужно решить: 1) что сейчас самое главное и 2) насколько это достижимо.

Насчет первого – главное, конечно, жизнь. Причем, к сожалению, без всяких прикрас и благ, а просто выживание, т.е. надо не дать приближающейся глобальной войне уничтожить все живое на Земле.

Для достижения гарантированной жизни нужно сильно потрудиться. Пока все в руках людей. Но именно Человек и есть самый ненадежный гарант мира без войн. Он широким шагом идет к третьей, теперь уже, ядерной, последней..., мировой трагедии. Пока не поздно нужно переломить эту тенденцию, остановить губительный марш к разрушению цивилизации, к концу самой жизни на планете. Важнее задачи нет. Все силы, умение и упорство нужно направить на ее решение.

Стоять в стороне от этих опасных процессов, наблюдать спокойно, как разрушается мир безответственно и недопустимо.

Мир без мира

В истории человечества, насчитывающей многие тысячелетия, периодов без войн было, что-то около 200-300 лет.

Распались империи, пропали государства, пролилось море крови – оказалось, что почти все было напрасно. Счастья войны не принесли.

XX век – две мировые войны, унесшие почти 100 млн. человек.

XXI век – ни одного года без войн. Сегодня мировые расходы на вооружение в день составляют более 4,5 млрд. долл.

Эти жестокие уроки не научили власти разных стран жить мирно. «Чтобы изменить мир, мы должны сначала изменить себя» - говорил великий философ Сократ.

США – надзиратель над планетой

В Сирии, Ираке, Палестине, Украине, Афганистане, Ливии идет война, гибнут люди, разрушаются государства, культура и т.п.

В настоящее время все большее значение в мировом масштабе получает Интернет – глобальная информационная сеть, которая является, своего рода, новой формой социализации людей и оказывает на них разностороннее воздействие.

С одной стороны появились полезные возможности находиться в информационном поле, общаться на любых расстояниях и т.д.

С другой стороны обнаружилось его скрытые возможности влияния на человека и на развитие событий. Владеющий информацией может использовать ее как в интересах общества, так и против него. С использованием информационных средств можно сменить режим, натравить один народ на другой, разложить общество на противостоящие группы. На человека каждодневно обрушиваются потоки негативной, аморальной, низкопробной продукции фейковых СМИ.

США применяют теорию «управляемого хаоса», они стремятся сеять рознь между странами и регионами. Цель – ослабить позиции неудобных им стран, в первую очередь, России.

Власти США самоуверенно считают, что их инструменты и ценности, их «демократия» и т.д. –

представляют собой универсальные принципы, которые будут и должны разделять люди всего мира.

В 1941 г. Черчиллем и Рузвельтом подписана Атлантическая хартия, официально закрепившая переход мирового лидерства от Великобритании к США. Действие Хартии распространялось на весь мир: провозглашалось право народов свободно выбирать способ правления, утверждалось равенство всех народов, великих и малых, в т.ч. в вопросах международной торговли и т.д. Власти США и Англии все это забыли уже давно.

Американские власти больше всех в мире любят говорить о демократии, правах человека и т.п. Однако, в реальности, США – далеки от демократии. Объективности ради, настоящей демократии пока нет ни в одной стране.

Американская демократия началась с завоевания и уничтожения местного населения, с грабежа этого населения, с разрушения того, что этим населением было создано. Оставшееся население живет в нищете, оторвано от управления государством от мировой культуры.

Вся нынешняя «демократия» США сводится к навязыванию другим народам своих взглядов на жизнь. Кто не с Америкой – тот против нее.

Там, где прошла американская «демократия» со своей «косой» – Ирак, Ливия, Югославия, Вьетнам, Сирия, Афганистан, Украина – там разрушения, гибель людей, терроризм, гражданская война.

Многие народы, пострадавшие от агрессии США и колониализма ищут теперь убежище, как правило, у своих бывших рабовладельцев – грабителей и эксплуататоров.

Россия для властей США и не только для них – лакомый кусок. Спят и видят Россию раздробленной на куски и ставшей их сырьевым придатком.

Россия окружена со всех сторон военными базами США, но власти США, забывая о своих базах у границ России, умудряются цинично утверждать, что это Россия на подступах к границам Запада.

На сегодня США – мировой жандарм, империя зла. Но всем империям приходит конец.

Власти США, Запада, богатая «элита» – присвоили себе право управлять жизнью всех людей на земле, диктовать им свои условия во всем. Их волнуют только свои интересы. Ими уже давно создан тайный клуб под названием «Бильдербергский» – по названию голландского отеля «Бильдерберг», который начал работать с 1954 г. (штаб-квартира в Нью-Йорке). Часть членов этого клуба входит в еще более могущественную «компажку», основанную в 1973 г., возглавляемую Д. Рокфеллером и З. Бжезинским.

Одна из целей этого сообщества:

Уменьшение населения планеты до одного миллиарда, путем проведения войн, организации кризисов, голода, болезней, деградации людей; разрушения целостности государств, существующих религий и создания единой церкви. Эта программа получила название «Заговор Эры Водолея».

Вопросов на повестке дня у этого «клуба» много. Так, например, не так давно обсуждались такие вопросы: уничтожение иранских ядерных объектов; продолжение войны в Сирии; контроль интернета; надзор за массами; увеличение объема передачи богатств от обычных людей.

Власти США о России

Особое, грубое, циничное и бесцеремонное отношение США проявляется к России. Вот только

некоторые откровенные и наглые высказывания властителей США за последние 20 лет:

Збигнев Бжезинский: «Россия теперь – побежденная держава... и говорить, что это была не Россия, а Советский Союз, значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Россия стратегическая территория». Стало быть, говорил он, Россия «должна быть раздробленной и под опекой», а потому, разумеется, «чем меньше населения будет на этой территории, тем успешнее будет происходить ее освоение Западом»,

На совещании начальников штабов вооруженных сил США 24 октября 1995 г. президент Америки Билл Клинтон говорил: «Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы... В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России (РФ) на мелкие государства путем межрелигиозных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов, в оторванных от России республиках, нужных нам». Уточним за г-на Клинтона: в Украине, Беларуси, на Кавказе и далее.

Этим целям служат и «цветные революции», которые США организуют и щедро спонсируют. Примечательно высказалась о них госсекретарь США Кондолиза Райс в Сан-Франциско 27 мая 2005 г.: «Америка должна проложить путь для марша свободы по всему миру. Мы добиваемся успеха в этой великой цели, и мы измеряем наш успех демократическими революциями, которые потрясли весь мир, – яркими революциями «роз», «оранжевой», «пурпурной», «тюльпановой» и «кедровой»...»

Сегодня все знают об этих «цветных-демократических» революциях, которые действительно потрясли весь мир и трясут до сих пор. Эти революции унесли жизни тысяч ни в чем не повинных людей, разрушили многие города, села, причинили странам значительный экономический и культурный урон, рассорили народы.

Цветные революции разделили население этих стран на враждующие и воюющие между собой группировки. Конца такой борьбе не видно.

Мы все свидетели того, как США все упорнее добиваются устранения или перетягивания на свою сторону (точнее под себя) режимов стран дружественных или симпатизирующих России. В ход идет не раз проверенный американцами на практике набор приемов: обман, двойные стандарты, наглость, пренебрежение мнением других.

Нужен другой мир

Объединенными усилиями народы должны приступить к реализации нового устройства на земле – поэтапному созданию, скажем, интеграционного общества социально-культурной направленности, которое должно вобрать в себя самые лучшие достижения народов всех стран, а также достижения социалистической и капиталистической систем.

Болезнь нынешнего общества происходит в основном потому, что население государства оказалось отстраненными от управления своими странами. Народ живет по законам власти, преимущественно в нищете.

Несомненно, что культура – наивысшее достижение человечества. Она способна объединить все народы, отвлечь их от разрушительных античеловеческих процессов.

СМИ – 4-я власть? Так считают ряд работников СМИ. Но пока это не власть, поскольку она в зна-

чительной степени зависит от первой власти, от тех, кто им платит.

Из информационной триады – информировать, развлекать, просвещать – просвещение фактически исчезло. Поэтому, учитывая огромные потенциальные возможности СМИ целесообразно и необходимо создание независимого международного центра СМИ. Это касается всего – открытых средств вещания: печати, радио, телевидения, интернета.

Для решения проблем мира, разоружения, прекращения конфликтов должны объединить свои усилия религиозные, общественные и правозащитные организации всех стран.

Хотелось бы, чтобы они начали объединительный процесс по проблемам, по которым у них нет разногласий: мир, справедливость, ликвидация нищеты, права и здоровье людей и т.д.

Бывшие страны-колонизаторы, а ныне участники НАТО: Англия, Франция, США, Испания, Португалия, Германия должны признать свою хищническую колониальную экспансию и принести публичные извинения перед государствами и народами своих бывших колоний, которых они грабили и убивали, и помочь им выбраться из нищеты и оказать содействие в их развитии.

Литература

1. Абрамян Е. Судьба цивилизации. М.: Терика, 2007.
2. Д'Эстен Ж. Власть и жизнь. М., 1993.
3. Илларионов С. Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М., Профэко, 2003.
4. Злобин Н.В. Америка. М., Эксмо, 2012.
5. Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций. М., Дрофа, 2003.
6. Мерников А. История войн от древнего мира до наших дней. Минск, Харвест, 2007.
7. Алексеев И.С. К последнему ковчегу. М., Палеотип, 2004.

The Choice Alekshev I.S.

Foreign Economic Company "Asalmaz"

One of the main concerns of mankind is the threat of a world war with a possible catastrophic outcome for all countries and peoples. The current XXI century, accompanied by constant local wars in Afghanistan, Syria, Iraq, Palestine, Ukraine and a number of other regions. The color revolutions divided the populations of these countries into warring and warring factions. The end of this struggle is not in sight. As a rule, the United States of America is the initiator of the unleashing of various conflicts and the overseer over our planet. The main roots of the abnormal life of people on earth were laid by the worker-feudal-capitalist system. The disease of today's society occurs mainly because the population of states has been removed from the management of their countries. The people live according to the laws of power, mainly in poverty. Religious, public and human rights organizations of all countries should unite their efforts to solve the problems of peace, disarmament, and end conflicts. Recommendations for transforming the world are given.

Keywords: the third world war, color revolutions, aggression, redivision of the world, ruling elites

References

1. Abrahamyan E. The fate of civilization. M.: Terika, 2007.
2. D'Estaing J. Power and life. M., 1993.
3. Illarionov S. Terror and anti-terror in the modern world order. M., Profeko, 2003.
4. Zlobin N.V. America. M., Eksmo, 2012.
5. Khachatryan V.M. History of world civilizations. M., Drofa, 2003.
6. Mernikov A. History of wars from the ancient world to the present day. Minsk, Harvest, 2007.

Влияния экономических санкций США на экономику РФ. Современные и перспективные подходы к исследованиям

Тихонов Игорь Евгеньевич
аспирант, Дипломатическая академия МИД России

Шень Вэн Хао
аспирант, Санкт-Петербургский экономический университет

Харланов Алексей Сергеевич
д. э. н., к. т. н., профессор кафедры «Мировая экономика», Дипломатическая академия МИД России,
kharlanov2009@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются современные подходы к исследованиям санкционного режима США в отношении России, введенного в связи с конфликтом на Украине. Автором приводится поэтапный анализ эффективности экономических санкций опираясь на исследования широкого круга авторов. Рассматривается концепция эффективности санкционного режима, опираясь на исследования широкого круга авторов. Обозначены рамки перспективных подходов к исследованиям санкционного процесса с использованием систем больших данных и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Крым, санкции, эффективность санкций, США

Соединенные Штаты совместно с ЕС и другими странами ввели экономические и другие санкции в отношении России, противодействуя воссоединению Крыма с Россией. Попытка США оказать давление направлена главным образом на то, чтобы сдержать и ограничить экономическое развитие России и Крыма, оказать влияние на сотрудничество между Россией, Евросоюзом, Китаем. Изменить политику РФ в отношении Сирии и Венесуэлы. Ограничить экономические возможности России на мировых рынках нефти и газа.

Эффективность санкционного процесса в отношении России, вместе с тем, остается спорной. В ответ на санкции произошло сплочение российских элит. Санкционный кризис показал, что российские бизнес элиты и политики готовы понести издержки от санкций, в отношении национальной экономики и личного богатства, для достижения целей внешней политики России. В ответ на санкции произошёл эффект усиления внутренней поддержки российского правительства и Президента В.В. Путина.

Есть некоторые свидетельства того, что санкции США в отношении России могут иметь отдаленные экономические последствия, если они применяются к экономически значимым целям. Однако, это может создать нестабильность на мировых финансовых рынках и встретить противодействие со стороны союзников США, которые, имеют тесные экономические связи с Россией. Например, в апреле 2018 года Соединенные Штаты ввели санкции против компании «Русал», потрясшие российские и мировые финансовые рынки. Эти санкции стали первым случаем, когда Соединенные Штаты полностью закрыли доступ к финансированию российским фирмам, входящим в топ-20, и первым случаем, когда Министерство финансов США оказалось готовым ввести вторичные санкции, санкционированные CRIEEA. Однако в январе 2019 года Министерство финансов сняло санкции с «Русала» и двух связанных с ним компаний после того, как миллиардер Олег Дерипаска, находящийся под санкциями, согласился отказаться от контроля над «Русалом».

В настоящей статье проведён анализ исследований, посвященных санкционному процессу, введенного США в отношении России, рассмотреть существующие подходы и выявить наиболее релевантные и перспективные, применительно к украинскому кризису.

В качестве эмпирической базы работы использовались исследования широкого круга авторов. Для достижения целей исследования применялся общенаучный метод: анализ литературы по проблеме исследования, обобщение, сравнение и си-

стематизация эмпирических и теоретических данных.

Хронология введения санкций

Американские санкции, связанные с вторжением России в Украину, были введены 2014 году и действуют по настоящее время. С марта по июнь 2014 года OFAC [1] ввел санкционные ограничения в отношении России на основе EOs 13660 [2] от 6 марта 2014 года, и EOs13661[3] от 17 марта 2014 года. Санкции были введены на следующий день после того, как власти Крыма организовали референдум о присоединении Крыма к России. OFAC объявила о втором этапе санкций 20 марта 2014 года, за день до того, как Россия официально заявила о официальном воссоединении Крыма с Россией. OFAC провел еще три этапа введения санкций в июне 2014 года.

До июля 2014 года администрация президента США не применяла исполнительный ордер -EO 13662 [4] от 20 марта 2014 года, который вводил секторальных санкций.

16 июля 2014 года, по мере эскалации конфликта на востоке Украины и усиления давления США, администрация президента США объявила о первом раунде секторальных санкций в отношении отдельных российских финансовых и энергетических компаний, выпустив две директивы, определяющие более специализированный набор санкционных инструментов, чем те, которые были санкционированы EO 13662.

17 июля 2014 года рейс MH17 авиакомпании Malaysia Airlines, следовавший из Амстердама в Куала-Лумпур, потерпел трагическое крушение в восточной Украине. В тот же день, США и их союзники, безосновательно обвинили в этом печальном инциденте Россию. Неудивительно, но трагедия MH17 послужила поводом активизировать поддержку ЕС антироссийских секторальных санкций, аналогичных тем, которые ввели Соединенные Штаты.

В координации с ЕС, администрация Обамы расширила секторальные санкции после трагедии MH17. США объявила секторальные санкции в отношении российских оборонных компаний и некоторых проектов по разработки нефти.

Предсказуемо, 19 декабря 2014 года был издан четвертый исполнительный указ, связанный с Украиной (EO 13685) [5].

В апреле 2018 года OFAC использовала EOs 13661 и 13662 для введения санкций относительно 24 российских чиновников и представителей бизнес кругов.

Санкции, направленные против экспорта энергоносителей

Два EOs предусматривают санкции, связанные сблокировкой строительства российских экспортных нефтепроводов. Статья 232 CRIIEA разрешает, но не обязывает, введение санкций в отношении физических или юридических лиц, которые инвестируют не менее 1 миллиона долларов или 5 миллионов долларов в течение 12 месяцев или

занимаются поставками на эквивалентную сумму связанными со строительством российских нефтепроводов. Раздел 232 демонстрирует негативную реакцию США на строительство российского газопровода "Северный поток-2", принадлежащего "Газпрому", направленного на увеличение объемов экспорта российского газа, поставляемого в Германию и другие страны Евросоюза через Балтийское море.

В октябре 2017 года администрация президента США опубликовала руководство, в котором отмечалось, что санкции раздела 232 не будут применяться к проектам, контракты на которые были подписаны до 2 августа 2017 года, даты вступления в силу CRIIEA.

"Газпром" подписал соглашения с пятью европейскими компаниями о финансировании строительства "Северного потока-2" в апреле 2017 года. Статья 232 не предусматривает санкций конкретно в отношении финансирования, хотя и предусматривает санкции в отношении предоставления услуг и техподдержки.

Закон о «Защите энергетической безопасности Европы от 2019 года», так же предусматривает санкции, связанные со строительством "Северного потока-2" и другими проектами.

PEESA, принятый 20 декабря 2019 года, вводит санкций в отношении иностранных лиц, которые с момента вступления в силу закона, продали, передали в аренду или предоставили подводные трубокладчики для строительства "Северного потока-2" и "Турецкого потока"

Цели принятия закона:

1) Минимизировать возможности России использовать нефтепроводы, как инструмент принуждения и политического рычага;

2) Добиться от российской стороны продолжения прокачки нефти через нефтепроводную систему Украины и не допустить снижения более чем на 25 процентов объема российского экспорта энергоносителей, проходящих по существующим трубопроводам в других странах, в частности в Украине, по сравнению со среднемесячным объемом российского экспорта энергоносителей, проходящих по таким трубопроводам в 2018 году."

По состоянию на январь 2020 года влияние PEESA на завершение строительства газопровода "Северный поток-2" было неопределенным. Швейцарско-голландская компания Allseas, прокладывающая трубопровод, приостановила свою деятельность по прокладке трубопровода Nord Stream 2.

Россия заявила, что, несмотря, ни на что, сможет завершить строительство газопровода с помощью судна, которое, она приобрело в 2016 году.

30 декабря 2019 года Россия заключила новое соглашение с Украиной о продолжении транзита российского природного газа через Украину, хотя и в меньших объемах, чем раньше: в 2020 году-объем, равный примерно 75% объема прокачки 2018 года, а с 2021 по 2024 год-объем, равный менее чем половине объема 2018 года.

Учитывая, всевозрастающую внутривнутриполитическую напряженность по линии соприкосновения Украина-Донбасс, действия США, направленные на поддержание внутреннего конфликта на Украине, могут привести, к совершенно противоположной ситуации, когда экспорт энергоносителей может быть приостановлен по причинам, не зависящим от действий российской стороны.

Проблема эффективности санкций в отношении России

Многие исследователи задаются вопросом, в какой степени санкции США повлияли на внешнеэкономическую политику России? По прошествии семи лет можно констатировать, что Россия не только не покинула Крым, но и осуществила ряд инфраструктурных проектов на полуострове. Введен в эксплуатацию автомобильные и железнодорожные транспортные коридоры, соединяющие Крым с материковой частью России, решена проблема снабжения полуострова электроэнергией и питьевой водой, работают доки для постройки военных судов, существенно улучшена туристическая инфраструктура. На качественном и количественном уровне изменилась военная инфраструктура полуострова, превратив его в непотопляемый авианосец. Морской флот РФ базирующийся в Крыму способен контролировать коммерческое и иное судоходство акватории Черного моря, пресекая провокации с украинской стороны. Что касается военной контртеррористической операции в Сирии, то связь между санкциями и целями достижения санкций негативная. Санкции ни коим образом, не повлияли на внешнюю политику России на ближнем востоке, лишь подстегнув усиление России в регионе, в ответ на санкционное противодействие со стороны Вашингтона.

Современные походы к оценке эффективности экономических санкций

К исследованию эффективности экономических санкций современные исследователи подходят с разных точек зрения:

Эллиот и Хуфбауэр (Elliott and Hufbauer, 1999) [6] рассматривают эффективность санкций. Они приходят к двум выводам: после окончания холодной войны и в последующие три десятилетия санкции были связаны с широким кругом проблем (гуманитарной, гражданской, терроризм и т. д.).

В 1970 году около четверти введенных санкций были успешными. Что, конечно, подразумевает, что три четверти санкций были неудачными, возможно, что санкции были направлены в основном на решение внутривнутриполитических запросов страны отправителя. Такое представление о санкциях обсуждалась, но не было проверено эмпирически.

Дэвис и Энгерман (Davis and Engerman, 2003) [7] исследуют эффективность санкций, когда цель и отправитель являются союзниками. Они касаются значения относительных размеров экономики стран-мишеней и стран-отправителей, а также долгосрочных экономических последствий санкций как для стран-мишеней, так и для стран-

отправителей. Первый вывод из анализа состоял в том, что санкции против союзников более эффективны, чем санкции против врагов, что отчасти объясняется тем, что союзники имеют более сильные торговые связи, чем не союзники. Что касается Российского кейса то товарооборот с США не такой большой, как между Россией и Китаем, и не смотря на санкции, вырос в последние годы. Из исследования можно сделать вывод, что санкции, касающиеся Российских нефтепроводов, скорее ударят по союзнику США- Евросоюзу.

Второй вывод, который сделали авторы, заключался в том, что отправитель санкций обычно имеет гораздо большую экономику, чем страна-объект санкций. Заключительный пункт их исследования состоял в том, что по прошествии достаточного количества времени страна-мишень обычно способна найти замещающих потребителей и поставщиков, что будет притуплять эффект санкций в долгосрочной перспективе. Что касается России, то санкции, и более того, введенные Россией контрсанкции подстегнули внутренне производство продуктов питания и программу импортозамещения.

Так, согласно Дэвису и Энгерману (Davis and Engerman, 2003) [8], санкции эффективны в краткосрочной перспективе, как против союзников, так и против относительно небольших экономик что продемонстрировала динамика ВВП России в 2014-2015.

Маринову (2005) [9] описывает переменные, которые делают санкции более или менее успешными, и институты, которые необходимы в стране-мишени для того, чтобы санкции были эффективными. Например, согласно Маринову (2005), демократии более восприимчивы к смене режима, чем альтернативные формы правления, и поэтому санкции, применяемые против демократических стран, с большей вероятностью будут успешными, чем санкции, направленные против автократий. Два других ключевых вывода Маринова (2005) заключаются в том, что при смене руководства обычно происходит изменение политики, на которую направлены санкции, и что введение санкций против диктаторов не очень эффективно. Данное утверждение с одной стороны, не противоречит здравому смыслу, но в случае с Россией возникает спорная ситуация, когда по настоящему независимая страна, признавшая итоги демократического референдума в Крыму и проявив принципиальную позицию по защите демократического волеизъявления народа Крыма, показала полную резистентность к смене политического курса.

Hufbauer. (2007) [10] исчерпывающе рассматривают 174 различных эпизода санкций с начала 1900-х годов, используя регрессионный анализ для определения того, какие типы санкций наиболее эффективны против каких типов целей и для каких целей. Исследование является наиболее полным взглядом на тему санкций из всей рассмотренной литературы. Оно вносит два важных вклада в исследование санкций. Эмпирически проверяет многие утверждения, сделанные други-

ми авторами, делает некоторые простые политические рекомендации на основе полученных результатов.

Оценки экономического воздействия санкций

Фактически, экономические последствия санкций оказались недостаточно значительными, чтобы повлиять на политику российского государства. Исследования показали, что санкции оказали негативное, но относительно скромное влияние на экономический рост России. Изменения мировых цен на нефть оказали гораздо большее влияние на российскую экономику в сравнении с санкционным воздействием. Большинство санкций в отношении России состоят из ограничений в отношении конкретных физических и юридических лиц, а также ограничений в отношении широких групп российских компаний.

В 2014-2015 годах Россия столкнулась с рядом экономических проблем спровоцированных, прежде всего обвалом мировых цен на нефть оказавших более негативное влияние, чем санкции.

Санкции имели целью оказать долгосрочное давление на российскую экономику, лишив нефтяные компании доступа к западным технологиям для модернизации своей промышленности или для разработки новых нефтяных месторождений. По мнению западных исследователей, в полной мере экономические последствия этих ограничений потенциально еще не материализовались [11].

Некоторые исследования оценивают влияние санкций на российскую экономику по сравнению с другими факторами, в частности с большими колебаниями цен на нефть. Эти исследования дали различные оценки [12].

- Одно исследование, посвященное экономическому воздействию санкций и цен на нефть, обосновывает вывод, что санкции оказывают относительно меньшее влияние на российский валовой внутренний продукт (ВВП), чем цены на нефть [13].

- Другой анализ показал, что цены на нефть, а не санкции, привели к изменению курса рубля. [14].

- Существуют оценки стоимости санкций для российской экономики в 40 миллиардов долларов (2% ВВП) по сравнению с 90-100 миллиардами долларов (4-5% ВВП), потерянными из-за снижения цен на нефть [15].

- Исследования показывают, что из-за негативного влияния санкций на приток капитала в российскую экономику к концу 2017 года ВВП России был на 1,8% ниже, чем был бы в противном случае, но что негативные последствия санкций со временем уменьшились [16].

Безусловно, исследование санкционного процесса является интересной и перспективной задачей, учитывая рост количества санкций, с течением времени [17]. Анализируя существующие подходы можно отметить, что подавляющее большинство работ посвящены исследованию макроэкономических показателей [18].

Часть работ освящают двухсторонний эффект от санкций, когда страна под воздействием санкций извне, вводит встречные ограничения на торговлю, перемещения капиталов и т.п.

В тоже время, существует ограниченное число работ по исследованию антироссийских санкций, которые направлены на изучение влияния санкционного процесса на сектора экономики подверженные санкционному воздействию.

Еще меньше работ посвящены изучению микроэкономических показателей. С другой стороны, отдельные примеры единичных компаний подверженных санкционному воздействию могут дать дополнительный импульс к исследованию внутреннего состояния компаний.

Вместе с тем, наблюдается расширение эмпирической базы от работы к работе [19]. Так, например, Caruso [20] оценивает двухстороннюю торговлю, Dregger [21] вводит синтетических индекс эффективности санкций основываясь системах больших данных, Crozet [22], проводит двухуровневый анализ внешней торговли на уровне страны и компании участника внешней торговли.

Методологически, используются методы статистические методы структурной векторной авторегрессии, гравитационная модель и др.

Подобная диспропорция в исследованиях объясняется тем, что эмпирическая база, чаще всего опирается на данные официальной статистики по ВВП, торговому балансу и т.п. На более низком уровне, используются данные о внешнеторговых операциях и далее изучаются отдельные участники внешнеэкономической деятельности. В тоже время, микроуровень, иногда может преподносить труднообъяснимые примеры.

Некоторые фирмы выдержали санкции лучше, чем другие. Это расхождение может быть связано с рядом факторов.

Во-первых, степень, в которой санкции прерывают экономические операции, варьируется в зависимости от целей санкций.

Во-вторых, если сделки с секционными компаниями ограничены, санкции носят скорее символический характер, чем подрывают экономическую активность. Кроме того, ограниченный характер секторальных санкций не обязательно приводил к быстрому срыву деловой активности, особенно в условиях роста цен на нефть.

Во-третьих, российское правительство предпринимает различные меры по поддержке некоторых санкционных фирм. Например, Сбербанк выиграл от значительных покупок центральным банком своих долговых обязательств, которые он больше не может продавать на рынках капитала США и Европы из-за санкций.

Для региональных банков, прямо или косвенно пострадавших от санкций, правительство также увеличило страхование вкладов. Центральный банк помогал санкционным банкам получить доступ к иностранной валюте. В 2014 году российское правительство увеличило объем заказов от предприятий оборонной промышленности, компенсировав потери от санкций.

Правительство РФ создало департамент в Министерстве финансов для изучения проблем и разработки правительственных предложений по поддержке предприятий, попавших под санкции.

В-третьих, некоторые российские фирмы минимизировали влияние санкций, создав экономические партнерства с использованием альтернативных поставщиков, в частности из Китая, Южной Кореи и Юго-Восточной Азии. Так, например, компания "Новатэк" обеспечила альтернативное финансирование из Китая для реализации проекта по добыче природного газа в Арктике.

Наконец, российское правительство и российские компании изучают ряд способов уменьшить свою зависимость от доллара США, чтобы минимизировать влияние санкций. Например, российское правительство отходит от долларов в своих резервных запасах, устанавливает своповые линии с Китаем, рассматривает создание суверенной криптовалюты, выступает за создание альтернативных платежных систем как способов обойти санкции. Российские компании также стараются заключать контракты, номинированные в недолларовых активах, включая рубли, юани и евро, чтобы уменьшить влияние санкций и уменьшить уязвимость к будущим санкциям.

Эмпирическая база современных исследований и методы

Существующие подходы к исследованию санкционного процесса дают полную, но не исчерпывающую информацию ориентирующуюся, прежде всего на макроэкономические показатели, и используют базы данных с информацией верхнего уровня, реже среднего и совсем небольшое количество исследований посвящено исследованию микроуровня.

Исследования макроэкономических показателей, таких как ВВП, сальдо торгового баланса, ставки Центробанка, потребительские цены, объем и профицит гос. бюджета, уровни инфляции и т.п., обобщая, можно охарактеризовать, как исследования сверху-вниз, или вертикально ориентированные (рис.1). Исследования используют макроэкономические показатели и направлены с макроуровня, через мезо уровень, до микроуровня. Вместе с тем, использование новых подходов таких, как машинное обучение и искусственный интеллект, все еще остается перспективной задачей и открывает новые возможности [23].

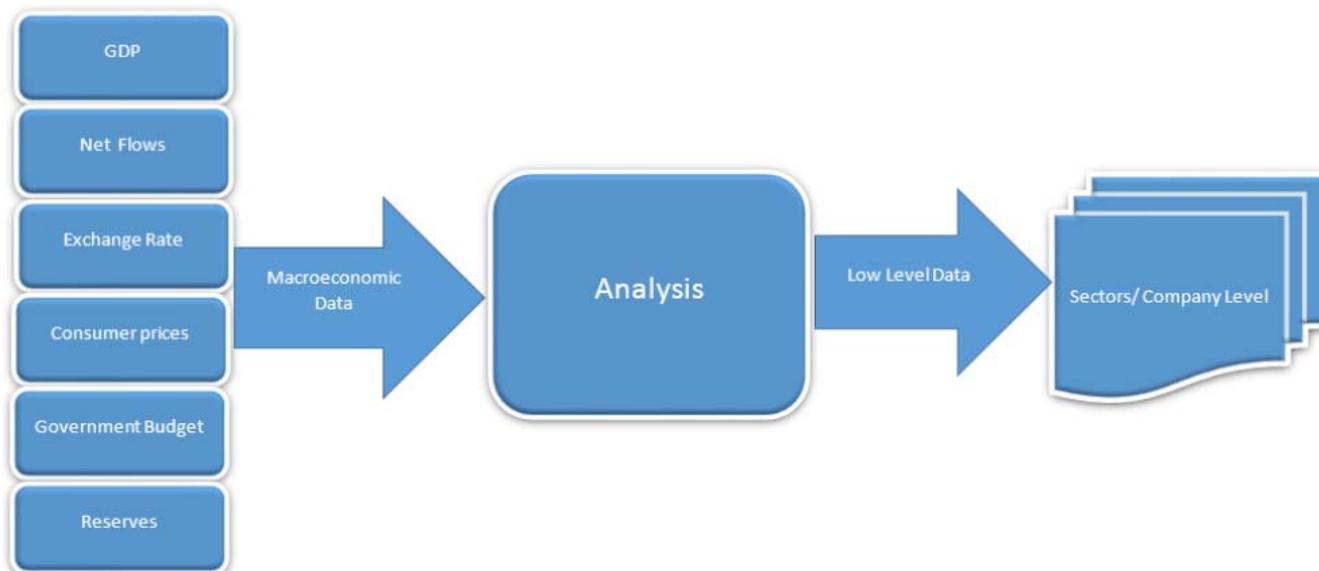

Рисунок 1. Исследование сверху-вниз.

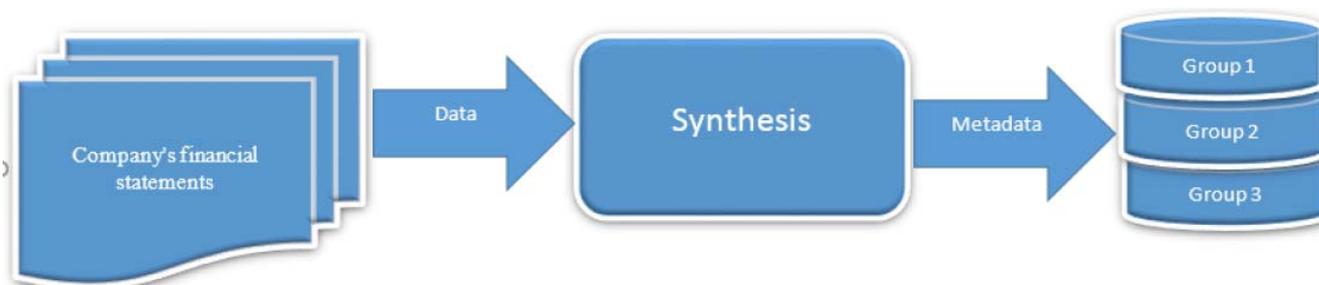

Рисунок 2. Исследование снизу-вверх.

Рисунок 3. Модель компании.

Источник: составлено авторами

Большие данные и новые подходы

В последние годы доступность финансовых данных и способов агрегации экономически значимой информации увеличилась, выйдя на беспрецедентный уровень. Согласно исследованию Глобального института, McKinsey (MGI) [24] в 2017 году цифровая революция вошла в критическую фазу. По масштабам этот процесс сопоставим с промышленной революцией XVIII–XIX веков.

Существующая ситуация порождает в науке иные подходы к сбору и представлению информации. Эмпирическая база исследований санкционного процесса может быть существенно расширена и качественно изменена. Так согласно данным Bank for International Settlements [25] в последние годы была изменена законодательная база по хранению финансовой информации.

Закон Додда-Франка [26] требует, чтобы фирмы поддерживали записи не менее пяти лет. Базильские руководящие принципы указывают на сохранение транзакционных данных за три-пять лет. Закон Sarbanes-Oxley [27] требует от фирм хранить аудиторские рабочие документы и всю необходимую финансовую информацию по крайней мере семь лет. Проект FINRA / Tradeworx-SEC реализует мониторинг транзакций в реальном времени. Стали доступны балансы и отчеты о финансовых результатах компаний в системе Росстата начиная с 2012 года по рядовым компаниям [28].

Развитие систем больших данных позволяет осуществлять принципиально отличающийся, синтетический подход к исследованиям, сбору и интерпретации информации, который можно охарактеризовать, как исследование снизу-вверх (рис. 2), когда данные о компаниях аккумулируются и затем представляются в обобщенные группы со схожими признаками.

Такой синтетический подход, согласно распространенному мнению, что «данные это новая нефть» позволяет в связке с искусственным интеллектом и машинным обучением выявлять новые паттерны взаимосвязей в группах, обобщенных синтетических данных.

Объектом такого исследования, для дальнейшей синтетической группировки, в этом случае может быть компания и ее финансовые данные.

Применительно к исследованию санкционного воздействия в связи с конфликтом на Украине, могут выступать компании, попавшие под секторальные санкции из санкционного списка, которые прописаны в нем однозначно. Компании, занимающи-

еся импортом определенных технологий, производящие заимствования за рубежом, либо имеющие зарубежные счета и активы [29]. В общем случае, сбор финансовых показателей этих компаний с использованием систем больших данных представляет собой, сугубо техническую задачу [30].

Предметом подобного исследования может быть реакция финансовых показателей компании на санкционное воздействие.

Одновременно встает вопрос, какой финансовый показатель можно взять в качестве синтетического для исследования?

По аналогии, с таким макроэкономическим показателем, как внешнеторговый оборот страны, который наиболее часто используется при исследовании санкционного воздействия, можно взять такой показатель, как выручка компании [31].

Действительно компанию с финансовой точки зрения схематично можно представить следующим образом: Вход- Процесс –Выход. (рис. 3) Очевидно, что внутренние процессы и признаки могут быть различными. Например, норма прибыли, ставка налогообложения и т.п., но вход и выход у всех компаний одинаков это деньги или выручка. Более того, показатель выручка, наименее подвержен внутренней политике компании как например прибыль, фонд заработной платы, количество работников, бизнес модель и т.п.

Оборот представляется синтетической, результирующей, обобщающей внутренние процессы в компании величиной.

Методом подобного синтетического исследования может быть группировка и классификация [32]. Действительно, находясь на самом нижнем в иерархическом смысле уровне компании, мы можем только группировать и обобщать для получения полноты картины, не зависящей от частных случаев. Вместе с тем подход с использованием принципа с низу вверх позволяет выявить неоднородность распределении данных и уникальные случаи, которые чаще всего воспринимаются, как выбросы и отсеиваются, вместе с тем, уникальные случаи могут придать дополнительный импульс исследованию. Классификации и кластеризация данных позволяет выявить схожие группы и рассмотреть эти кейсы в отдельности, что в конечном итоге дает полноту исследования.

Резюме

Исследовательская мысль никогда не останавливается и ищет новые современные подходы [33]. С развитием систем больших данных и расширением эмпирической базы [34], возможно осуществлять синтетический подход к исследованию по принципу снизу-вверх обобщая результаты финансовой деятельности компаний через агрегацию и группировку [35]. Одним из важнейших группирующих признаков в этой связи может быть выручка компании. Использование машинного обучения и искусственного интеллекта позволяет выявить ранее скрытые закономерности в данных без, в некоторых случаях без участия исследователя, как такового.

Цифровизация, как глобальный процесс, создает новые возможности и открывает новые горизонты в проведении эконометрических исследований [36], создавая усовершенствованные подходы в экономике и эконометрике. Все возрастающая эмпирическая база, в парадигме больших данных, способствует к продвижению новых синтетических подходов к исследованиям.

Существующие традиционные аналитические подходы дополняются новыми, синтетическими, на основе искусственного интеллекта методов машинного обучения с применением систем больших данных [37]. Вместе с тем, современные макроэкономические исследования санкционного воздействия по принципу сверху-вниз с успехом могут быть дополнены синтетическим подходом от микроуровня по принципу снизу-вверх, а в комбинации с нейро-сетевыми алгоритмами дать качественно иную картину, раскрывающую в цифровом измерении, новые взаимосвязи в структурах данных [38].

В настоящем исследовании проведен анализ современных подходов к исследованиям санкционного процесса, исходя из мирового исследовательского опыта. Более детально рассмотрены исследования, относящиеся к санкционному процессу в связи с внутренним конфликтом на Украине.

В ходе анализа был выявлен основанный методологический подход, применяющийся в подобных исследованиях, который можно охарактеризовать, как исследование сверху-вниз. Рассмотрена эмпирическая база такого подхода.

Выявлено существование предпосылок к расширению эмпирической базы для подобного рода исследований, и как следствие, возможность проводить синтетические исследования по принципу снизу-вверх, с использованием систем больших данных, методов машинного обучения и искусственного интеллекта, в духе цифровизации [39].

Литература

1. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://home.treasury.gov/policy-issues/office-of-foreign-assets-control-sanctions-programs-and-information>
2. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/10/2014-05323/blocking-property-of-certain-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine>
3. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/10/21/2014-24988/sanctions-actions-pursuant-to-executive-orders-13660-13661-and-13662>
4. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/24/2014-06612/blocking-property-of-additional-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine>

5. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2015/08/10/2015-19595/sanctions-actions-pursuant-to-executive-orders-13660-13661-13662-and-13685>

6. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered // Информационный ресурс books.google Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=guzlJDD7DwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

7. Davis, L., & Engerman, S. (2003). History Lesson, Sanctions: neither War nor Peace. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://faculty.nps.edu/relooney/jep_62.pdf

8. Davis, L., & Engerman, S. (2003). History Lesson, Sanctions: neither War nor Peace. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://faculty.nps.edu/relooney/jep_62.pdf

9. Marinov, N. (2005). Do Economic Sanctions Destabilize Country Leaders? Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1540-5907.2005.00142.x>

10. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered // Информационный ресурс books.google Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=guzlJDD7DwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

11. Havlik, Peter (2015) : Russian Federation 2015: From Stagnation to Recession and Back Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://wiiw.ac.at/russian-federation-2015-from-stagnation-to-recession-and-back-dlp-3654.pdf>

12. Oja, Kaspar No milk for the bear: the impact on the Baltic states of Russia's counter-sanctions Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/180081/1/bje_v15_i1_p038-049.pdf

13. Christian Dreger, Jarko Fidrmuc, Konstantin Kholodilin and Dirk Ulbricht: The Ruble between the hammer and the anvil: Oil prices and economic sanctions Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/181286/1/Dreger_2016_Between-Hammer_Preprint.pdf

14. Kholodilin, Konstantin; Ulbricht, Dirk; Wagner, Georg Are the Economic Sanctions against Russia Effective? Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/111807/1/DIW_Roundup_28_en.pdf

15. Havlik, Peter Economic Consequences of the Ukraine Conflict Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/204257/1/wiiw-pol-notes-14.pdf>

16. Chlodilin, Konstantin A.; Netšunajev, Aleksei (2016) : Crimea and punishment: The impact of sanctions on Russian and European economies Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа:

17. Morgan, T. C., N. Vapat, and V. Krustev (2009). The Threat and Imposition of Economic Sanctions, Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа:
18. Neuenkirch, M. and F. Neumeier (2015). The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/130608/1/857312162.pdf>
19. Bank for International Settlements (BIS). 2015. Central Bank Use of and Interest in Big Data. IrvingFisherCommitteereport. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifc-report-bigdata.pdf>.
20. Caruso, R. (2003). The impact of international economic sanctions on trade: An empirical analysis. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/46554561_The_Impact_of_International_Economic_Sanctions_on_Trade_An_Empirical_Analysis
21. Dreger, C., J. Fidrmuc, K. Kholodilin, and D. Ulbricht (2016). Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/181286/1/Dreger_2016_Between-Hammer_Preprint.pdf
22. Crozet, Matthieu; Hinz, Julian Friendly fire - the trade impact of the Russia sanctions and counter-sanctions Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/148042/1/872772748.pdf>
23. Kitchin, R. 2015. "Big Data and Official Statistics: Opportunities, Challenges and Risks" Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.irs.gov/pub/irs-soi/kitchinbigdata.pdf>
24. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>
25. Bank for International Settlements (BIS). 2015. Central Bank Use of and Interest in Big Data. IrvingFisherCommitteereport. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifc-report-bigdata.pdf>.
26. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.cftc.gov/LawRegulation/DoddFrankAct/index.htm>
27. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <http://legcounsel.house.gov/Comps/Sarbanes-oxley%20Act%20of%202002.pdf>
28. Bank for International Settlements (BIS). 2015. Central Bank Use of and Interest in Big Data. IrvingFisherCommitteereport. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifc-report-bigdata.pdf>.
29. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/SDN-List/Pages/ssi_list.aspx
30. Florescu, D., M. Karlberg, F. Reis, P. R. D. Castillo, M. Scaliotis, and A. Wirthmann. 2014. Will 'Big Data' Transform Official Statistics? Eurostat. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: http://www.q2014.at/fileadmin/user_upload/ESTAT-Q2014-BigDataOS-v1a.pdf.
31. Kitchin, R. 2015. "Big Data and Official Statistics: Opportunities, Challenges and Risks" Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.irs.gov/pub/irs-soi/kitchinbigdata.pdf>
32. Айвазян С. А., Бухштабер В. М., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.studmed.ru/ayvazyan-sa-prikladnaya-statistika-klassifikaciya-i-snizhenie-razmernosti_e7c7c79f5b5.html
33. Mayer-Schönberger, V., and K. Cukier. 2014. A Revolution That Will Transform How We Live, Work and Think: Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: https://www.mann-ivanov-ferber.ru/assets/files/bookparts/bolshiedannye/big_data_read.pdf
34. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2017/09/13/Big-Data-Potential-Challenges-and-Statistical-Implications-45106>
35. Data Revolution Group. 2014. Data Innovation: Big Data and New Technologies. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.undatarevolution.org/data-innovation>.
36. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>
37. European Commission, Eurostat. 2016. Big Data and Macroeconomic Nowcasting: From Data Access to Modelling. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistical-working-papers/-/KS-TC-16-024>.
38. Federal Reserve Bank of New York (FRBNY). 2017. "Nowcasting Report." Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.newyorkfed.org/research/policy/nowcast>.
39. Информационный ресурс Электронный ресурс Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2017/09/13/Big-Data-Potential-Challenges-and-Statistical-Implications-45106>

Impact of US economic sanctions on the Russian economy. Modern and promising approaches to research

Tikhonov I.E., Shen Weng Hao, Harlanov A.S.

St. Petersburg University of Economics, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The present article examines the modern approaches towards the USA sanctions against Russia related to Ukrainian political crisis implemented in 2014. The concept of effectiveness of economic sanctions is being examined based on the contemporary studies. The new approaches are suggested in the article, to be examined later, with support of big data systems and neural network technologies.

Keywords: Crimea, sanctions, effectiveness of sanctions, the USA References

1. Information resource Electronic resource Access mode: <https://home.treasury.gov/policy-issues/office-of-foreign-assets-control-sanctions-programs-and-information>
2. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/10/2014-05323/blocking-property-of-certain-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine>
3. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/10/21/2014-24988/sanctions-actions-pursuant-to-executive-orders-13660-13661-and-13662>
4. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/24/2014-06612/blocking-property-of-additional-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine>
5. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2015/08/10/2015-19595/sanctions-actions-pursuant-to-executive-orders-13660-13661-13662-and-13685>
6. Hufbauer GC, Schott JJ, Elliott KA, Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered // Information resource books.google Access mode: <https://books.google.ru/books?id=guzlJDD7DwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
7. Davis, L., & Engerman, S. (2003). History Lesson, Sanctions: neither War not Peace. Information resource Electronic resource Access mode: https://faculty.nps.edu/relooney/jep_62.pdf
8. Davis, L., & Engerman, S. (2003). History Lesson, Sanctions: neither War not Peace. Information resource Electronic resource Access mode: https://faculty.nps.edu/relooney/jep_62.pdf
9. Marinov, N. (2005). Do Economic Sanctions Destabilize Country Leaders? Information resource Electronic resource Access mode: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1540-5907.2005.00142.x>
10. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. EconomicSanctionsReconsidered // Information resource books.google Access mode: <https://books.google.ru/books?id=guzlJDD7DwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
11. Havlik, Peter (2015): Russian Federation 2015: From Stagnation to Recession and Back Information resource Electronic resource Access mode: <https://wiiw.ac.at/russian-federation-2015-from-stagnation-to-recession-and-back-dlp-3654.pdf>
12. Oja, Kaspar No milk for the bear: the impact on the Baltic states of Russia's counter-sanctions Information resource Electronic resource Access mode: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/180081/1/bje_v15_i1_p038-049.pdf
13. Christian Dreger, Jarko Fidrmuc, Konstantin Kholodilin and Dirk Ulbricht: The Ruble between the hammer and the anvil: Oil prices and economic sanctions Information resource Electronic resource Access mode: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/181286/1/Dreger_2016_Between-Hammer_Preprint.pdf
14. Kholodilin, Konstantin; Ulbricht, Dirk; Wagner, Georg Are the Economic Sanctions against Russia Effective? Information resource Electronic resource Access mode: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/111807/1/DIW_Roundup_28_en.pdf
15. Havlik, Peter EconomicConsequencesoftheUkraineConflict Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/204257/1/wiiv-pol-notes-14.pdf>
16. Cholodilin, Konstantin A .; Netšunajev, Aleksei (2016): Crimea and punishment: The impact of sanctions on Russian and European economies Information resource Electronic resource Access mode: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/130608/1/85731216_2.pdf
17. Morgan, T. C., N. Bapat, and V. Krustev (2009). The Threat and Imposition of Economic Sanctions, Information resource Electronic resource Access mode: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/130608/1/85731216_2.pdf
18. Neuenkirch, M. and F. Neumeier (2015). The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth Information resource Electronic resource Access mode: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/130608/1/85731216_2.pdf
19. Bank for International Settlements (BIS). 2015. Central Bank Use of and Interest in Big Data. IrvingFisherCommitteereport. Information resource Electronic resource Access mode: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifc-report-bigdata.pdf>
20. Caruso, R. (2003). The impact of international economic sanctions on trade: An empirical analysis. Information resource Electronic resource Access mode: https://www.researchgate.net/publication/46554561_The_Impact_of_International_Economic_Sanctions_on_Trade_An_Empirical_Analysis
21. Dreger, C., J. Fidrmuc, K. Kholodilin, and D. Ulbricht (2016). Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble. Information resource Electronic resource Access mode: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/181286/1/Dreger_2016_Between-Hammer_Preprint.pdf
22. Crozet, Matthieu; Hinz, Julian Friendly fire - the trade impact of the Russia sanctions and counter-sanctions Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/148042/1/872772748.pdf>
23. Kitchin, R. 2015. "Big Data and Official Statistics: Opportunities, Challenges and Risks Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.irs.gov/pub/irs-soi/kitchinbigdata.pdf>
24. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>
25. Bank for International Settlements (BIS). 2015. Central Bank Use of and Interest in Big Data. IrvingFisherCommitteereport. Information resource Electronic resource Access mode: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifc-report-bigdata.pdf>
26. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.cftc.gov/LawRegulation/DoddFrankAct/index.htm>

27. Information resource Electronic resource Access mode: <http://legcounsel.house.gov/Comps/Sarbanes-oxley%20Act%20Of%202002.pdf>
28. Bank for International Settlements (BIS). 2015. Central Bank Use of and Interest in Big Data. IrvingFisherCommitteereport. Information resource Electronic resource Access mode: <http://www.bis.org/ifc/publ/ifc-report-bigdata.pdf>.
29. Information resource Electronic resource Access mode: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/SDN-List/Pages/ssi_list.aspx
30. Florescu, D., M. Karlberg, F. Reis, P. R. D. Castillo, M. Scaliotis, and A. Wirthmann. 2014. Will 'Big Data' Transform Official Statistics? Eurostat. Information resource Electronic resource Access mode: http://www.q2014.at/fileadmin/user_upload/ESTAT-Q2014-BigDataOS-v1a.pdf.
31. Kitchin, R. 2015. "Big Data and Official Statistics: Opportunities, Challenges and Risks Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.irs.gov/pub/irs-soi/kitchinbigdata.pdf>
32. Ayvazyan S. A., Bukhshtaber V. M., Enyukov I. S., Meshalkin L. D. Applied statistics: Classification and dimensionality reduction Information resource Electronic resource Access mode: https://www.studmed.ru/ayvazyan-sa-prikladnaya-statistika-klassifikaciya-i-snizhenie-razmernosti_e7c7c79f5b5.html
33. Mayer-Schönberger, V., and K. Cukier. 2014. A Revolution That Will Transform How We Live, Work and Think: Information Resource Electronic Resource Access Mode: https://www.mann-ivanov-ferber.ru/assets/files/bookparts/bolshie-dannye/big_data_read.pdf
34. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2017/09/13/Big-Data-Potential-Challenges-and-Statistical-Implications-45106>
35. Data Revolution Group. 2014. Data Innovation: Big Data and New Technologies. Information resource Electronic resource Access mode: <http://www.undatarevolution.org/data-innovation>.
36. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report .ashx>
37. European Commission, Eurostat. 2016. Big Data and Macroeconomic Nowcasting: From Data Access to Modeling. Information resource Electronic resource Access mode: <http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistical-working-papers/-/KS-TC-16-024>.
38. Federal Reserve Bank of New York (FRBNY). 2017. "Nowcasting Report." Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.newyorkfed.org/research/policy/nowcast>.
39. Information resource Electronic resource Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2017/09/13/Big-Data-Potential-Challenges-and-Statistical-Implications-45106>

Суверенитет России: угрозы и вызовы со стороны глобальных корпораций

Бекбулатов Дамир Равилович,

старший преподаватель, факультет экологии и техно-сферной безопасности, Российский государственный социальный университет, bek.aigul@mail.ru

Лутовинова Наталья Викторовна,

старший преподаватель, юридический факультет, Рос-сийский государственный социальный университет, LutovinivaNV@rgsu.net

Незнамова Алла Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент, юридический фа-культет, Российский государственный социальный уни-верситет, NeznamovaAA@rgsu.net

Крюкова Елена Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент, экономический факультет, Российский государственный социальный университет, Lena-krukova@yandex.ru

В данной работе обозначены факторы с помощью, кото-рых можно проследить специфику российского дискурса о глобализации. Россия предлагает альтернативу за-падному проекту глобализации с упором на националь-ный суверенитет стран и интеграцию на основе согла-сия. Означает ли это, что Россия действительно попа-дает в изоляцию? Насколько Россия включена в миро-вые процессы?

Исследование основано на изучении некоторых пред-ставлений о том, как глобализация повлияла на нацио-нальные государства в целом и на то, что можно назвать «внешней» стороной суверенитета. Рассмотрены внутренние последствия этих глобальных сил. Опре-делены сообщества, которые считают себя или воспри-нимаются другими как неблагополучные в результате глобализации, как эти недостатки объясняются глобали-зацией. Изложены некоторые ограничения, которые гло-бализация накладывает на правительства, и области, в которых они могут действовать, отвечая на озабочен-ность по поводу неблагополучных слоев общества. Пра-вительство не может уйти из мира, но должно взаимо-действовать с миром. Однако правительствам необхо-димо вновь заверить сообщества, объяснив, почему они взаимодействуют с глобальным миром, с точки зрения преимуществ, которые сопутствуют взаимодействию, и ограничений, которые оно налагает на них.

Ключевые слова: глобальные корпорации, мировое сообщество, глобализация, экономический суверенитет, космополитизм

Стирание различия между международными и внутренними делами приветствовалось в одних кругах как содействие миру во всем мире, правам человека и процветанию и отвергалось в других как представляющее основную угрозу демократии, свободе и экономическому благополучию. Тех, кто приветствует изменения, сопровождающие глоба-лизацию, можно охарактеризовать как занимаю-щих «космополитическую» позицию, а тех, кто от-вергает эти изменения, можно охарактеризовать как занимающих анти космополитическую пози-цию.

Странники космополитизма утверждают, что наиболее эффективный и, возможно, единствен-ный способ решения проблем глобализации — это создание глобальных институтов и участие в них. Однако они расходятся во мнениях относительно того, насколько эти глобальные институты должны подменять суверенитет государства. Те, кто при-ветствует глобализацию, не обязательно утвер-ждают, что с миром все в порядке или что мир неизбежно движется к глобальной утопии. Они признают существование многих проблем, связан-ных с глобализацией. Например, они могут согла-ситься с тем, что глобальные экономические ин-ституты, такие как транснациональные корпора-ции, Всемирный банк и Международный валютный фонд, обладают мощью, не будучи подотчетными тем, на чью жизнь они влияют. Они также призна-ют, что политические институты, неподконтроль-ные национальным сообществам, могут влиять на сообщества, не будучи перед ними подотчетны, как это было в случае Европейского Союза.

Безоговорочный космополитизм утверждает, что проблемы, приписываемые глобализации, на самом деле возникают в результате того, что они не полностью приняли и не приняли все более глобальный характер мира. Он выражает подозре-ние в отождествлении суверенитета с интересами национальных сообществ, отмечает, что предста-вители государств являются одними из самых се-рьезных нарушителей прав человека, и выявляет причину масштабной бедности коррумпированных политических элит.

Безоговорочный космополитизм утверждает, что нарушения прав человека и глобальная бед-ность наиболее эффективно решаются через международные институты. Эти учреждения долж-ны обладать необходимыми полномочиями и вла-стью, чтобы пресекать нарушения прав человека и обеспечивать распределение товаров. Логическим завершением этой точки зрения является мировое правительство, которое может полагаться на национальные правительства в проведении поли-

тики, но при этом обладает властью над государствами. Мировое правительство будет отражать и способствовать мировой экономике, в которой движение рабочей силы было бы так же мало ограничено, как движение капитала сегодня. Меры национального реагирования на такие глобальные проблемы, как деградация окружающей среды и управление ресурсами, бедность и перемещение населения, а также распространение болезней, рассматриваются как неэффективные.

Ответ на деградацию глобальных достояний, таких как атмосфера, океаны и рыболовство, мог бы предложить строгий контроль за выбросами, подобный тем, которые были заключены на саммите в Киото в 1997 году. Однако можно также отметить, что злополучный результат Киотской декларации олицетворяет неспособность суверенных государств действовать сообща для решения глобальных проблем. В данном случае Соединенные Штаты вышли из соглашения, поскольку отсутствие ограничений на выбросы, применяемых к развивающимся странам, было истолковано как компромисс для их национальных интересов. Мировое правительство считается единственным институтом, способным обеспечить соблюдение международных стандартов отдельными суверенными государствами. Однако этот момент игнорирует некоторые очень важные международные достижения без мирового правительства, такие как Монреальские протоколы 1987 года.

Существует версия космополитизма, которая придерживается более осторожного подхода к глобализации. Не существует единого мнения о том, какие аспекты глобализации желательны, а какие нет. С одной стороны, промышленные и коммерческие организации, которые рассматривают открытие рынков как расширение потребительского выбора и снижение цен на товары, могут также выражать оговорки в отношении многосторонних договоров, регулирующих их деятельность в соответствии с международными экологическими стандартами. С другой стороны, квалифицированная поддержка глобализации осторожным космополитизмом сделала его уязвимым для обвинений в непоследовательности.

Например, был сделан ряд наблюдений, указывающих на парадоксальность попытки создать всемирное движение против глобализации. Организаторы так называемых антиглобалистских демонстраций в Давосе, Сизэтле, Мельбурне полагались на глобальные коммуникационные сети для обмена информацией и стратегиями, при этом сожалея о глобальных экономических институтах. Однако эти парадоксы игнорируют различия, проводимые значительной частью демонстрантов между элементами глобализации, которые они сочли желательными, и теми, которые они не сочли желательными. Можно ли предположить, что у нас могут быть глобальные права человека без тех же сил, которые порождают глобальный рынок, или наоборот? Государства важны для защиты национальных интересов. Однако, признавая важность государства, мы должны понимать, что госу-

дарства должны сотрудничать друг с другом в решении проблем, возникающих в глобальном масштабе. Осторожный космополитизм склонен говорить о важности зарождающегося глобального гражданского общества, состоящего из государств и неправительственных организаций, которое объединяется рамками норм, поддерживаемых международными пактами и договорами, а не мировым правительством. Государства должны считаться суверенными на национальном или территориальном уровне, но есть основания оказывать на них давление, чтобы они вели себя как хорошие международные граждане.

Антикосмополитизм - это громкий ответ на глобализацию. Он объявляет глобализацию угрозой национальной идентичности, политическому суверенитету и национальным экономическим интересам. Однако в рамках антикосмополитизма существуют разные взгляды на предполагаемый характер угроз, создаваемых глобализацией, и на предлагаемые ответы на это явление. В своих формах включает в себя ксенофобию и теорию глобального заговора. Примеры проявлений антикосмополитизма можно найти в обвинении в международном заговоре еврейских финансистов в экономических проблемах Малайзии; теории заговора об угрозе суверенитету государств со стороны мирового правительства, часто воплощаемого в виде Организации Объединенных Наций; антииммигрантская политика Национального фронта во Франции и Британской национальной партии в Соединенном Королевстве. Более умеренные выражения антикосмополитизма осуждают откровенно расистскую риторику и теорию международного заговора. «Умеренный» антикосмополитизм поддерживает протекционистскую экономическую политику исходя из национальных интересов, а не международного заговора, с подозрением относится к соглашениям, налагающим международные обязательства на государство, и поддерживает политику культурной ассимиляции, а не расовой изоляции как основы национальной идентичности. Обе версии представляют собой общий взгляд на глобализацию как на совокупность опасных и потенциально неконтролируемых сил, которые лишают сообщества власти, лишая государство возможности управлять своими внутренними экономическими и политическими механизмами и защищать сложившуюся национальную идентичность. В этом воплощении глобализация объясняет обстоятельства людей, которые чувствуют себя все более отчужденными от экономических и политических институтов, через которые они управляются, а также изолированными от гражданского общества на национальном уровне. Вместо того, чтобы взаимодействовать с глобальными силами в попытке поставить их под своего рода контроль, антикосмополитизм стремится уйти в отставку и укрепить поле национальных барьеров. При таком понимании создание и участие в глобальных институтах лишает возможности единственного института, способного защищать самобытность и интересы

национальных сообществ: национального государства.

Опишем характер предполагаемых недостатков глобализации и объясним, как эти недостатки связаны с глобализацией. Три области, в которых глобализация вызвала самое громкое осуждение: компромисс национальных экономических интересов; компромисс суверенитета, и компромисс национальной идентичности.

Опасения по поводу компромисса национальных экономических интересов относятся к убеждению, что в глобальном мире государство менее способно представлять экономические интересы национального сообщества из-за либерализации торговли, финансовой мощи транснациональных корпораций и международной мобильности капитала.

Экономическая глобализация означает растущую взаимозависимость между экономиками стран и большую степень зависимости этих экономик от инвестиций транснациональных корпораций.

Экономическая взаимозависимость — это не просто увеличение объема международного обмена между государствами. Она включает в себя привлечение капитала в одной или нескольких странах для поддержки производства в других и распространение производства товаров на любое количество стран. Глобальный характер инвестиций и производства отражает и способствует увеличению международной мобильности капитала и либерализации торговли.

Повышению международной мобильности капитала способствовала революция в информационных технологиях, которая позволяет осуществлять немедленную связь по всему миру. Электронная революция позволила транснациональным корпорациям наладить операции с многонациональными базами, что дало им возможность передавать деятельность и ресурсы через государственные границы в больших масштабах.

Легкость, с которой капитал может перемещаться через национальные границы, открывает возможность того, что выгоды от инвестиций будут потеряны, если капитал будет переведен из одной национальной экономики в более прибыльный или многообещающий объект. Потеря инвестиций приводит к безработице и лишает правительства налоговых поступлений. В этих обстоятельствах национальным правительствам рекомендуется отказаться от тарифов и ввести режимы низкого налогообложения капитала и гибких условий труда для привлечения инвестиций.

По мере того, как сокращаются национальные доходы, уменьшается и способность государства оказывать помощь своим гражданам через государственное финансирование программ социального обеспечения, образования и здравоохранения. Уменьшение государственных доходов, вызванное глобализацией, было представлено как одно из условий, способствующих уходу государства из государственных предприятий. Государство больше не может позволить себе предостав-

лять услуги, вынуждая его продавать коммунальные услуги.

Глобализация побуждает квалифицированную рабочую силу становиться более мобильной в международном масштабе в поисках высоких инвестиций и вознаграждений - то, что в странах, которые не могут выдержать эти условия, называют «утечкой мозгов». Поскольку правительства стремятся поддерживать предоставление государственных услуг, привлекая международные инвестиции и квалифицированную рабочую силу, бремя налогообложения перекладывается с мобильного капитала и навыков на менее квалифицированную рабочую силу, которая относительно неподвижна.

Второй аспект глобализации — это влияние глобальных сил на суверенитет государства. Утверждается, что суверенитету государства угрожают два события, связанные с глобализацией. Первый — это появление глобальной преступности. Второй относится к изменяющемуся характеру международного права и инструментов, таких как договоры, и растущему значению неправительственных и государственных организаций в анализе внутренней политики национальных правительств. Высказывались опасения, что преступные сети, охватывающие весь земной шар, причастны к незаконной перевозке людей, товаров, денег и информации. Эти сети становятся все более сложными по мере развития глобальных коммуникационных и транспортных сетей. Эти опасения подтверждаются опытом в отношении результатов роста сетей незаконного ввоза людей с прибытием нелегальных иммигрантов, в частности из Западной Азии и Ближнего Востока, на ее северо-западное побережье. Приток вновь прибывших из стран происхождения, которые становятся все более удаленными, налагает на правительства все большее бремя по защите своих физических границ. Это также означает, что страны могут столкнуться с попытками установить режимы обращения с незаконно прибывшими лицами, которые будут сдерживать дальнейшее прибытие.

Проблема безопасности границ поднимается также в связи с транспортировкой товаров. Количество контрабандных товаров, которые проникают незамеченными, трудно оценить, но можно предположить, что по мере повышения уровня обнаружения возрастает их количество. Перемещение нелегальных наркотиков из Центральной и Южной Америки достигло такого высокого уровня, что началось наступление против наркокартелей в странах, из которых происходит незаконная торговля. В дополнение к организованной контрабанде товаров власти сталкиваются с менее преданмерной угрозой целостности своих границ из-за увеличения доступности международных поездок для большего числа людей. Перемещение людей увеличивает угрозу заражения такими болезнями, как ВИЧ / СПИД, завозимые путешественниками (как внутренними, так и иностранными), которые совершают поездки в районы высокого риска заражения, такие как Юго-Восточная Азия. Также

вызывает беспокойство случайный завоз сельскохозяйственных болезней, таких как ящур (домашний скот), бактериальный ожог (яблоки и груши), черная сигаточка (бананы) и вирус белой пятнистости (креветки). Способность правительств контролировать национальные границы становится все более сложной в отношении передачи информации из-за цифровизации. Например, обнаружение всемирных группировок педофилов, торгующих изображениями жестокого обращения с детьми, стало серьезной проблемой для правительств.

Вторая группа опасений по поводу угрозы суверенитета со стороны глобализации связана с растущим давлением на национальные правительства с целью реализации законодательства, удовлетворяющего международное сообщество. Национальные правительства все чаще подвергаются попыткам навязать стандарты, изложенные в многосторонних договорах, например, неудавшееся Многостороннее соглашение по инвестициям и различные международные декларации по правам человека и экологическим стандартам. Они также являются объектом повышенного внимания и критики со стороны международных организаций, таких как Всемирная торговая организация, Комитет ООН по правам человека.

В традиционном понимании международных отношений акцент на договорах усиливает центральную роль государств и национальных интересов в международных отношениях. Договоры заключаются между государствами в интересах государств, а не служат поводом для международной критики внутренних договоренностей государств. В мире, ориентированном на государство, договоры являются средством защиты суверенитета.

С момента завершения Второй мировой войны количество договоров увеличилось, поэтому их объем изменился. Помимо регулирования дипломатических отношений между государствами, договоры могут налагать на государства внутренние политические, экономические и экологические обязательства.

Меняющийся характер международных соглашений, конвенций и договоров способствовал разрушению различий между внутренними и международными делами. Международное право не занимается исключительно отношениями между нациями, теперь оно преодолевает границы и занимается внутренними делами и индивидуальными правами человека в государствах. Из-за усиления воздействия договоров на внутренние дела практика подписания, ратификации и выполнения договоров и других международных соглашений стала предметом некоторых разногласий. Многие международные организации, такие как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд, перед которыми обязались правительства, не являются демократическими институтами, поскольку они не избираются национальными сообществами и не представляют их.

Глобальные силы подрывают социальную сплоченность, которая необходима для сохранения национальных сообществ. Глобализация оказывает давление на национальную идентичность двумя способами: это повышение мобильности населения по всему миру и развитие глобальных коммуникационных сетей.

Крупные международные перемещения населения не новы. Современные перемещения населения отличаются как увеличением численности, так и увеличением расстояний, которые люди могут преодолевать за определенный период времени. Движение населения в современном мире вызвано растущим разрывом между высоким уровнем жизни в западных странах и низким уровнем жизни в южных странах. Заявления о более высоком уровне жизни на Западе отражают не только экономическое богатство Запада, но и относительную политическую стабильность.

Растущая многокультурность городов в странах Западной Европы пошатнула представления о национальной идентичности и породила проявления ксенофобии и даже вспышки расистского насилия. Враждебное отношение общества к притоку в западноевропейские страны затрудняет для правительств получение общественного признания тех видов программ управляемой миграции, которые они теперь хотят внедрить для восполнения нехватки квалифицированных кадров. Рост перемещения населения вызвал опасения, что общины, которые когда-то обладали четкими стандартами и принятыми культурными обычаями, и верованиями, теперь должны принимать постоянно растущее число людей с разнообразными культурными обычаями и верованиями. Быстрота изменений побуждает людей интроспективно смотреть на то, с чем они знакомы, а не устанавливать вежливые отношения с новоприбывшими. Переходу к глобальной культуре способствовали технологические достижения в области передачи информации, например: компьютерных технологий, таких как проверка орфографии, и рекламы.

Распространяются три мифа об угрозе, которую представляет глобализация. Во-первых, утверждения о том, что могущественные транснациональные корпорации подрывают суверенитет и способность правительства представлять интересы национального сообщества, несостоятельны. Правительства ограничены экономической остротой в отношении частоты, с которой они ссылаются на национальные интересы, чтобы ограничить иностранные поглощения, но ограничения не затрагивают суверенитет государств. Во-вторых, отвечая на утверждения о том, что глобализация спровоцировала глобальную гонку за дно, утверждалось, что инвестиции транснациональных корпораций не определяются исключительно соображениями низких налогов и стандартов труда. Стабильная социальная и политическая инфраструктура также способствует привлечению инвестиций. В-третьих, утверждения о том, что разрыв между самыми богатыми и беднейшими странами увеличивается, были оспорены на том основании,

что данные Программы развития Организации Объединенных Наций, использованные для обоснования этих утверждений, ошибочны. При оценке экономической осмотрительности использования национальных интересов для предотвращения иностранных поглощений, правительства должны учитывать возможность того, что такое решение поставит под угрозу преимущества, связанные с иностранными инвестициями, такие как занятость. Репутация страны, ограничивающей международные потоки капитала, может препятствовать дальнейшим инвестициям.

Утверждения о том, что глобализация вызвала отток квалифицированной рабочей силы, носит временный характер, и по возвращении рабочая сила будет более квалифицированной с учетом ее международного опыта.

Глобализация оставляет на усмотрение правительства важные области управления экономикой, такие как определение национальных интересов и способы защиты наиболее уязвимых членов общества. Однако есть некоторые области, над которыми правительство не имеет большого контроля. В случае установления ограничений на цену импортируемых товаров, таких как нефть, правительство так же ограничено, как и любой индивидуальный потребитель на гораздо более крупном рынке. Односторонние действия, такие как принятие политики ограничения цен и субсидий, контрпродуктивны. Ограничение цен может ввести ограничения, которые сделают распределение продуктов неустойчивым, поскольку оптовые цены превышают установленные розничные цены, а субсидии истощают государственные доходы, возвращая лишь незначительное облегчение отдельным потребителям. Обе эти односторонние стратегии будут иметь лишь ограниченную эффективность, поскольку они направлены на устранение симптомов, а не причин.

Россия часто смотрела в Западную Европу в качестве идеальной социально-культурной модели на протяжении всей истории. Спор между славянофилами и западниками в российском интеллектуальном сообществе в середине XIX века является примером этой напряженности. Сегодня российские политики часто апеллируют к противоположным настроениям населения в отношении Европы по чисто политическим причинам. У западных и русских людей разные взгляды на цивилизацию. С западной точки зрения, научная и правовая рациональность задумана как единственная возможная платформа для сосуществования человечества, и они продвигаются как наиболее успешный цивилизационный проект, который будет распространяться по всему миру. Заключительный этап глобализации задуман как всеобщая интеграция. Русские же, напротив, придерживаются мнения, что каждая страна, каждый народ по своему цивилизован. Более того, россияне не считают, что Европа полностью решила фундаментальную дилемму общества: относительную ценность личной свободы по сравнению с социальной безопасностью. Усилить одно — значит ослабить

другое. В то время как Западная Европа решила попытаться максимизировать и то, и другое как одинаково важные, неправда, что русские считают личную свободу менее важной, чем европейцы, она просто понимается в духовном, а не в рациональном плане - духовное понимается как творческая свобода, часто обозначаемая в русском языке словом «воля».

По этой причине многие российские интеллектуалы считают, что Россия не просто неотъемлемая часть европейской культуры, а фактически превосходит ее. В последнее время как в России, так и в Европе интеллектуалы и простые люди часто путают политический либерализм с экономической либерализацией. Последнее имело место в России с 1990-х годов, но в этот период либерализм привел к подрыву традиционных российских ценностей. в русском языке часто обозначается словом «воля». По этой причине многие российские интеллектуалы считают, что Россия не просто неотъемлемая часть европейской культуры, а фактически превосходит ее. В последнее время как в России, так и в Европе интеллектуалы и простые люди часто путают политический либерализм с экономической либерализацией. Последнее имело место в России с 1990-х годов, но в этот период либерализм привел к подрыву традиционных российских ценностей. Допуская глобализацию изнутри, мы можем выделить сегодня два разных типа «русских»: «продвинутый потребитель», который живет от одного удовольствия к другому, жизнь, отмеченная материализмом и путешествиями, комфортная и безопасная жизнь; и «вор Европы», который восхищается Европой за ее либеральную мысль, за ее экономические, социальные и политические свободы, но видит в Европе своего рода музей, который стоит ценить и посещать, но не жить в нем.

Подходы, которые Россия принимает во внешней политике, можно суммировать применительно к трем различным типам: либералы, которые хотели бы превратить Россию в неотъемлемую часть Европы; реалисты (государственники) во влиятельном центре полицентричного мира; и националисты, идеологи правого антиглобализма, которые хотят союза с традиционными правыми в Европе. Эти три типа, возникшие в разное время в истории современной России, теперь выстраиваются в понятные тенденции. Реалисты - государственные чиновники - определяют параметры российской внешней политики, что является результатом совсем недавней истории отношений стра-

ны с Западом и во многом благодаря политике сдерживания последнего.

Россия является страной, которая была слабой на международном уровне в течение нескольких лет, особенно в конце 1990-х и начале 2000-х годов, когда она была подвержена глобализации под руководством Америки. В 2007 году Россия возродилась с новой силой, предложив свою модель развития и культуру. Этому способствовало ослабление глобальной гегемонии Америки, что оставило больше места для реалистических взглядов среди российских государственныхников. Сегодня Россия - один из ключевых игроков мировой политики и мировой экономики. Россия думает и действует глобально. Это глобализованная страна, которая борется с темной стороной глобализации, но находится на определенном расстоянии от управления глобальной безопасностью в военной сфере из-за фактического отсутствия сотрудничества с НАТО и Вашингтоном.

Эти тенденции, способствующие многосторонней трансформации, теперь сочетаются с быстрым развитием беспрецедентных новых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), которые представляют собой главную глобальную и геополитическую силу. Большинство специалистов по стратегии считают, что ИИ лучше обслуживает авторитарные режимы, чем открытый демократический диалог, потому что он ориентирован на быстрое принятие решений, а значит, по сути, антидемократический.

Отвечая на представления о том, что глобализация представляет собой угрозу, необходимо признать, что эти представления имеют обоснование. Они проистекают из представлений о недостатках, которые справедливо или ошибочно приписываются глобализации, но они не обязательно влекут за собой обращение к ксенофобии или теории международного заговора. Восприятие глобализации как угрозы может быть наиболее эффективно устранено, если продемонстрировать понимание лежащих в их основе причин. Если преимущества и риски, которые сопровождают глобализацию, а также потребности, которые она налагает на правительства, не будут четко представлены, правительства и парламенты рискуют оттолкнуть сообщества и подвергнуть себя негативной реакции на выборах. Утверждения о том, что глобализация подорвала способность государств представлять и защищать интересы национальных сообществ и особенно наиболее обездоленных слоев национальных сообществ, просто не поддерживаются. Глобальные учреждения, такие как Всемирная торговая организация, состоят из национальных правительств. Хотя их могут обвинить в том, что они являются форумом, в котором одни обладают большей властью, чем другие, такая ситуация не нова в международных отношениях. Фактически, проверка со стороны неправительственных организаций может предоставить более слабым членам дополнительные рычаги воздействия.

Критики глобализации также представили присоединение национальных правительств к международным договорам как дефицит демократии. Однако в договорах часто устанавливаются минимальные условия для наиболее уязвимых слоев национальных сообществ, и, во всяком случае, правительства могут отказаться от договора в случае, если они сочтут, что соглашение больше не служит национальным интересам.

Литература

1. Портнов, А. А. Специфика функционирования праворадикальных организаций в России и странах зарубежной Европы / А. А. Портнов, Д. В. Неведов // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 7. – С. 162-167. – DOI 10.31171/vlast.v26i7.5947.

2. Костюк, Р. В. Произошел Ли в Европе "правый поворот"? / Р. В. Костюк, И. Н. Новикова // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 25-35.

3. Кукарцева, М. А. Фантазия и реальность в политическом мышлении современной Европы / М. А. Кукарцева, М. В. Грановская // Власть. – 2016. – Т. 24. – № 7. – С. 144-148.

Russian Sovereignty: Threats and Challenges from Global Corporations

Bekbulatov D.R., Lutovinova N.V., Neznamova A.A., Kryukova E.M.

Russian State Social University

This paper identifies factors with the help of which you can trace the specifics of the Russian discourse on globalization. Russia proposes an alternative to the Western globalization project, focusing on the national sovereignty of countries and integration on the basis of consent. Does this mean that Russia really falls into isolation? How is Russia included in world processes?

The study is based on some insights into how globalization has affected nation States in general and what may be called the "outside" side of sovereignty. The internal consequences of these global forces are considered. Communities that consider themselves, or are perceived by others, to be disadvantaged as a result of globalization are identified, as these shortcomings are attributed to globalization. Some of the constraints that globalization places on Governments and the areas in which they can act in response to concerns about disadvantaged sectors of society are outlined. The government cannot leave the world, but must interact with the world. However, Governments need to reassert communities by explaining why they interact with the global world in terms of the benefits that accompany interaction and the constraints it imposes on them.

Keywords: global corporations, the world community, globalization, economic sovereignty, cosmopolitanism.

References

1. Portnov, A. A. The specifics of the functioning of right-wing radical organizations in Russia and the countries of foreign Europe / A. A. Portnov, D. V. Nefedov // Power. - 2018. - Vol. 26. - No. 7. - P. 162-167. - DOI 10.31171/vlast.v26i7.5947.
2. Kostyuk, R. V. Whether there was a "right turn" in Europe? / R. V. Kostyuk, I. N. Novikova // New and modern history. - 2012. - No. 6. - pp. 25-35.
3. Kukartseva, M. A. Fantasy and reality in the political thinking of modern Europe / M. A. Kukartseva, M. V. Granovskaya // Power. - 2016. - Vol. 24. - No. 7. - pp. 144-148.

Западные альтернативы региональной интеграции с участием Монголии

Безруков Станислав Сергеевич

аспирант Института международных отношений и государственного управления Монгольского государственного университета, stas.bezrukov@yahoo.com

В статье представлен общий контекст интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе с учетом основных параметров столкновения проектов великих держав. В качестве основного теоретического подхода взяты наработки современных исследователей регионализма.

Автор утверждает, что быстрый экономический рост в АТР в последнее время стал основной причиной повышения заинтересованности великих держав в продвижении своих интеграционных инициатив в целях сохранения позиций в регионе. США и Япония пользуются своими тесными связями для того, чтобы обеспечить успех своих планов вопреки продолжению диалога в трехстороннем российско-монгольско-китайском формате по вопросу создания Экономического коридора. Американское присутствие обусловлено политическими и военно-политическими мотивами, тогда как японцы акцентируют внимание на развитии экономического сотрудничества.

Автор заключает, что для развития региональной интеграции в формате треугольника Россия-Монголия-Китай есть объективные геополитические и политэкономические предпосылки. Вместе с тем, в данном формате не разработано эффективных механизмов взаимодействия. Предлагается возможность изучения опыта развития интеграции по образцу западных подходов, показавших свою эффективность, в целях адаптации передового опыта для обеспечения лучшего функционирования создаваемого в перспективе субрегионального объединения.

Ключевые слова: Экономический коридор Россия-Монголия-Китай, новый регионализм, сравнительный регионализм, интеграция в АТР, Монголия, Индо-Тихоокеанская стратегия.

Контекст отношений Монголии с «третьим соседом»

Монголия является одним из основных опорных пунктов для американской внешней политики в азиатско-тихоокеанском регионе. Эта роль еще более укрепилась за Улан-Батором в результате обострения китайско-американских отношений, поскольку поддержание лояльности политического руководства Монголии для американской администрации обеспечивает по меньшей мере сохранение источника информации о российско-китайском сотрудничестве. Крепкие позиции западных стран в Монголии также станут залогом постоянного давления на китайские позиции – в данном случае, с тыла, что в целом вписывается в общую концепцию сдерживания Китая путем формирования вокруг него кольца недружественных государств.

Безусловно, первостепенное значение Улан-Батор отдает и будет отдавать укреплению отношений с двумя соседями. Это обусловлено геостратегическими и экономическими причинами. Тем не менее, активное участие проамериканских организаций в жизни монгольского общества (посредством сети НПО и проведения социально-ориентированных программ по линии международных организаций) определяет общую тенденцию на позитивное в отношении западных партнеров мнение. Как отмечают монгольские социологи, политически активная молодежь в стране все чаще ориентируется на получение образования в европейских и американских учебных заведениях, тогда как россияне и китайцы к настоящему моменту запаздывают с принятием ответных мер. Если Пекин уже начал акцентировать внимание на подготовке политически-мотивированной молодежи в русле своей концепции, притом осуществляя это в основном по линии действительных сотрудников партийных органов, то Москва продолжает реализовывать общую концепцию всесторонней подготовки монгольских граждан без акцента на обеспечении их дальнейшего трудоустройства.

Американцы на этом фоне действуют наиболее эффективно, активно продвигая инструменты «мягкой силы». В частности, подготовка производится на самом младшем уровне, через сеть волонтеров, работающих в учреждениях дошкольного и школьного образования. Действуют региональные представительства ведомых англосаксонскими интересами международных организаций. Все это уже вылилось в общественное недовольство тем фактом, что в результате серьезного обновления политической верхушки в стране к власти пришла прозападная молодежь.[1] Монголов, конечно, этот факт беспокоит лишь с той точки зрения, что молодые руководители слабо представляют себе действительные потребности

сти монгольского общества, а зачастую тотально игнорируют существующие проблемы. Эксперты обращают внимание также на общий прозападный уклон новых руководителей, которые собираются сделать английский язык вторым языком Монголии[2], а также модифицировать систему образования в стране под западные стандарты, то есть, закрепить и усилить воздействие прозападных институтов на развитие монгольского общества, а также провести массовую цифровизацию экономики, что, как ожидается, может иметь не только позитивный эффект для рядовых граждан, но и серьезно расширить спектр угроз информационной безопасности. Немаловажно, что для монгольских политиков важное значение приобрело изучение японского опыта модификации внутреннего законодательства под нужды ускоренного экономического развития.[3]

Активное подсоединение Монголии к элементам политики США и ее союзников в АТР является фактором, всерьез беспокоящим КНР и Россию. Американские партнеры Улан-Батора при этом действуют достаточно широким фронтом. Общее направление движения определяется стратегическими инициативами по привлечению АТР в сферу своих интересов. В минувшую декаду они были реализованы в рамках сперва Транстихоокеанского партнерства, а после прихода администрации Д.Трампа – свободного и открытого индо-тихоокеанского региона, ведущая роль в которой отдана ближайшим партнерам Монголии – Индии, Японии и Австралии.

Один из альтернативных вариантов развития интеграции в АТР был предложен в 2016 году Премьер-министром Японии Синдзо Абэ в рамках концепции «Открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона». Переговоры в этом направлении ведутся очень активно. При этом регулярно трансформируется формат, создаются новые возможности, в частности, и для привлечения к участию в них Улан-Батора. В настоящее время наиболее активно продвигается четырехсторонний диалог в формате Япония-США-Индия-Австралия. В ходе очередной встречи обсуждались вопросы не только выстраивания экономического сотрудничества в регионе, что было первоначальной целью японского руководства, но и политические пертурбации, связанные с усилением американо-китайского противоречия и воздействием на глобальную политику нового фактора коронавирусной пандемии, а также вопросы безопасности.[4]

Следует отметить, что позиции японской и американской администраций относительно реального предназначения концепции совпадают не полностью. Вашингтон во главу угла по-прежнему ставит продвижение роли АСЕАН в формировании региональных интеграционных проектов в АТР в качестве альтернативных китайским и российским проектам в регионе, тогда как Токио принципиально свою инициативу ни Китаю, ни России не противопоставляет, продолжая настаивать на том, что укрепление связей с Китаем, Республикой Кореей

и Россией является главным приоритетом региональной кооперации.[5]

Японское правительство неоднократно заявляло о том, что «Открытый и свободный Индо-Тихоокеанский регион» не предназначен для противодействия стратегическим наработкам Пекина в области развития инфраструктуры или сдерживания подъема Китая в более широком смысле. Позиции американской администрации более решительны. Д.Трампа заявлял о подключении к концепции с 2017 года, и с тех же пор в риторику американских политиков плотно засело восприятие Китая как явной угрозы интересам международного сообщества.

Несмотря на отсутствие ясности относительно предназначения «Открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона», эта инициатива стала одним из механизмов координации внешнеполитических усилий Японии и США, а также легла в основу внешнеполитической «Индо-Тихоокеанской стратегии» администрации Д.Трампа, сменившей планы по развитию Транстихоокеанского партнерства.[6] Именно в этой связи политика «третьего соседа» Монголии получила вполне явные очертания в упомянутых двух концепциях.

Стоит отметить, что, несмотря на принципиальную схожесть внешнеполитических доктрин, вопросы задействования Улан-Батора в региональной и международной кооперации решаются различными представителями «третьего соседа» по-разному. В частности, подходы Вашингтона в силу географической удаленности Монголии имеют более выраженную политическую направленность: особое внимание уделяется принятию межгосударственных деклараций о статусе дипломатических отношений, тогда как вопросы инвестиционного взаимодействия, принятия законодательных решений об упрощении торговли и оказания помощи социально-экономическому развитию Монголии становятся долгоиграющими.

Для японцев сотрудничество с Улан-Батором является более ощутимым, реальным. В этом смысле политики двух стран акцентируют свою работу не столько на закреплении политических достижений (этому в общем-то отводится едва ли не последняя роль), сколько на запуске реального экономического взаимодействия, призванного расширить торговлю и повысить позиции японских производителей на монгольском рынке. Как следствие – сотрудничество характеризуется регулярным обновлением планов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, разработка и утверждение краткосрочных, среднесрочных и перспективных документов в области практического взаимодействия.

Интеграционный контекст монголо-американских отношений

Согласно декларации о стратегическом партнерстве между Монголией и Соединенными Штатами Америки, утвержденной 31 июля 2019 был повышен уровень политических отношений. Стороны подчеркнули приверженность базовым прин-

ципам международных отношений, акцентировав внимание на центральных для американских подходов вопросах продвижения демократии, защиты прав человека, обеспечения стабильно и безопасности в регионе. [7] Документ состоит всего из восьми пунктов, которые полностью раскрывают стремления американской внешней политики на треке взаимодействия с Улан-Батором в контексте регионального сотрудничества. В частности, продвигается следование базовым демократическим ценностям, в том числе свобода религии, что уже вызывает серьезную озабоченность в первую очередь у Пекина. Заявляется приверженность соблюдению свободы слова, прессы, открытость антикоррупционной и налоговой политики, а также сотрудничеству двух стран в сфере молодежной политики и воспитания молодых лидеров Монголии.

Вопросы безопасности и региональной стабильности рассматриваются через призму Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), и закрепление данного термина в двустороннем документе становится подтверждением понимания Улан-Батором новой внешнеполитической стратегии США в Азиатском регионе. ИТР, конечно, подается как основа не только политического, но и экономического взаимодействия, направленного на обеспечения устойчивого развития. Вместе с тем, основной акцент все же падает на военно-политическое сотрудничество, в частности, укрепление связей между правоохранительными органами, продвижение участия Монголии в миротворческих и гуманитарных операциях.

В сфере торгово-экономических связей упоминается реализация монголо-американского соглашения о транспарентности, которое, как известно, накладывает серьезные и, по сути, односторонние обязательства на монгольское правительство в плане предоставления конфиденциальной информации о состоянии внутреннего финансового и банковского секторов. Аналогичные положения заложены в тексте Дорожной карты расширенного экономического партнерства между Монголией и США, утвержденной в сентябре 2018 года.[8] Кстати, указанный документ не содержит каких-то серьезных достижений в развитии экономического взаимодействия, за исключением реального сотрудничества в рамках Второго компактно-соглашения с Корпорацией «Развитие тысячелетия» по решению некоторых экологических проблем и вопросов водопользования, а также содействия разработке стратегии развития. Американская сторона, безусловно, продолжает воздействовать на процесс принятия политических решений в стране через сеть международных финансовых институтов, в которых кредитуются Монголия, и планирует сохранять этот немаловажный рычаг влияния.

Внимание следует обратить также на положение об укреплении безопасности границы и предотвращении нарушений воздушной границы, а также обеспечения неприкосновенности воздушного пространства Монголии. Для страны, располо-

женной на другом континенте, участие в таких чувствительных вопросах предполагает серьезный уровень взаимного доверия. Впрочем, именно такие действия подтверждают общую нацеленность действий американской администрации на сохранение в Монголии инструментов оперативного информирования о ситуации в регионе.

Помимо базовых для двусторонних отношений документов интерес представляет изучение четырехлетней американской стратегии развития отношений с Монголией (так называемая Integrated Country Strategy).[9] Действующий в настоящий момент документ был утвержден в августе 2018 года. Согласно ему Монголия объявлена ключевым партнером США в АТР, а направления совместной работы целиком и полностью соответствуют Индо-Тихоокеанской стратегии администрации Д.Трампа. Приоритетом для работы на монгольском треке американцы считают укрепление национального суверенитета Монголии путем содействия ее демократическому развитию и укрепления двустороннего сотрудничества в оборонной сфере.

Отмечается, что наличие двух соседей с иной политической моделью развития мешает Улан-Батору обеспечить максимальную отдачу для населения от демократического транзита. При этом именно в Монголии американские власти видят потенциальную экономическую модель, которая может стать образцом для стран региона.

Примечательно, что в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии планируется решать задачи по укреплению политического суверенитета и экономической самостоятельности Монголии. Такие подходы свидетельствуют о явном вмешательстве во внутривнутриполитический процесс, притом цель их состоит, очевидно, в создании препятствий в выстраивании диалога между Улан-Батором, Москвой и Пекином. Отсутствие серьезных экономических проектов в настоящий момент и в перспективе означает, что цель американской политики заключается, прежде всего, в обеспечении собственных политических интересов в регионе. Таким образом, Монголия имеет для США практически исключительно геополитическое значение, в связи с чем реальная региональная интеграция в предлагаемом американцами формате серьезных социально-экономических выгод для монголов не сулит.

Интеграционный контекст монголо-японских отношений

Диалог в двустороннем и многостороннем форматах между Монголией и Японией развивается в гораздо более широком масштабе, нежели контакты Улан-Батора с Вашингтоном. Инициированная С.Абэ идея свободного и открытого Индо-Тихоокеанского сотрудничества в силу своей приоритетной экономической направленности продолжает использоваться японцами как инструмент унификации внешнеэкономических связей в регионе. Поэтому в контексте монголо-японского взаи-

модействия первостепенную роль играет отнюдь не политическое и военное направление.

Наибольший интерес для иллюстрации перспектив вовлечения Монголии в экономические интеграционные процессы, инициированные Токио, имеет среднесрочная программа стратегического партнерства между Монголией и Японией. Актуальный документ был утвержден в 2017 году и рассчитан на четырехлетний срок (2017-2021 гг.) Последовательность изложения основных сфер сотрудничества в нем (в частности, первостепенное упоминание политического и военно-технического сотрудничества), по опыту и подобию аналогичных документов, носит сугубо технический характер, не отражая действительный список приоритетов.

Военно-политическое взаимодействие выстраивается в рамках стабилизации политических контактов на всех уровнях и совместного участия в миротворческих операциях под эгидой ООН, а также повышение потенциала Вооруженных сил Монголии в целях задействования их для решения экономических и иных проблем внутри страны в мирное время. В этом же ключе развивается взаимодействие по линии правоохранительных органов и служб по борьбе с чрезвычайными ситуациями.

В сфере региональных и международных вопросов позиции японского руководства в выстраивании диалога с Улан-Батором схожи с американскими. Да и в целом они характеризуют типичные подходы «третьего соседа» Монголии. Например, Япония поддерживает монгольскую инициативу о создании «Улан-Баторского диалога по вопросам безопасности в СВА» как альтернативной площадки для ведения переговоров по проблематике Корейского полуострова и оказании давления на руководство КНДР. На монголов возлагаются надежды насчет посредничества в переговорах с другими странами региона по чувствительным вопросам, связанным с наследием Второй мировой войны.

С сентября 2015 года действует постоянный механизм консультаций в трехстороннем монголо-японо-американском формате. Токио, согласно подходам, изложенным в программе, исходит из экономической направленности этого начинания, формально дистанцируясь от военно-политических аспектов, обсуждаемых в ходе встреч. Вместе с тем, диалог в трехстороннем формате продолжается весьма активно на всех направлениях, в том числе с задействованием представителей профессиональной армии (в августе 2020 года, например, состоялось совещание командующих сухопутными войсками).

В экономической отрасли главное значение имеет реализация Соглашения об экономическом партнерстве между Монголией и Японией от 2016 года. В рамках этого документа планируется либерализация торговли, что в перспективе может обеспечить возможность включения Улан-Батора в общую практику упрощения торговли и интеграции в регионе под эгидой Токио. К сожалению, несмот-

ря на то, что номенклатура товаров, не облагаемых пошлинами, достаточно широка, добиться включения в нее основных продуктов монгольского экспорта не удастся, в связи с чем реальную пользу это амбициозное соглашение пока не приносит. В экономической деятельности, в частности, финансовых вопросах, важная роль отводится функционированию международных финансовых институтов (МВФ, ВБ, АБР), работа через которые автоматически означает согласование параметров реализации совместных проектов с американской администрацией.

Таким образом, Япония стремится абстрагироваться от военно-политического контекста развития интеграционных проектов в СВА и АТР, уповая на расширение экономического и гуманитарного сотрудничества, имеющего большие шансы на то, чтобы стать надежной основой для будущих тесных связей. Вместе с тем, большинство инициатив так или иначе перекликаются с задачами администрации США на азиатско-тихоокеанском направлении, что лишает Токио возможности продвигать самостоятельные региональные проекты в СВА. Безусловно, имеется ряд международных инициатив, основанных вокруг АСЕАН, в которых США имеет малое участие или не задействовано вовсе (как, например, Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство). Вероятно, такие форматы имеют шансы превращения в серьезные мегарегиональные объединения, однако состав участников предусматривает длительный процесс согласования единых позиций. В этой связи расчет Улан-Батора на успешную реализацию совместных проектов и встраивание в японо-американские модели развития АТР крайне рискован, поскольку реальные перспективы многостороннего, а не двустороннего сотрудничества туманны.

Заключение

Монголия имеет перспективу превращения в одного из важнейших игроков в СВА и АТР. Благодаря нынешнему статусу, характеризующему отсутствием у страны серьезных разногласий во взаимоотношениях со странами мира, возможности Улан-Батора произрастают, прежде всего, из соображений обеспечения международного переговорного процесса. Такие инициативы, как «Улан-Баторский диалог», а также готовность к участию в миротворческих и гуманитарных операциях создают Монголии позитивный внешнеполитический имидж. В дальнейшем правильное позиционирование может способствовать превращению столицы страны в востребованную площадку для двусторонних и многосторонних встреч конфликтующих в АТР и по всему миру сторон. Необходимое признание как демократического государства, а также важного партнера и соседа больших держав у Монголии имеется.

Вместе с тем, роль международного посредника будет способствовать лишь обеспечению независимости и гарантирует нейтралитет и свободу страны от конфликтов. В вопросах экономического

развития, в свою очередь, необходимо полагаться на рациональное использование имеющихся у страны экономических ресурсов (сырья, инфраструктуры, туристического потенциала и т.д.) Более того, именно экономическое процветание является неотъемлемым требованием дальнейшего прогресса Монголии на пути к завоеванию высоко-го международного имиджа.

Региональная интеграционная повестка, продвигаемая «третьим соседом» Улан-Батора, как видно из описания, носит в целом политический (военно-политический) и гуманитарный контекст. Американские планы по сдерживанию Китая в рамках своей Индо-Тихоокеанской стратегии предполагают задействование инструментов «мягкой силы» для привлечения монгольского политического истеблишмента и общественности на свою сторону с целью создания в Монголии очага нестабильности, направленного в первую очередь против Китая, а также – по касательной – против России. Реализуются некоторые гуманитарные проекты, продвигается американское образование, английский язык, оказывается содействие в решении проблем, связанных с устойчивым развитием.

Наряду с этим серьезные экономические выгоды в рамках монголо-американского взаимодействия фактически недостижимы. Это обусловлено не только географическим фактором, но и в целом отсутствием желания у западных партнеров Улан-Батора всерьез вкладываться в переориентацию монгольской экономики и внешнеэкономической деятельности в свою сторону (тем более, что такие явные попытки были бы сразу пресечены китайским руководством).

Региональные партнеры из числа «третьего соседа» Монголии, такие как Япония и Республика Корея, а отчасти и Турция (заинтересованная в связях с Улан-Батором в контексте продвижения идеи пантюркизма и в рамках этой работы всерьез обеспокоенная ситуацией в населенном казахами аймаке Баян-Улгий, а также пресечением деятельности гюлленистов) заинтересованы в вовлечении монгольских партнеров в общий региональный диалог в рамках своих региональных интеграционных инициатив. Монголии при этом не отдается ключевая роль в реализации основных мероприятий, напротив, страна воспринимается как реципиент помощи, обладающий определенными политическими и геостратегическими преимуществами (находится на пересечении многих логистических маршрутов, располагает обширной территорией, имеет позитивный международный имидж).

Россия и Китай предлагают Улан-Батору более реальные форматы для взаимодействия, в которых Монголия могла бы играть ключевую, связующую роль, а также получать непосредственные политические и, главное, социально-экономические выгоды. Безусловно, российская инициатива по созданию Большой Евразии на базе сопряжения Евразийского экономического союза с китайским проектом «Один пояс – один путь» к настоящему дню не получила реального оформления. Более того, российские подходы к развитию

ЕАЭС продолжают совершенствоваться в целях обеспечения более позитивных результатов совместной работы государств-членов.

Имеется определенная инертность в процессе выработки и принятия решений, в повестку вносятся узкоспециализированные вопросы о либерализации торговли и обеспечении унификации требований и стандартов, тогда как базовые вопросы обеспечения взаимного доверия, а также продвижение по наиболее актуальным в настоящей момент, но почему-то пока остающимся вне фокуса внимания специалистов по экономической интеграции направлениям, связанным с развитием разнообразных механизмов цифровой экономики, гарантированием неприкосновенности авторских прав и интеллектуальной собственности, а также обеспечением охраны на государственном уровне и в международных арбитражах интересов инвесторов. Столь востребованная ныне и привлекающая в формате инициированных западом проектов практика первостепенного решения именно этих проблем пока на вооружение в ЕАЭС не взята.

Аналогичные проблемы имеются и в формате китайского ОПОП. Этот проект, согласно заключению большинства экспертов, основан на первостепенном решении инфраструктурных и логистических проблем, тогда как вопросы ответственного ведения бизнеса, гарантий защиты участников совместной экономической деятельности тоже остаются в стороне.

В этой связи представляется, что Монголия могла бы стать ключевым звеном в процессе правильной организации совместной работы в трехстороннем формате с целью максимально эффективного и успешного использования собственного потенциала и огромных возможностей двух своих соседей. В случае успеха такого предприятия Улан-Батор сможет получить непосредственно ощутимые для граждан экономические выгоды, а также упрочить собственную позицию ответственного участника международных отношений. Это, вопреки опасениям монгольских политиков, не оттолкнет «третьего соседа» и не даст повод для обвинения в деструктивной международной политике, направленной на сговор с Россией и Китаем. Напротив, это укажет региональным партнерам на готовность Улан-Батора к предметному и ответственному диалогу по вопросам, представляющим взаимный интерес. В диалоге с США в предлагаемых ими форматах (в рамках Индо-Тихоокеанской концепции, договоров о транспарентности, дорожной карты расширенного экономического сотрудничества) такая деятельность Улан-Батора существенно снизит градус по сути односторонних требований американских партнеров и обеспечит более равноправное взаимодействие.

Литература

1. Жаргалсайхан Д. Государственное управление и «Гарвардская молодежь» / Д.Жаргалсайхан // портал ikon.mn, 10.03.2021, доступ: <https://ikon.mn/opinion/25gr>

2. Л.Оюун-Эрдэнэ: Договор об Оюутолгой будет существенно улучшен // портал sonin.mn, 29.01.2021, доступ: <https://www.sonin.mn/news/politics-economy/118174>

3. Выступление Председателя Великого Государственного Хурала Монголии на открытии очередной весенней сессии 2021 года // сайт ВГХ Монголии, 15.03.2021., доступ: <http://parliament.mn/n/swion>

4. Kawashima S. "A New Phase for the Free and Open Indo-Pacific" / Shin Kawashima // The Diplomat, 16.11.2020, access: <https://thediplomat.com/2020/11/a-new-phase-for-the-free-and-open-indo-pacific/>

5. Interview: Foreign Minister KONO Taro Japan's Diplomatic Landscape in 2018 Pushing North Korea toward Denuclearization by Applying Continued Pressure // Discuss Japan, Diplomacy, №47, 29.05.2018, access: <https://www.japanpolicyforum.jp/diplomacy/pt20180529193613.html>

6. Szechenyi N., Hosoya Y. "Working Toward a Free and Open Indo-Pacific" / Nicholas Szechenyi, Yuichi Hosoya // Carnegie Endowment for International Peace, 2019, access <https://carnegieendowment.org/2019/10/10/working-toward-free-and-open-indo-pacific-pub-80023>

7. Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America, 31.07.2019

8. A Roadmap for Expanded Economic Partnership Between the United States of America and Mongolia, 20.09.2018

9. Integrated Country Strategy for Mongolia, 07.08.2018

Western alternatives to Mongolia-based regional integration

Bezrukov S.S.

National University of Mongolia

The article introduces the context of the integration process in the Asia Pacific, including the main characteristics of the clash of superpowers' projects. Modern theories of regionalism serve as a basis for the research.

Author states that the quick economic progress in the Asia Pacific has recently become the main reason for the superpowers to engage in the process of forwarding their own integration motions in order to spread their influence over the region. USA and Japan are using their close ties with Ulaanbaatar to ensure the effect of their own integration aspirations in contrast to the ongoing negotiations between Russia, China and Mongolia on the establishment of the trilateral Economic corridor. America's interest is politically and militarily motivated whereas the Japanese put emphasis on developing economic partnership.

Author reaches a conclusion that developing a regional integration project within the Russia, Mongolia, China "triangle" has its geopolitical and economical reasons. However there is no efficient mechanism of such a cooperation. Author states that western patterns of new regionalism can be put under scrutiny in order to apply them while constructing an integration project between the three countries.

Keywords: Economic corridor between Russia, China and Mongolia, new regionalism, comparative regionalism, integration in Asia Pacific, Mongolia, Indo-Pacific strategy.

References

1. Zhargalsaykhan D. Public administration and "Harvard youth" / D. Zhargalsaykhan // портал ikon.mn, 10.03.2021, access: <https://ikon.mn/opinion/25gr>
2. L. Oyun-Erdene: The Oyuutolga Treaty will be significantly improved // портал sonin.mn, 29.01.2021, accessed: <https://www.sonin.mn/news/politics-economy/118174>
3. Speech by the Chairman of the State Great Khural of Mongolia at the opening of the next spring session of 2021 // website of the State Khural of Mongolia, 03/15/2021, accessed: <http://parliament.mn/n/swion>
4. Kawashima S. "A New Phase for the Free and Open Indo-Pacific" / Shin Kawashima // The Diplomat, 11/16/2020, access: <https://thediplomat.com/2020/11/a-new-phase-for-the-free-and-open-indo-pacific/>
5. Interview: Foreign Minister KONO Taro Japan's Diplomatic Landscape in 2018 Pushing North Korea toward Denuclearization by Applying Continued Pressure // Discuss Japan, Diplomacy, No. 47, 05/29/2018, access: <https://www.japanpolicyforum.jp/diplomacy/pt20180529193613.html>
6. Szechenyi N., Hosoya Y. "Working Toward a Free and Open Indo-Pacific" / Nicholas Szechenyi, Yuichi Hosoya // Carnegie Endowment for International Peace, 2019, access <https://carnegieendowment.org/2019/10/10/working-toward-free-and-open-indo-pacific-pub-80023>
7. Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America, 07/31/2019
8. A Roadmap for Expanded Economic Partnership Between the United States of America and Mongolia, 20.09.2018
9. Integrated Country Strategy for Mongolia, 07.08.2018

Правовые основы электронной коммерции

Силантьев Михаил Викторович

магистрант, кафедра финансового менеджмента и финансового права, Московский городской университет управления правительства Москвы Ю.М. Лужкова

Процессы цифровизации экономики и банковского сектора в целом характеризуются высокими темпами роста и вызывают значительные изменения в хозяйственной деятельности. Влияние цифровых технологий на экономические процессы в обществе поспособствовало переходу заключения сделок с традиционного формата на онлайн-формат. В данной статье проведен анализ текущего состояния правового регулирования экономической деятельности в сети Интернет, определены виды и типы операций, совершаемых в области электронной коммерции, описаны модели реализации коммерческой деятельности. Также рассмотрены основные аспекты вступившего в силу закона КНР «Об электронной коммерции» и сформированы предпосылки к необходимости более точного и охватывающего регулирования экономической деятельности в сети Интернет.

Ключевые слова: электронная коммерция, правовое регулирование электронной коммерции, электронная сделка.

Процессы цифровизации экономики и банковского сектора в целом характеризуются высокими темпами роста и вызывают значительные изменения в хозяйственной деятельности. Влияние цифровых технологий на экономические процессы в обществе поспособствовало переходу заключения сделок с традиционного формата на онлайн-формат. Понятие электронной коммерции включает в себя определение системы экономических отношений, осуществляющихся с использованием технологий сети Интернет, включая в себя следующие совершение транзакций (сделок) посредством сети Интернет. Виды сделок в электронной коммерции представлены на рисунке 1.

Модели, реализация которых происходит в рамках осуществления электронной коммерческой деятельности, включают в себя следующие наиболее распространенные модели:

1) B2B (бизнес-бизнес) – данная модель представляет собой маркетинговую и торговую деятельность компании, которая ориентирована на получение выгоды от оказания тех или иных услуг, а также продажи товара не частным конечным потребителям, а другим компаниям, которые потребляют данные товары и услуги только в целях осуществления собственного бизнеса.

2) B2C (бизнес-потребитель) – данная модель характеризуется осуществлением маркетинговой деятельности, целью которой выступают прямые продажи товаров и услуг конечному потребителю с целью удовлетворения его индивидуальных потребностей.

3) C2C (потребитель-потребитель) – данная модель заключается в совершении сделок между двумя конечными потребителями, при этом ни один из данных потребителей не является предпринимателем. Примером реализации такой модели может стать портал объявлений о купле-продаже товаров и оказании услуг, а также интернет-аукционы.

Несмотря на существующие технические и организационные аспекты, электронная коммерция становится одним из самых распространенных методов экономической активности.

Распространение и многообразие проявлений электронной экономической деятельности привели к формированию различных интерпретаций понятия «электронной коммерции». Следовательно, четкое правовое регулирование данного понятия определить сложно. В связи с этим, в современном правовом фонде существует проблема недостаточного правового регулирования данной области как на отечественном уровне, так и на международном.

Рисунок 1 – Операции в электронной коммерции.
Источник: составлено Автором.

Так, например, 1 января 2019 г. вступил в силу новый закон КНР «Об электронной коммерции», который комплексно подходит к урегулированию отношений между субъектами электронной коммерции, устанавливает требования, которыми должны руководствоваться участники торговых отношений на электронных площадках. В законе прописаны нормы, прямо предусматривающие правила поведения для участников торгового оборота, а также принципы, которыми должны руководствоваться стороны в процессе осуществления коммерческой деятельности. В статье 2 сказано, что под термином «Электронная коммерция» понимается коммерческая деятельность по продаже товаров и услуг посредством сети связи. Важным положением является то, что Закон предусматривает регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя и получение необходимых лицензий на определенные товары (продукты питания) в государственных административных органах по делам промышленности и торговли. Закон также предусматривает обязательную уплату налогов, препятствует ограничению конкуренции на рынке, законом предусмотрены также защита прав потребителей, защита персональных данных потребителей, порядок обжалования действий не-

добросовестных субъектов отношений и прочие положения.

Исходя из содержания документа, становится понятно, что закон «Об электронной коммерции» призван обеспечить прозрачности взаимоотношений субъектов электронной торговли, обеспечить защиту внутреннего рынка и защиту интересов государства, призван защитить права и интересы потребителей товаров.

Одним из самых важных изменений, прописанных в законе, является то, что субъекту электронной коммерции уже не обязательно регистрироваться по юридическому адресу. А уже 9 января 2019г. в Китае было выдано первое Свидетельство о регистрации ИП, которое было зарегистрировано по собственному домену в сети Интернет, без юридического адреса.

В Российской Федерации проект Федерального закона «Об электронной торговле» был предложен 03.10.2000 и отклонён 23.04.2004 на основании Постановления №440-VI ГД.

В настоящее время в области интернет-торговли или электронной торговли на законодательном уровне разработаны общепромышленные нормы, такие как:

- нормы Гражданского кодекса РФ;

– нормативно правовые акты Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации;

– акты Центрального банка, регулирующие сделки (с использованием электронных документов и скрепленной электронной подписью), электронные расчеты.

Базовым и одновременно специальным федеральным законом выступает Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Также следует отметить и специальное законодательство, которое представлено Федеральным законом «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300–1. В нем содержится понятие «субъекта, участвующего в электронной торговле» – владелец агрегатора информации о товарах, под которым понимается предприниматель, который:

– является владельцем программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

– и предоставляет потребителю в отношении определенного вида товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи (договор возмездного оказания услуг) и возможность произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств посредством безналичных расчетов.

Дополнительно вышеуказанный федеральный закон обязывает владельца агрегатора довести до сведения потребителей следующую категорию информации:

– информацию о себе и продавце (исполнителе) (фирменное наименование (наименование);

– место нахождения (адрес);

– режим работы;

– государственный регистрационный номер записи о создании юридического лица, фамилию, имя, отчество (если имеется), государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя);

– а также об имеющихся изменениях в указанной информации.

Все доводится через интернет-сайт.

Таким образом, федеральный закон о защите потребителей содержит некое общее понимание об информации относительно субъекта в интернет-торговле и требований, которые к нему предъявляются.

В реальности же под понятие «субъектов, участвующих в торговле», может подпадать только интернет-магазин, несмотря на то что в процесс онлайн-покупки включены покупатель (как держатель банковской карты), банк-эмитент (выпустивший карту покупателю), банк-эквайер (принимающий оплату), оператор платежной системы и оператор услуг платежной системы (операционный центр).

Кроме того, до недавнего времени существовало Постановление Правительства Российской Фе-

дерации от 27 сентября 2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом», которое, в частности, включало понятие «продажа товаров дистанционным способом». Под данной формой продаж понималась продажа товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора.

К продавцу ранее действовавшими правилами устанавливались следующие требования:

– обязательство предложить покупателю услуги по доставке товаров путем их пересылки почтовыми отправлениями или перевозки с указанием используемого способа доставки и вида транспорта;

– обязательство сообщить покупателю о необходимости использования квалифицированных специалистов по подключению, наладке и пуску в эксплуатацию технически сложных товаров, которые по техническим требованиям не могут быть пущены в эксплуатацию без участия соответствующих специалистов;

– в случае если оплата произведена в безналичной форме или продаже товаров в кредит, продавец обязан подтвердить передачу товара путем составления накладной или акта сдачи-приемки товара;

– обязательство по передаче товара покупателю в порядке и сроки, которые установлены в договоре.

Некоторые товары все же запрещено продавать соответствующим способом, в частности алкогольную продукцию.

Следует особо отметить, что в правилах не допускалась передача потребителю товаров, не соответствующих предварительной договоренности, если такая передача товаров сопровождалась требованием об оплате товаров.

Однако, несмотря на точечное правовое регулирование данным постановлением, оно было отменено в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 11.07.2020 № 1036 (реализация механизма регуляторной гильотины). На замену постановления на данный момент ничего не реализовано.

На наднациональном уровне Евразийская экономическая комиссия приняла решение от 27 января 2015 г. № 5 «Об утверждении правил электронного обмена данными в интегрированной информационной системе внешней и взаимной торговли», которые применяются при информационном взаимодействии, но весьма косвенно.

Стоит обратить внимание на «Стратегию развития электронной торговли в Российской Феде-

рации на период до 2025 года», которая применяется к широкому спектру отношений, опосредованных в электронной форме и осуществляемых как на внутреннем рынке, так и при трансграничных торговых операциях розничной (B2C) и оптовой (B2B) торговли.

Основными задачами по электронной коммерции будут следующие:

1. обеспечение максимально широких возможностей легального развития электронной торговли путем увеличения предпринимательской активности и расширения частной инициативы предпринимателей;

2. снятия чрезмерных запретов и устранение правовых коллизий для электронной торговли, отсутствующих в традиционной торговле;

3. содействие осуществлению объективной оценки состояния и планирования направлений развития электронной торговли посредством обеспечения доступности и полноты открытых данных, относящихся к электронной торговле, а также рассмотрение возможности применения интеллектуальных технологий, обеспечивающих агрегирование, обработку и анализ данных в области электронной торговли;

4. обеспечение эффективного нормативно-правового регулирования электронных сделок, совершенствование систем оплаты в области электронных сделок, обеспечения правовой защиты участников электронной торговли (продавцов, покупателей, третьих лиц);

5. обеспечение сбалансированных условий ведения деятельности для российских интернет-магазинов и иностранных интернет-магазинов, реализующих товары напрямую физическим лицам на территории Российской Федерации и т. д.

В проекте стратегии электронная торговля рассматривается как инструмент, обеспечивающий потребителям на территории РФ физическую и ценовую доступность всего спектра товаров, производимых в РФ и мире. Предлагаются следующие юридически важные определения:

Интернет-торговля (сектор электронной торговли B2C) – форма электронной торговли в сфере розничной торговли (B2C), при которой ознакомление покупателя с товаром и условиями продажи, а также сообщение продавцу о намерении купить товар происходит посредством информационно-коммуникационной сети Интернет;

Использование интернет-канала розничной торговли – это создание для потребителей условий для заказа товаров и/или услуг через интернет, включая мобильный интернет;

Интернет-магазин – часть торгового предприятия/торговой организации или торговая организация, предназначенная для предоставления покупателю посредством сети Интернет сведений, необходимых при совершении покупки, в том числе об ассортименте товаров, ценах, продавце, способах и условиях оплаты и доставки, для приема от покупателей посредством сети Интернет сообщений о намерении приобрести товары, а также для обеспечения возможности доставки товаров про-

давцом либо его подрядчиком по указанному покупателем адресу либо до пункта самовывоза;

Интернет-покупка – заключение и последующее выполнение договора между продавцом или исполнителем и потребителем о покупке товаров, услуг или цифрового контента в сети Интернет;

Цифровой товар – продукция, которая производится и (или) реализуется в электронном виде;

Сектор электронной торговли B2G – сектор электронной торговли, где поставщиками товаров, работ и услуг выступают представители частного сектора (юридические лица и индивидуальные предприниматели), а заказчиками государственные, муниципальные заказчики или отдельные виды юридических лиц, предусмотренные Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;

Сектор электронной торговли B2B – сектор электронной торговли, где поставщиками и заказчиками товаров, работ и услуг выступают представители частного сектора (юридические лица и индивидуальные предприниматели).

Выделены и новые для законодательства определения, такие как:

O2O бизнес (из «онлайн в офлайн») – технологии, обеспечивающие использование устройств, подключенных к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, для взаимодействия с помощью информации, получаемой онлайн;

Межмашинное взаимодействие (M2M) – технологии, которые позволяют машинам обмениваться информацией друг с другом или передавать её в одностороннем порядке.

Также в Стратегии еще раз подчеркивается необходимость развития законодательства о защите прав потребителей и налогового законодательства. Но относительно четкости формулировок целей нельзя говорить категорично, как и видения всей картины интернет-торговли на национальном и международном уровне.

Таким образом существующее законодательство содержит весьма общий подход в этой части и использует общий дисциплинарный подход и при этом специального регулирования не содержит. Однозначно ответить на вопрос, стоит ли ждать данную стратегию Минпромторга до 2025 г., пока сложно, так как многие термины, которые излишне дробят предмет правового регулирования, тем самым создают риск-фактор массивной нормативно-правовой базы. В любом случае, такой документ, как «стратегия», необходим, но также необходимо его понимание и предвидение правовых рисков.

Литература

1. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): Сб. Ст. / А.А.Богустов, О.Н.Горохова, Д.А.Доротенко и др.; Рук. Авт. Кол. И отв.ред. М.А.Рожкова. М.: Статут, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

2. Закон.Ру. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://zakon.ru/blog/>

2020/3/24/1_yanvarya_2019_goda_vstupil_v_silu_zakon_knr_ob_elektronnoj_kommercii

3. Валишвили М.А. Оптимизация соотношения экономической эффективности и социальной справедливости как путь к преодолению антагонистического противоречия между трудом и капиталом // Российский экономический интернет-журнал. 2013. № 3. С. 9.

4. Попова Е.В. Главная цель инновационного законодательства - стимулирование внедрения научных разработок в производство // Инновации. 2010. № 5 (139). С. 45-50.

5. Попова Е.В. Эффект одного закона. Правовые нормы и формирование инновационной инфраструктуры // Инновации. 2006. № 2 (89). С. 3-15.

Legal framework for e-commerce

Silantyev M.V.

Moscow City University of Management of the Government of Moscow Yu.M. Luzhkov

The processes of digitalization of the economy and the banking sector as a whole are characterized by high growth rates and cause significant changes in economic activity. The impact of digital technologies on economic processes in society contributed to the transition from the traditional format to the online format of transactions. This article analyzes the current state of legal regulation of economic activity on the Internet, defines the types and types of transactions performed in the field of e-commerce, describes the models for the implementation of commercial activities. The main aspects of the law of the People's Republic of China "On Electronic Commerce" that came into force are also considered and the prerequisites for the need for a more accurate and comprehensive regulation of economic activity on the Internet are formed.

Keywords: electronic commerce, legal regulation of electronic commerce, electronic transaction.

References

1. E-commerce and related areas (legal regulation): Sat. Art. / A.A.Bogustov, O.N. Gorokhova, D.A. Dorotenko and others; Hands. Auth. Qty. And otv.ed. M.A. Rozhkova. M.: Statut, 2019. Access from SPS "ConsultantPlus"
2. Zakon.Ru. [Electronic resource] - Access mode: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/1_yanvarya_2019_goda_vstupil_v_silu_zakon_knr_ob_elektronnoj_kommercii
3. Valishvili M.A. Optimization of the ratio of economic efficiency and social justice as a way to overcome the antagonistic contradiction between labor and capital // Russian Economic Internet Journal. 2013. No. 3.P. 9.
4. Popova E.V. The main goal of innovation legislation is to stimulate the introduction of scientific developments into production // Innovations. 2010. No. 5 (139). S. 45-50.
5. Popova E.V. One Law Effect. Legal norms and the formation of innovative infrastructure // Innovations. 2006. No. 2 (89). S. 3-15.

Функциональный критерий разграничения информационных гражданско-правовых обязательств

Лугманов Радик Рашитович

магистр, преподаватель-исследователь. СПбГУ,
lugmanov-radik@rambler.ru

Разграничение информационных обязанностей имеет большое научное и практическое значение. Применение того или иного правового режима прямо зависит от критерия деления обязательств. Однако, в силу специфики информационных обязанностей обычное хронологическое деление обязательств может давать не корректные результаты. Как следствие, автор предлагает отказаться от механического деления обязательств в зависимости от момента возникновения в пользу функционального деления данных обязательств. Такое деление, учитывающее цель обязательства, на достижение которой оно направлено, приводит к тому, что выбор правового режима регулирования информационных обязанностей не будет носить случайный характер. Вне зависимости от момента возникновения или способа объективации обязанности, регулирование будет одинаковым. Цель обеспечения свободного и непорочного согласия контрагента приводит к внедоговорному режиму ответственности за ее не достижение. Цель обеспечения исполнения договора, достижение цели, ради которой стороны заключили договор, приводит к применению договорного режима, даже если такое обязательство было обнаружено до заключения основного договора.

Ключевые слова: обязанность информирования, вспомогательные обязанности, преддоговорная ответственность, функциональный критерий, договорная ответственность.

Гражданско-правовая обязанность информирования является одной из важнейших цивилистических проблем, не изученных в российской доктрине. Практические преломления этой проблемы теперь можно увидеть в Кодексе: п. 3 ст. 307, абз. 2 п. 2 ст. 179, 434.1, 431.2 ГК РФ, однако, серьезность проблемы очевидна и без прямого закрепления в Кодексе данных новелл: все мы являемся участниками социальной коммуникации, что предполагает постоянный обмен информацией, являющейся основой имущественного оборота, без которой блага не смогут перемещаться от лиц, которые ценят их меньше, к тем лицам, которые ценят их больше [1, с. 22], [6, с. 128].

В условиях научного вакуума можно поставить вопрос о целесообразности проведения различия между преддоговорными обязательствами и обязательствами в отношении информации, предусмотренными в договорах [10, с. 391-393], [5, с. 958-961].

Мы предлагаем отойти от традиционного хронологического деления обязательств и обратить внимание не на момент возникновения обязательств, а на их функциональную направленность.

Хронологический критерий предполагает разные правовые режимы для каждого типа обязательств: преддоговорное обязательство информирования обеспечивается санкцией за недостатки согласия, а договорное, соответственно, связано с договорным режимом гражданско-правовой ответственности. Однако, данное классическое деление не лишено недостатков.

Во-первых, может быть трудно уверенно разграничить эти два типа идентичных обязательств, если они легко могут быть обнаружены по обе стороны момента заключения договора. В самом деле, несмотря на классическую формулу закона (ст. 433 ГК РФ) и позицию доктрины [2, с. 196] нельзя не заметить особенности, например, сложных сделок, согласование условий которых растянуты во времени [7, с. 223]. Классический внешний атрибут заключенной сделки в виде получения оферентом акцепта оферты является весьма формальным критерием, особенно, если существенные условия договора согласованы раньше, либо стороны начали осуществлять исполнение вопреки отсутствию внешне оформленного договора. Т.е. вопрос не в том, чтобы поставить под сомнение необходимость классического акцепта как момента заключения договора. Мы лишь указываем, что определение данного момента не выглядит чем-то объективным, а потому зависит от весьма случайных обстоятельств, например, от способностей стороны доказать этот момент.

Во-вторых, разные моменты заключения договора приводят к различиям в правовом режиме информационных обязательств одинаковых по своему содержанию и целевой направленности.

В-третьих, отсутствие у законодателя четкого понимания действенного критерия деления информационных обязательств на виды приводит к сложностям законодательного регулирования.

Новый критерий деления информационных обязательств

Ключевым аспектом любого обязательства является понятие интереса [12, с. 135]. В этом смысле информационное обязательство не является исключением. Рациональные участники оборота совершают сделки исключительно по причине наличия интереса в получении определенного блага [9, с. 44]. Контрагент в этом смысле, а лучше сказать его поведение выступает лишь средством получения благ и соответственно, удовлетворения интереса. Такой интерес представляет собой собирательное явление, состоящее из множества микроинтересов. Например, собираясь удовлетворить такую свою потребность как состояние защищенности, лицо рассматривает варианты покупки жилой недвижимости. Для удовлетворения такой потребности интересант определяет ряд критериев, имеющих для него существенное значение: ставка по ипотеке, локация объекта, притязания третьих лиц, размер коммунальных платежей и т.п. Подобные критерии могут влиять на удовлетворение интереса лица как минимум в двух аспектах: решение вступить в договор и способность получить удовлетворение интереса в процессе и после исполнения договора.

Таким образом, мы ставим деление информационного обязательства в зависимость от функциональной направленности передаваемой информации.

В определенных случаях раскрытие (сокрытие) информации влияет на согласие контрагента, противоречащее его интересам, что приводит к ошибочному заключению сделки, ее пролонгации, изменению, и т.п. В таких случаях кредитор поступил бы иначе, если бы ему была известна правильная информация, т.е. он не дал бы согласие и принял бы иное решение.

Таким образом, в одном случае информация влияет на получение согласия кредитора на некое юридически значимое поведение. Правомерной целью обязательства информирования будет обеспечение соответствия согласия контрагента его интересам.

В других случаях информация будет влиять уже на интересы контрагента в рамках исполнения договора. Согласие такого контрагента не подвержено деформации, однако, если бы он знал верную информацию, то получил бы именно то, что ожидал от этого договора. Например, в договоре купли-продажи неких станков никаких пороков согласия не было. Однако, установив станки, кредитор не смог добиться ожидаемых параметров выпуска продукции, несмотря на исправность станков.

Причиной случившегося оказалось умолчание об обстоятельствах, связанных с организацией технологического процесса, что и привело к нарушению ожиданий кредитора в процессе эксплуатации станков.

Таким образом, цель такого обязательства заключается в том, чтобы все стороны в результате исполнения договора получали именно то, что правомерно ожидали от него [10, с. 243]. Соответственно, основное деление информационных обязательств должно строиться не на хронологическом, а на функциональном критерии, в зависимости от интересов получателя информации.

Нужно отметить, что интересы стороны обязательства не замыкаются на указанных видах, поскольку давно признаются в зарубежной доктрине и практике особые защитные обязательства [8, с. 78], которые могут исполняться посредством специального информирования как на стадии переговоров, так и в процессе исполнения договора. Но для целей данного исследования мы сознательно опустим данный вид обязательств, ввиду его особенно слабой связи с хронологическим критерием.

Если согласие контрагента будет аннулировано, то ответственность должна быть преддоговорной. И даже если оно не было аннулировано и согласие контрагента могло быть выдано, но на других условиях, неправомерное влияние на согласие контрагента очевидно и ответственность должна строиться на внедоговорных началах. Напротив, если контрагент получил ненадлежащее исполнение договора, ответственность должна быть только договорной [15, с. 170].

Вроде до сих пор ничего кардинально нового не прозвучало, однако, как мы увидим далее, проблема заключается в том, что деление информационных обязательств по функциональному критерию не всегда совпадает с делением хронологическим. Представляется неправильным, что одна и та же ошибка в раскрытии информации приводит к различной ответственности в зависимости от того, была ли она совершена до заключения договора или после [5, с. 958].

Информационное обязательство, влияющее на согласие контрагента

Итак, данный вид обязательств направлен на обеспечение того, чтобы принимаемое контрагентом решение было добровольным и обоснованным [10, с. 173]. При этом есть основания считать, что рассматриваемое обязательство следует понимать максимально широко: в практической плоскости потребность выдачи согласия может возникнуть не только до заключения договора. В самом деле, в процессе исполнения договора стороны могут принять решение о внесении изменений в уже заключенный договор или, например, о его прекращении. Было бы странно предполагать, что правовой режим предоставления информации, необходимой для выдачи такого согласия, должен отличаться от режима выдачи согласия для заключения основного договора. И том и в другом слу-

чае имеется одна единственная цель: обеспечить осознанное согласие.

Соответственно, такая категория информационных обязательств относится к любым актам сторон в течение срока действия договора, в процессе совершения которых должно быть обеспечено свободное принятие решения.

Информационное обязательство до заключения основного договора.

Данное обязательство традиционно рассматривается доктриной в качестве преддоговорного обязательства по раскрытию информации, т.к. его возникновение связано с периодом, предшествующим заключению договора. Как уже было упомянуто выше, ключевым аспектом данного обязательства является его функциональная направленность: обеспечить адекватность всех юридически значимых элементов, влияющих на согласие соответствующего контрагента. Если бы кредитор знал соответствующие обстоятельства, то он либо не выдал бы согласие, либо выдал на других условиях. Следует признать, что наибольшей интерес в зарубежной доктрине вызывают именно преддоговорные информационные обязательства, как наиболее часто встречающиеся и, видимо, наиболее актуальные. Однако, нужно отметить, что не все подобные обязательства своевременно выполняются до заключения договора. Иногда это может происходить и позже, однако, правовая природа данных обязательств от этого не меняется.

Информационное обязательство после заключения основного договора

Обнаружение данных обязательств после заключения договора приводит к их искусственной привязке к договорному режиму. Однако, мы настаиваем, что согласие контрагента, на которое направлено информационное обязательство, может быть получено в любое время и по любым решениям, которые не обязательно могут быть связаны с заключением договора или его исполнением.

А. – Информационные обязательства, влияющие на согласие на заключение договора.

Информационное обязательство может повлиять на согласие контрагента заключить договор, даже после его формального заключения.

1) Информационные обязательства после «частичного» заключения договора.

Стороны договорились о предмете и о цене сделки и даже начинают исполнение. Формально-юридически в силу п. 3 ст. 438 ГК РФ договор считается заключенным. Но при этом очевидно, что это «считается» не более чем прием юридической техники. Целевая направленность данной нормы и нормы п. 3 ст. 432 ГК РФ очевидна, однако, все это не исключает потребности сторон 1) согласовать остальные (и кстати, возможно, что не менее существенные) условия договора и 2) облечь данный договор в объективированную форму (ст. 434 ГК РФ). Соответственно, нет ничего невероятного

в том, что при формальной заключенности договора (и даже его исполнении) некоторая информация переданная (или сокрытая) после указанных фактических действий, но до подписания договора негативно повлияет на согласие контрагента на вступление в данный договор.

Таким образом, мы имеем дело с преддоговорным информационным обязательством, но не в хронологическом, а функциональном смысле.

2) «Продленные» обязательства по предоставлению информации после заключения договора.

Данная ситуация представляет значительный интерес, поскольку обязательство возникает до момента заключения договора, но как бы продляется и распространяет свое действие на период действия договора. Самый простой путь — признать, что данные обязательства являются договорными, особенно, когда нарушение этих обязательств проявится в период договорного исполнения. Однако, такое простое решение представляется слишком грубым и не учитывающим целевую направленность данного вида информационных обязательств.

Обычным примером такого случая будет информационное обязательство, возникающее в связи с договором страхования.

Согласно п. 1 ст. 944 ГК РФ «при заключении договора страхования, страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления случая и размера возможных убытков...» [3, с. 542]. Строго догматически наличие данного правила не представляет из себя исключения из общего правила молчания при заключении договора и не несет в себе чего-то нового и исключительно необходимого для договорной конструкции отношений страхования. Что действительно привлекает внимание, так это п. 1 ст. 959 ГК РФ, согласно которому если в период действия договора страхования, страхователю станет известно о значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных страховщику при заключении договора, и которые могут повлиять на увеличение страхового риска, то указанные изменения должны быть доведены до сведения страховщика.

Является ли данное обязательство договорным? С точки зрения хронологического критерия, да, такое обязательство является договорным. Но насколько безупречен данный вывод? Речь безусловно идет об изменении или отпадении основания сделки, из наличия которых исходили стороны в момент заключения договора [10, с. 372]. Если бы страховщик изначально знал об этих обстоятельствах, то либо не заключил договор, либо заключил его на других условиях страховой премии. При этом два приведенных примера информационных обязательств практически одинаковы по своему содержанию. Данные информационные обязательства в конце концов касаются согласия кредитора (страховщика) на заключение договора, а также на решение о его продлении или возобновлении. Следовательно, исходя из одинаковой

функциональной направленности, а также содержательной идентичности указанных обязательств, было бы странно настаивать на различии в правовых режимах. Обязанность информирования, которая возлагается на страхователя после заключения договора, является «преддоговорной», при этом данный термин использован нами не в хронологическом, а в функциональном смысле.

Б. – Информационные обязательства, влияющие на согласие, не связанное с решениями о заключении основного договора.

Как правило, в долгосрочных договорах стороны праве принимать решение о продолжении/прекращении действия данных договоров либо инициировать внесение соответствующих изменений. Очевидно, что для принятия взвешенного решения сторона должна обладать необходимой информацией. Тот факт, что право на такие действия включены в договор, либо предусмотрены законом в связи с уже заключенным договором, не должен автоматически свидетельствовать о договорной природе информационных обязательств, обслуживающих свободное и адекватное принятие решение по реализации соответствующих прав. Темпоральный аспект не должен приниматься во внимание, если данные обязательства имеют одни и те же характеристики и целевую направленность, которая (цель) и является реальной основой появления информационного обязательства вне зависимости от фактического способа объективации: необходимость получения неискаженного согласия (принятия решения) на совершение новой сделки. В этом смысле не лишним будет напомнить, что реализация секундарного права приводит к совершению новой сделки, хронологически следующей за основным договором.

Как следствие, нарушение должником информационного обязательства, приведшее к дефекту согласия на совершение нового юридически значимого акта, должно вызывать применение внедоговорного режима, т.е. к отмене дефектного решения и/или взысканию убытков на основе деликтной ответственности, даже если такое согласие было получено в ходе выполнения основного договора. Именно такое решение представляется нам наиболее удовлетворительным. Сам же договор не может ставиться под сомнение, поскольку кредитор вполне удовлетворен фактом его заключения, которое не имело дефектов. В этом смысле кредитор получил то, что ожидал. Новый же порок согласия связан с другими юридическим фактом, лежащим вне пределов действия основного договора.

Информационное обязательство, влияющее на выполнение договора

Данный вид обязательств направлен на обеспечение удовлетворительного выполнения договора в соответствии с законными ожиданиями кредитора. В рассматриваемом случае договор уже не содержит изъянов согласия при его заключении, однако, данный договор все же необходимо

надлежащим образом исполнить. С точки зрения функционального критерия данный вид обязательств отличается от обязательств рассмотренных ранее своими последствиями: кредитор, имевший право на соответствующую информацию, все равно дал бы согласие на заключение договора, однако, он рассчитывал получить то удовлетворение, которое было предусмотрено договором и отвечало его законным интересам. Таким образом, данным вид информационных обязательств является договорным обязательством с договорной ответственностью за его невыполнение.

Такого вида обязательства могут быть как установлены законом (договором), так и «открыты» судом на основании общих принципов гражданского права. Указанные обязательства является вспомогательными обязанностями (Verhaltenspflichten – в терминологии германского права), вытекающими из принципа добросовестности (§ 242 ГГУ) [8, с. 79].

Важной особенностью является то, что с точки зрения функционального критерия обязательства влияющие на исполнение договора могут быть обнаружены вне зависимости от момента его заключения. Такие обязательства могут возникнуть ранее заключения договора, хотя чаще всего, конечно, они возникают после его заключения.

В этом нет ничего удивительного, поскольку возможна зеркальная ситуация, как она была описана выше, когда заключение договора было осуществлено «частично», т.е. растянуто во времени. Идут переговоры, в ходе которых было решено начать выполнение договора, с параллельным продолжением переговоров по другим не менее важным условиям. Соответственно, подлежащая передачи информация влияет на частичное выполнение договора, и такая обязанность является договорной в функциональном смысле, даже если итоговое заключение договора еще не состоялось.

Остаточный принцип, в качестве вспомогательного правила разграничения обязательств: все, что не влияло на согласие кредитора, относится к обязанностям, связанным с исполнением договора.

Все, что было изложено выше имеет не только научную ценность, но и вполне конкретное практическое преломление. Кратко покажем применение нашего функционального подхода на примере новелл ГК РФ о заверениях об обстоятельствах.

Довольно известная проблема связана с соотношением ст. 431.2 и ст. 434.1 ГК РФ. Обе нормы в определенной части посвящены информационному взаимодействию на преддоговорной стадии [14, с. 31-47], [13, с. 62-83], [5, с. 951- 968]. Обе нормы были написаны без учета целевого назначения информационных обязательств. Наиболее адекватное решение разграничения указанных норм было предложено А.Д. Рудоквасом в соответствующих работах. В свете нашей темы интерес вызывает другое: неопределенность в нормативном регулировании информационных обязательств, не учитывающем их функциональную направленность. Приведем несколько примеров:

- в пп.1 п.2 ст. 434.1 ГК РФ говорится об умолчании об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до другой стороны. Очевидно, что появление данной нормы является не более, чем частным случаем конкретизации п. 3 ст. 307 ГК РФ [11, с. 49-50], поэтому она не перекрывает все возможные основания возникновения обязанности информирования. Однако, формулировка пп.1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ все равно оставляет желать лучшего ввиду ее неточности. Мы знаем, что законодатель использовал хронологический критерий. В этом смысле он вводит в заблуждение участников оборота неточностью указания на информацию, связанную с характером будущего договора. Ключевым аспектом в принятии решения о заключении договора является проблема согласия, которое должно быть свободным и не деформированным. Обстоятельства, подлежащие раскрытию, могут быть связаны или не связаны с предметом, сторонами и другими аспектами будущего договора. Тем не менее, учет данных аспектов может быть принципиальным для контрагента и влиять на решение вступить в договор.

- абз. 2 п. 3 ст. 434.1 ГК РФ дает понятие убытков за недобросовестное ведение переговоров [4, с. 923]. Несмотря на некоторую корректировку состава убытков, сделанную Верховным судом в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7, очевидно, что речь до сих пор идет исключительно о возмещении «негативного интереса», что несколько отличается от нашего подхода к договорной ответственности за нарушение некоторых информационных обязательств, связанных с выполнением договора, но выявленным на преддоговорной стадии.

- п. 1 ст. 431.2 ГК РФ содержит правило о возмещении убытков в размере «позитивного интереса», что нашло отражение и в комментарии [1, с. 955]. Указанный подход никак не соответствует тому обстоятельству, что заверения могут быть направлены на побуждение стороны заключить договор, а значит, лежать в плоскости деликтной, а не договорной ответственности вне зависимости от способа фиксации (в договоре или где-то еще).

Заключение

В сфере информационных обязательств необходимо проводить принципиальное различие не хронологического, а функционального свойства в зависимости от того, на что именно нацелены эти обязанности: на согласие контрагента или, с другой стороны, на выполнение договора.

Информационное обязательство влияет на согласие контрагента, если сохранение информации приводит к принятию решения контрагентом вопреки его интересам, даже во время выполнения договора, т.е. и в том случае, если целью согласия будет не заключение договора, а принятие иного юридически значимого акта.

Информационное обязательство влияет на исполнение договора, если кредитор, зная соответствующие обстоятельства, дал бы такое же согла-

сие, например, заключил бы тот же договор, но получил бы именно то, что законно ожидал от этого договора.

Нарушение информационного обязательства, затрагивающее согласие контрагента, должно быть связано с режимом внедоговорной ответственности.

Нарушение обязательства по предоставлению информации, влияющей на выполнение договора, должно приводить к договорной гражданско-правовой ответственности.

Литература

1. A. Mitchell Polinsky, Steven Shavell. Handbook of Law and Economics, Elsevier, edition 1, volume 1, number 1. 2007. P. 22;

2. Брагинский М. И, Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 2002. – 848 с.

3. Брагинский М. И, Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 1055 с.

4. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации/ Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2020. – 1425

5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.

6. Кутер Р., Улен Т. Право и экономика; пер. с англ. под науч. ред. Д. Раскова при участии М. Тимофеева.- М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 128.

7. M. Fabre-Magnan. De l'obligation d'information dans les contrats. Essai d'une théorie. 2014. 573 p.

8. Лугманов Р.Р. Принцип добросовестности и вспомогательные обязательства в германском частном праве// Законодательство. № 2. 2019. С. 78-85

9. Маккай, Иян. Право и экономика для континентальной правовой традиции; пер. с англ. под науч. ред. Д. Раскова.- М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С 624.

10. Нам. К.В. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук «Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта». М. 2021 С.

11. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность. // Вестник гражданского права. 2019. №1. С. 28- 74.

12. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации/ А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2020. – 1469 с.

13. Рудоквас А.Д. Нарушение обязанностей информирования: преддоговорная ответственность, заверения и гарантии возмещения потерь //

Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016, № 11. С. 57- 79

14. Рудоквас А.Д. Некоторые проблемы с применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности// Вестник гражданского права. т. 17, № 2, 2017. С. 31-47

15. Убытки и практика их возмещения: Сборник статей/ Отв. Ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. 622. с

Functional criterion for delimiting information civil obligations

Lugmanov R.R.

St. Petersburg State University

The distinction between information duties is of great scientific and practical importance. The application of a particular legal regime depends directly on the criterion for segregating obligations. However, the specific nature of informational duties means that a chronological division of duties may not produce the correct results. As a consequence, the author proposes rejecting a mechanical division of obligations according to when they arise in favour of a functional one. This division, which takes into account the purpose of the obligation to which it refers, means that the choice of the legal regime governing information duties will not be accidental. Regardless of when the obligation arises or how the obligation is objectified, the regulation will be the same. The objective of securing the free and uncorrupted consent of the counterparty leads to an extra-contractual regime of liability for failure to achieve it. The purpose of enforcing the contract, the achievement of the purpose for which the parties entered into the contract, leads to the application of the contractual regime, even if such an obligation was discovered before the conclusion of the underlying contract.

Keywords: duty to inform, auxiliary duties, pre-contractual responsibility, functional criterion, contractual responsibility.

References

1. A. Mitchell Polinsky, Steven Shavell. Handbook of Law and Economics, Elsevier, edition 1, volume 1, number 1. 2007. P. 22;
2. Braginsky M. I, Vitryansky V. V. Contract law: General provisions. - М.: Statut, 2002. -- 848 p.
3. Braginsky M. I, Vitryansky V. V. Contract law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services. 2nd ed., Erased. - М.: Statut, 2011. -- 1055 p.
4. Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation / Otv. ed. A.G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2020. -- 1425
5. Contractual and obligation law (general part): article-by-article commentary to articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation / Otv. ed. A.G. Karapetov. - М.: M-Logos, 2017. -- 1120 p.
6. Cooter R., Ulen T. Law and Economics; per. from English under scientific. ed. D. Raskov with the participation of M. Timofeev. - М.: Publishing house "Delo" RANEPА, 2018. P. 128.
7. M. Fabre-Magnan. De l'obligation d'information dans les contrats. Essai d'une théorie. 2014. 573 p.
8. Lugmanov R.R. The principle of good faith and ancillary obligations in German private law // Legislation. No. 2. 2019. P. 78-85
9. McKie, Yiyang. Law and Economics for the Continental Legal Tradition; per. from English under scientific. ed. D. Raskova. - Moscow: Delo Publishing House, RANEPА, 2019, p. 624.
10. To us. K.V. Dissertation for the degree of Doctor of Law "The Principle of Conscientiousness. Fundamentals of Theory and Law Enforcement in the Context of German Legal Experience". М. 2021 S.
11. We K.V. The principle of good faith. System and haphazardness. // Bulletin of civil law. 2019. No. 1. S. 28-74.
12. Basic provisions of civil law: article-by-article commentary to articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation / A. V. Asoskov, V. V. Baibak, R. S. Bevzenko [and others]; otv. ed. A.G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2020. -- 1469 p.
13. Rudokvas A.D. Violation of the obligation to inform: pre-contractual liability, assurances and guarantees of compensation for losses // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016, No. 11. P. 57-79
14. Rudokvas A.D. Some problems with the application of Art. 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the principle of good faith // Bulletin of civil law. vol. 17, No. 2, 2017. P. 31-47
15. Losses and the practice of their compensation: Collection of articles / Otv. Ed. M.A. Rozhkov. - М.: Statut, 2006. 622.

Проблемы общей оценки имущества должника в рамках исполнительного производства

Ретинская Ирина Борисовна

магистрант, кафедра финансового менеджмента и финансового права, Московский городской университет управления правительства Москвы Ю.М. Лужкова

Теоретическим и практическим аспектам оценки имущества в исполнительном производстве уделено недостаточное внимание со стороны ученых. Поэтому оно требует досконального обоснования и анализа. Вопросы общей оценки при взыскании имущества в рамках исполнительного производства имеют недостатки, которые необходимо устранить. Законодательством установлено, что определение стоимости имущества должника может быть осуществлено как самим судебным приставом-исполнителем, так и привлеченным им субъектом оценочной деятельности – субъектом хозяйствования.

Цель статьи заключается в определении теоретических и практических проблем процедуры оценки имущества судебным приставом-исполнителем и поиска путей их решения. В статье рассматривается процесс оценки имущества должника, выявлены основные аспекты необходимости проведения оценки имущества должника, исследована возможность обжалования утвержденной приставом оценки должника.

Ключевые слова: оценка имущества, исполнительное производство; судебный пристав, взыскание, пристав-исполнитель.

Введение. Теоретическим и практическим аспектам оценки имущества в исполнительном производстве уделено недостаточное внимание со стороны ученых. Поэтому оно требует досконального обоснования и анализа.

Цель статьи заключается в определении теоретических и практических проблем процедуры оценки имущества судебным приставом-исполнителем и поиска путей их решения.

Основная часть. Для рассмотрения данного института исполнительного производства следует, в первую очередь, обратиться к дефиниции оценочной деятельности, а также к понятию обращения взыскания на имущество.

Оценка имущества должника представляет собой комплекс практических процедур, применяется компетентным специалистом или группой специалистов с целью установления точной рыночной стоимости для адекватных продаж на специальных торгах с целью погашения задолженности.

Необходимость проведения оценки имущества проявляется в том, что:

- оценка учитывается при аресте имущества должника, который может быть наложен в пределах суммы взыскания по исполнительным документам с учетом расходов, связанных с проведением исполнительных действий;
- это предпосылка для сторон исполнительного производства по его обжалованию;
- имущество реализуется по цене, определенной на основании проведенной оценки.

В целях реализации имущества должника судебному приставу-исполнителю необходимо провести оценку этого имущества. Исходя из диспозиции ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве», к оценочной деятельности в исполнительном производстве можно отнести деятельность специальных субъектов правовых отношений, направленную на установление реальной рыночной стоимости имущества, для дальнейшей его реализации в исполнительном производстве. Указанная деятельность регулируется ФЗ «Об исполнительном производстве» и ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ».

Обращение взыскания на имущество должника — это мера принудительного исполнения, направленная на реализацию документа, содержащего имущественные требования. Под имуществом должника здесь понимается все те материальные ценности (движимое или недвижимое имущество), которыми должник владеет на праве собственности на момент начала исполнения решения. Так

же к имуществу следует относить результаты интеллектуальной деятельности.

Необходимость проведения оценки имущества проявляется в том, что:

- оценка учитывается при аресте имущества должника, который может быть наложен в пределах суммы взыскания по исполнительным документам с учетом расходов, связанных с проведением исполнительных действий;

- это предпосылка для сторон исполнительного производства по его обжалованию;

- имущество реализуется по цене, определенной на основании проведенной оценки [5].

Очень важным в проведении оценки имущества должника является объективность и достоверность отчета оценщика, то есть соответствие цены имущества, передаваемого на реализацию рыночной конъюнктуре, имеет большое значение для взыскателя. Завышение оценки может привести к тому, что имущество не будет реализовано, в свою очередь заниженная цена напрямую влияет на удовлетворение его требований [4, с.82].

Таким образом, оценка и реализация имущества должника неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены этапами обращения взыскания на имущество должника, поскольку она осуществляет определение стоимости имущества должника, которая, в свою очередь, учитывается при его продаже. Поэтому процедура оценки имущества судебным приставом-исполнителем должна осуществляться качественно.

Следует также отметить, что законом предусматривается возможность обжалования утвержденной приставом оценки, с последующим привлечением нового оценщика. Опять же наличие данных норм препятствует к достижению цели оценки имущества, т.е. специализированной и профессиональной оценки имущества для дальнейшей его реализации в рамках исполнительного производства [6, с. 171].

Итого, мы считаем необходимым исключить обязанность судебного пристава-исполнителя утверждать оценку имущества должника, произведенную специализированным оценщиком. Это позволит избежать давления на оценщика со стороны пристава, а также внесет логику в закон, т.к. сейчас это выглядит так, что судебный пристав, не имеющий должной специальности, утверждает оценку специалиста, которого сам пристав привлёк для оценки.

Таким образом, в соответствии с ч. 1 ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве», оценка имущества должника, на которое обращается взыскание, производится судебным приставом-исполнителем по рыночным ценам, если иное не установлено законодательством РФ [1].

Однако часть 2 вышеуказанной нормы предусматривает ряд видов имущества, наличие которого обязывает судебного пристава-исполнителя в течение месяца привлечь к оценке имущества оценщика, имеющего соответствующую квалификацию [1].

Далее после составления отчёта об оценке имущества, судебный пристав исполнитель составляет соответствующий акт и накладывает взыскание на данное имущество в рамках ФЗ «Об исполнительном производстве», после чего данное имущество реализуется, по правилам действующего законодательства об исполнительном производстве [3, с. 143].

Объективность и достоверность отчета оценщика, то есть соответствие цены имущества, передаваемого на реализацию рыночной конъюнктуре, имеет большое значение для взыскателя. Завышение оценки может привести к тому, что имущество не будет реализовано, в свою очередь заниженная цена напрямую влияет на удовлетворение его требований.

Выводы. Проведение оценки имущества является одним из самых сложных процессуальных действий, поскольку от ее результатов зависит, с одной стороны, реальность выполнения требований взыскателя, а с другой – защита от нарушения имущественных прав должника.

Следовательно, при оценке имущества необходимо принимать во внимание, что следующим процессуальным действием должно быть реализация имущества, а хранение и реализация неликвидного имущества, кроме увеличения расходов на исполнительное производство к желаемым результатам не приведет. Поэтому вещи, имеющие существенные дефекты, подлежат оценке с учетом возможности их последующей реализации

Оценить процент износа одежды и обуви и определить, какие вещи имеют износ более 50%, является сложным делом и в определенной степени носит субъективный характер.

Целесообразно в этом случае иметь в виду товарный вид. То есть, когда имеется существенное повреждение и потеря товарного вида, окончательная цель взыскания -покрытие имущественных требований взыскателя не достигается. Следовательно, при оценке имущества необходимо принимать во внимание, что следующим процессуальным действием должно быть реализация имущества, а хранение и реализация неликвидного имущества, кроме увеличения расходов на исполнительное производство к желаемым результатам не приведет. Поэтому вещи, имеющие существенные дефекты, подлежат оценке с учетом возможности их последующей реализации.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сказать, что вопросы общей оценки при взыскании имущества в рамках исполнительного производства имеют недостатки, которые необходимо устранить. Законодательством установлено, что определение стоимости имущества должника может быть осуществлено как самим судебным приставом-исполнителем, так и привлеченным им субъектом оценочной деятельности – субъектом хозяйствования. Кроме того, исследуемая тема в силу своей сложности требует дополнительного изучения.

Литература

1. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Российская газета. 2007. № 223.
2. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства. 1998. № 31. Ст. 3813.
3. Бакулина А.А. Действия оценщика на стадиях исполнительного производства // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. №4. С. 140–146.
4. Беланова Г.О. Арест и оценка имущества должника // Закон и право. 2019. № 4. С. 81–83.
5. Дерягина Д.О. Некоторые проблемы оценки имущества в исполнительном производстве // Актуальные проблемы юридической науки и практики 2017. С. 147–150.
6. Ермолаева Г.С. Проблемы оценки имущества должников в рамках исполнительного производства // Символ науки. 2016. №6. С. 171–174.
7. Исполнительное производство: Практикум: Учебное пособие / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Яркова, канд. юрид. наук, доц. Е.А. Царегородцевой; Урал. гос. юрид. ун-т. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2017. 328 с.
8. Корсун Т.И. Кто оценит арестованное имущество должника? // Интерактивная наука. 2019. № 7 (41). С. 22–25.

Problems of general appraisal of the debtor's property in the framework of enforcement proceedings

Retinskaya I.B.

Moscow City University of Management of the Government of Moscow Yu.M. Luzhkov

Insufficient attention has been paid to theoretical and practical aspects of property appraisal in enforcement proceedings. Therefore, it requires a thorough justification and analysis. The issues of general assessment in the recovery of property within the framework of enforcement proceedings have shortcomings that must be eliminated. The legislation establishes that the determination of the value of the debtor's property can be carried out both by the bailiff-executor himself, and by the subject of appraisal activity attracted by him - the business entity.

The purpose of the article is to determine the theoretical and practical problems of the property appraisal procedure by the bailiff and search for ways to solve them. The article examines the process of assessing the debtor's property, identifies the main aspects of the need for assessing the debtor's property, investigates the possibility of appealing the debtor's assessment approved by the bailiff.

Keywords: property appraisal, enforcement proceedings; bailiff, collection, bailiff.

References

1. Federal Law of October 2, 2007 N 229-FZ "On Enforcement Proceedings" // Rossiyskaya Gazeta. 2007. No. 223.
2. Federal Law of July 29, 1998 N 135-FZ "On appraisal activities in the Russian Federation" // Collected Legislation. 1998. No. 31. Art. 3813.
3. Bakulina A.A. Appraiser's actions at the stages of enforcement proceedings // Problems of Economics and Legal Practice. 2013. No. 4. S. 140-146.
4. Belanova G.O. Arrest and appraisal of the debtor's property // Law and Law. 2019. No. 4. P. 81–83.
5. Deryagina D.O. Some problems of property valuation in enforcement proceedings // Actual problems of legal science and practice 2017. P. 147–150.
6. Ermolaeva G.S. Problems of property valuation of debtors in the framework of enforcement proceedings // Symbol of Science. 2016. No. 6. S. 171-174.
7. Enforcement proceedings: Workshop: Textbook / Ed. Dr. jurid. Sciences, prof. V.V. Yarkova, Cand. jurid. Sciences, Assoc. E.A. Tsaregorodtseva; Ural. state jurid. un-t. - 3rd ed., Rev. and add. - M.: Statut, 2017. 328 p.
8. Korsun T.I. Who will evaluate the seized property of the debtor? // Interactive Science. 2019. No. 7 (41). S. 22-25.

Ключевые условия баланса интересов должника и кредиторов при урегулировании несостоятельности в процедурах превенции, сохранения и реабилитации: опыт России и Франции

Ионцев Михаил Анатольевич

аспирант, отдел гражданского законодательства и процесса, гражданский и арбитражный процесс, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, mikhail.iontsev@gmail.com

Институт несостоятельности подобен «скелету по своей уязвимости, хрупкости, значительности и универсальности функционала и существенности влияния на здоровье организма в целом: любая опрометчиво добавленная или удаленная косточка, хрящ или связка заставят страдать весь организм целиком». Их полноценное описание невозможно без краткого и содержательного обзора способов превенции несостоятельности, так как именно они позволяют оценить поведение должника до открытия реабилитационных процедур.

В зависимости от конкурентной структуры рынка, актором которого является должник, и вида несостоятельности, можно выделить процедуры, которые будут отличаться друг от друга объемами полномочий администраторов процедуры, порядком определения их вознаграждения, распределением бремени доказывания по деликтным искам из агрессивного контрагирования и доведения до несостоятельности, доступности института распространения процедуры урегулирования несостоятельности на другие имущественные массы, порядком реализации отдельных видов имущества, составления и исполнения реабилитационного плана.

В этой статье частично будут описаны разные элементы общей для всех структуры реабилитации и сохранения с указанием особенностей, которые возникают при урегулировании отдельных видов несостоятельности. Реабилитация и сохранение классифицируются как судебные (коллективные) способы урегулирования несостоятельности, превентивные как досудебные.

Ключевые слова: баланс интересов, должник, управляющий, превенция, реабилитация, банкротство.

Квалификация несостоятельности и субъекта осуществляется представителями системы торговли юстиции, от дискреции которых во многом зависит судьба кредиторов и должника, в связи с чем необходимо дать краткую характеристику ее построения и порядок наделения полномочиями.

Организация системы банкротной юстиции

В процессе урегулирования несостоятельности происходит распределение властей по управлению и контролю за ходом процедуры. Так, суду отводится контрольная, то есть он разрешает споры, связанные с привлечением к ответственности, оспариванию сделок, а также споры, связанные с течением процедуры. При этом согласно принципу специализации судей, дела по оспариванию сделок и привлечению к ответственности по деликтам рассматриваются либо судьями, специализирующимися на отдельных специальных вопросах, связанных со спором, либо судьями составов, рассматривающих дела о несостоятельности.

При этом суд минимально вмешивается в управление процедурой. Судьи, как правило, не имеют опыта ведения бизнеса в одной или нескольких сферах, очевидно, что специфику деловых решений невозможно освоить без специальной практики.

Иной подход заключается в концентрации полномочий, как по управлению, так и контролю, у суда. Как правило, такой подход исповедуется в правопорядках, в которых уровень доверия между лицами исторически был не высок, и требуется дополнительное участие государства со стороны суда в обеспечении прав всех заинтересованных лиц.

Опыт Франции

Государственный Совет Французской Республики (далее – Государственный Совет) определяет перечень органов, уполномоченных на рассмотрение дел, связанных с урегулированием несостоятельности (ст. L610-1 ТК). Во Франции такими органами являются торговые трибуналы «tribunal de commerce», которые фактически можно назвать органами, специализирующимися на урегулировании несостоятельности, так как согласно статистическим данным Министерства Юстиции, только 40% дел, рассматриваемых ими, не связаны с несостоятельностью^[12], что означает, что ординарные судьи торгового трибунала, специализирующиеся в разных сферах права от нало-

гового и финансового до корпоративного и анти-монопольного, разрешают отдельные споры только в рамках своей специализации в деле об урегулировании несостоятельности, которое ведет отдельный ординарный судья. В целом следует повторить еще раз, что дело об урегулировании несостоятельности ведут три судьи: судья-комиссар, ординарный судья и председатель трибунала.

В состав трибунала входят судьи «magistrats consulaires», выбираемые специальной судебной коллегией из лиц, обладающих опытом коммерческой деятельности, а также секретарь трибунала «greffier», наделяемый полномочиями Министром Юстиции Французской Республики после проведения конкурса на занятие должности (L.721-1 ТК). Торговые трибуналы занимаются не только рассмотрением дел и разрешением споров из торгового права, но также и рядом иных публичных функций, среди которых ведение реестра юридических лиц, ведение реестра монополистов и жестких олигополистов, анализ практики правоприменения и состояния конкурентной среды (В состав суда входит от 3 до 65 судей, всего во Франции существует по состоянию на 2016 год существует 200 торговых трибуналов. Информация взята из Ежегодного отчетного бюллетеня) [16]. Согласно ст. L.721-2 и 3 ТК и Декрету №0164 от 14 июля 2017 кандидат на должность судьи должен обладать двухлетним опытом юридического сопровождения деятельности юридического лица в качестве руководителя, 3 летним стажем ведения споров по определенной категории дел, которую он собирается рассматривать в качестве судьи, степенями магистра юриспруденции и экономики или финансов, иметь аттестат бухгалтера.

Досудебные способы урегулирования несостоятельности

Эти способы применяются до того, как лицо приостановит осуществление платежей в связи с несостоятельностью его имущественной массы.

Они имеют высокую значимость, во-первых, потому что могут позволить устранить причины потенциальной несостоятельности на раннем этапе ее развития, когда лицо еще платежеспособно, но имеются факторы, способствующие развитию несостоятельности.

Во-вторых, досудебные способы являются более экономными по сравнению с полноценными судебными процедурами, влекущими большие издержки и не всегда завершающиеся достаточно результативно.

В-третьих, их соблюдение и проведение должником позволяют служить необходимым, но недостаточным признаком квалификации вида несостоятельности.

В-четвертых, они позволяют подготовить заранее большую часть специальных необходимых данных об экономическом состоянии должника[9], в-пятых, основная сила превенции сводится к тому, что их доступность зависит от поведения

должника в предыдущих процедурах, так добросовестное поведение поощряется более высоким уровнем льгот, предоставляемых в рамках программ оказания финансовой помощи.

Публичные способы

Государство и муниципалитеты, общественные организации берут на себя функцию поддержки, исходя из публичного интереса – экономического развития региона. Как правило, они восполняют, так называемые, провалы рынка. Во-первых, они могут дать личное обеспечение по обязательствах должника в тех случаях, когда все другие лица отказываются, либо просто должник не может экономически обратиться к кому-то в силу рискованности проекта. Во-вторых, они являются мерами коррекции фискальной политики в отношении субъектов малого и среднего бизнеса, так как предоставление льготных займов и поручительства может служить корректировкой и смягчением отсутствия льгот для некоторых субъектов, которые уже не являются представителями малого или среднего бизнеса, однако характеристики которых лишь ненамного отличаются от тех, кому предоставляют льготу[2]. Данные льготы предоставляются в целях недопущения несостоятельности, в противном случае возможно привлечение публичного фискального органа к деликтной ответственности за доведение до несостоятельности из-за непомерного налогового бремени.

Все множество публичных способов можно разделить на три вида:

налогово-фискальные: существование таких способов сводится к прощению части долга государством или муниципалитетом, отсрочка по долгу, рассрочка долга[7] и т.д.; такая помощь дополнительно, как правило, ограничительно регулируется нормами налогового и антимонопольного права. Для получения существенных налоговых льгот необходимо предоставить экономическое обоснование, связанное с тем, что налоговое бремя *per se* может повлечь несостоятельность, перед предоставлением помощи проводится аудит состоятельности налоговыми службами. Информация, полученная в результате проверки, в дальнейшем может быть использована в качестве доказательства судьей для оценки досудебного поведения должника и квалификации вида несостоятельности.

Опыт Франции

Так, например, публичные образования формируют перечни требований, которым должны удовлетворять представители бизнеса, чтобы им была оказана помощь в заявительном порядке[17] (эти требования устанавливаются исходя из политики поддержки бизнеса, которой придерживается регион, например, заниматься определенными видами деятельности, иметь определенное количество постоянно работающих лиц, иметь определенное количество выручки, участвовать в благотворительных акциях, вести зеленую политику и т.д.).

Опыт России

Налоговое право, а именно п. 2 ст. 64 НК, также предусматривает возможность получения отсрочки в случае угрозы расточительной или несчастной несостоятельности. Так, законодатель указывает на то, что отсрочка или рассрочка может быть предоставлена, если:

- должник получили ущерб из-за стихийного бедствия, технологической катастрофы или иных обстоятельств непреодолимой силы;

- возникнет угроза банкротства должника организации при одновременной уплате налога.

восполняющие провалы рынка: Консультирование и повышение финансовой грамотности связаны с профилактикой расточительности (неосторожной несостоятельности), связанной с нехваткой специальных знаний, не связанных с профессиональной деятельностью, однако необходимых для функционирования бизнеса (например, консультации в отношении доступных налоговых режимов, порядка ведения бухгалтерской отчетности и выбора учетной политики, условий кредитования бизнеса, налоговой оптимизации и т.д.). Консультанты в дальнейшем могут быть вызваны в качестве свидетелей в процессе квалификации вида несостоятельности и оценки досудебного поведения должника. Займы предоставляются в рамках специальных программ развития отдельных рынков с достаточно большими барьерами входа и рентабельностью, их предоставление зависит от конкурентной политики, проводимой публичным органом и специальных требований, отражающих содержание политики поддержки бизнеса[19].

перераспределительные, то есть приводящие к перераспределению капитала в экономике между разными ее секторами, редким примером такой меры может служить добровольная продажа бизнеса публичным образованиям посредством отчуждения акций или долей общества на этапе потенциального возникновения несостоятельности в целях осуществления санации за счет публичных образований.

Опыт Франции

Публичные органы могут восполнять провалы рынка по средствам выдачи личного обеспечения, предоставления беспроцентных займов и проведение консультаций (абз.5 L611-1 ТК), которые, как правило, проводятся с участием общественных организаций.

Существование публичных способов характерно не только Франции, а является общеевропейским явлением, которое, тем не менее, распространяется весьма и весьма затруднительно, так как считается, что оно существенно образом может ограничить конкуренцию на местном уровне[5].

Органы местного самоуправления могут осуществлять поддержку в весьма ограниченных и строго определённых формах, что установлено Законом №82-213 от 2 мая 1982 года «О правах и свободах коммун, департаментов и регионов». В Законе № 88-15 от 5 января 1988 года «О разви-

тии бизнеса» установлено два вида такого вмешательства:

- предоставление личного обеспечения по долгам должника;

- освобождение от местных налогов.

Восполняющие публичные способы урегулирования несостоятельности осуществляются при содействии парапубличных (т.е. общественно-государственных) организаций (абз.5 L611-1 ТК). Наиболее яркими примерами таких организаций, выделяемыми в литературе[8], являются следующие.

Региональный комитет выявления финансовых проблем предприятий (Codefi). Эти комитеты возглавляются главами регионов. Целью их деятельности является выявление на ранних стадиях несостоятельности предприятий с численностью сотрудников не более 500 человек. Финансовая помощь, которую они могут оказать в превентивном порядке, сводится к выдаче кредитов под процент существенно меньший, чем в среднем по рынку. Денежные средства предоставляются за счет средств специальных фондов социально-экономического развития, существующих в каждом регионе. Как правило цель предоставления средств заключается в компенсации социальных выплат при проведении необходимого сокращения числа работников с целью повышения эффективности бизнеса.

Межведомственный комитет индустриальной реструктуризации (Ciri). Этот комитет работает в рамках всего государства, а не отдельного региона, возглавляется министром экономики и финансов. На помощь могут рассчитывать только предприятия с численностью сотрудников не менее 400 человек. Целью вмешательства является реорганизация, способная привести к долгосрочному разрешению финансовых проблем. Комитет также может выдать кредит, как и Кодефи, если таковые потребуются для реализации плана по реорганизации бизнеса с целью повышения его эффективности[14].

Комиссия представителей финансовых секторов (CCSF). Эта региональная комиссия включает в свой состав представителей государственных органов, администрирующих финансовые сферы экономики, а органов, занимающихся развитием социального благосостояния. Ее помощь распространяется на всех предпринимателей и предприятия. Вид помощи проявляется в оказании профессиональных консультаций в сфере управления и налогообложения[6].

Факты взаимодействия должника с метапубличными организациями составляет сферу внимания судьи при оценке поведения должника до открытия процедуры и квалификации вида несостоятельности.

Частные способы

Эти способы характеризуются тем, что публичные и парапубличные органы не оказывают финансовой и экономической помощи представителям бизнеса. Частные способы можно разделить

на связанные и не связанные с участием посредников при согласовании интересов. Ко вторым относятся способы информирования о ведении бизнеса и анализа учетных данных (информационная превенция), внеконкурсное оспаривание сделок должника, связанное как с выводом активов из имущественной массы представляемого лица, так и личной имущественной массы. Их сложно назвать способами урегулирования *per se*, так как они обеспечивают своевременное выявление признаков возможной несостоятельности, ее аккумуляции и консолидации[18].

Информационная превенция

Сбор и анализ учетной информации финансового, управленческого и статистического характера имеет принципиальное значение в принятии управленческих решений органами юридического лица, контрагентами при установлении деловых связей и государства для анализа состояния деловой активности в регионе. В связи с тем, что несостоятельность является таким состоянием, которое затрагивает интересы всех участников оборота и публичных органов, необходимо предоставление доступа заинтересованным лицам к ключевым отчетным данным. Значимость информационной превенции сложно недооценить, так как она играет существенную доказательную роль при определении момента наступления несостоятельности и служит одним из центральных источников доказательств[15].

Опыт Франции

Так, в 1984 году Ордонансом № 84-148 от 1 марта на органы управления юридического лица и всех лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, была возложена обязанность предоставления в парапубличные органы, оказывающие помощь в ситуациях с потенциальной несостоятельностью, информацию, связанную с ключевыми показателями экономического анализа состоятельности (коэффициенты задолженности, собственный капитал в обороте, коэффициент текущей платежеспособности, покрытие активами, коэффициенты ликвидности, коэффициент внутреннего долга, коэффициенты автономии капитала и активов, коэффициенты обеспеченности капиталом и собственными средствами, коэффициент удаленности от точки нерентабельности, коэффициент рентабельности, показатели производственных и финансовых циклов). В перечень необходимых данных входили:

- бухгалтерская отчетность за каждый квартал;
- краткосрочный (каждый квартал) и среднесрочный (от года) планы финансирования своей деятельности, а также отчет о проведении мониторинга состоятельности (за прошедший год).
- список кредиторов, пользующихся защитой Кодекса о Социальном Обеспечении, данная информация необходима для того, чтобы определить круг лиц, охватываемых финансовой поддержкой в случае начала судебной процедуры урегулирования несостоятельности.

Очевидно, что данная обязанность может быть чрезмерно-обременительной для представителей малого и среднего бизнеса, поэтому есть ограничения на круг лиц, которые должны её исполнять за свой счет, а именно предприятия, сотрудниками которых являются по меньшей мере 300 человек или доход которых равен 18 миллионам Евро за вычетом налоговых и обязательных платежей. В связи с тем, что не все лица, занимающиеся коммерческой деятельностью, могут постоянно заниматься анализом несостоятельности, им предоставляется возможность выбрать исполнение данной обязанности при помощи парапубличных организаций, которые наделяются полномочиями по проведению аудита состоятельности (абз.2 L611-1 ТК). Парапубличная организация назначает аудитора для проверки, который согласно абз.3 ст. L611-1 ТК в случае выявления признаков потенциальной несостоятельности может порекомендовать прибегнуть к консультациям специальных экспертов[21].

Специальный способ урегулирования потенциальной несостоятельности может осуществляться с участием председателя торгового трибунала. Согласно абз.1 п. I ст. L611-2 ТК, если в рамках судебного разбирательства выяснится, что лицо в процессе исполнения судебного решения или уплаты начисленной судебной неустойки сможет стать несостоятельным, председатель торгового трибунала может вынести приказ о вызове лиц, принимающие ключевые решения в управлении бизнесом, для выяснения способов недопущения несостоятельности в процессе исполнения решения и определения причин неисполнения обязательства в натуре, если размер судебной неустойки достиг критических для состоятельности размера[10]. В случае если вызов был проигнорирован и никаких действий не было предпринято со стороны управляющих лиц, согласно абз.2 п. I ст. L611-2 ТК председатель трибунала может осуществить сбор необходимой информации в самостоятельном порядке, исходя из которой определит модальности исполнения решения и возможность предоставления рассрочки, если требование было денежным или делимым. Данные полномочия по сбору информации полагались чрезмерно широкими, так как в них усматривалось вмешательство публичной судебной власти в частные дела лиц, без наличия на то их согласия. Однако Государственный Совет, выполняющий роль органа конституционного надзора, указал, что реализация полномочий соответствует Конституции Франции[4]. Также в этом деле на предмет конституционности рассматривался вопрос о самостоятельном предоставлении председателем торгового трибунала рассрочки по исполнению решения в целях недопущения несостоятельности, которое согласно своей природе является безвозмездным коммерческим кредитованием; Государственный Совет указал на то, что в данная норма соответствует Конституции, если председатель торгового трибунала обладает достаточно убедительными мотивами для предоставления рассрочки.

Если же органы управления не предоставляют необходимую информацию председателю торгового трибунала или в парапубличную организацию, то согласно п. II ст. L611-2 ТК председатель трибунала может наложить штраф, что также было сочтено Государственным Советом соответствующим Конституции.

Информационная превенция может осуществляться также ключевыми представителями и сотрудниками лица «*prévention par les procédures d'alerte*». Она может быть инициирована большим кругом субъектов: главным бухгалтером или финансовым директором, советом директоров, учредителями или акционерами и председателем суда. Согласно ст. L. 611-2 и L. 234-1 ТК главный бухгалтер может начать процедуру, основываясь на данных отчетности (включая такие показатели как наличие корпоративных конфликтов или их высокую вероятность возникновения, состояние экономического климата в отрасли, состояние и пропорции основного и оборотного капитала, невозможность удовлетворения социальных требований, иных денежных из трудовых договоров и т.д.), чтобы привлечь внимание акционеров, директоров материнской организации, контролирующих лиц. Начало этой процедуры может послужить основанием для возникновения ответственности директоров или повлечь их смену. Директора должны отчитаться о своей деятельности, объяснить политику и стратегию ведения бизнеса. Эта процедура необходима для того, чтобы отграничить несчастную несостоятельность от расточительной и иметь возможность привлечь в дальнейшем представителей к деликтной ответственности за доведение до несостоятельности. О начале процедуры инициатор уведомляет председателя трибунала[13].

Профсоюз может быть инициатором вышеописанной процедуры только в том случае, если существует в уставе организации предусмотрено такое полномочие. Если же директора не отчитываются или игнорируют требование профсоюза, то, в случае попадания организации в процедуру урегулирования несостоятельности, они будут считаться совершившими деликт (*delit d'entrave*), связанный с затягиванием процедуры, предусмотренный L. 2328-1 ТК и L. 483-1 Трудового Кодекса. Однако профсоюз также должен принимать участие в урегулировании экономического дисбаланса, например, он должен не затягивать согласование сокращения состава рабочих, если таковое необходимо для дальнейшего успешного существования организации[13].

Группа акционеров с совокупной долей акций, превышающей 5%, может также потребовать проверки состоятельности организации, однако (вне зависимости от состава акционеров, входящих в нее) она может воспользоваться этим не более 2 раз в год, что установлено ст. L. 223-232 ТК.

Внеконкурсное оспаривание

Одной из ключевых тенденций в развитии права восстановления благосостояния является его «переезд» на досудебный этап, то есть попытка

разрешить подавляющее большинство вопросов, связанных с защитой интересов, до открытия процедуры урегулирования несостоятельности.

Ярким примером является досудебная реструктуризация долгов (уже затронутая во Введении и подробнее описанная ниже в этой Главе), которая позволяет избежать все «судебные шоки».

Однако на досудебном этапе в процессе реструктуризации задолженности или задолго до нее кредитор, особенно мажоритарный, имеет интереса контроля над имущественной массой должника. Тому может служить, в частности, назначение новых директоров, рекомендованных кредиторов, которые обладают полномочиями по согласованию каких-либо сделок, осуществлению имущественной ревизии, обладанию правом «вето». Естественно, что не все кредиторы обладают достаточной переговорной силой, чтобы ввести «своих игроков» на чужое поле, в таких случаях необходим иной механизм защиты интереса, которым является - внеконкурсное оспаривание.

Внеконкурсное оспаривание - это процесс, в рамках которого кредитор подает иск по оспариванию сделок, совершенных должником до открытия процедуры урегулирования несостоятельности. Реализация этого права предотвращает вывод активов должником, реже – предотвращение заведомо невыгодного экономического решения, совершенного должником неразумно, но добросовестно.

Обоснованием интереса кредиторов при реализации права на внеконкурсное оспаривание служит следующая идея. Лица могут участвовать в бизнесе двумя способами: посредством приобретения статуса представителя (акционера, обладателя доли) или предоставления кредита. В целом и тот и другой случай экономически можно сформулировать в виде следующего утверждения: «я даю имущество, надеясь на получения прибыли от него». Сложно уследить экономическую разницу между долгосрочным крупным кредитом, выданным обществом, и покупкой акций на сумму, равную объему кредита, в течение срока, на который он выдан.

Таким образом, интерес кредиторов, как «участников» бизнеса, безусловно нуждается в защите, как и интерес участников. Однако по проводя аналогию с корпоративным правом, справедливо задать вопрос – любой ли кредитор должен обладать таким правом? И какие пределы осуществления этого права? Очевидно, что ответы являются политико-правовыми. В России, например, миноритарные акционеры обладают невероятно широким кругом прав как по оспариванию сделок, так и по получению информации, однако, например, в США в целом по штатам, можно отметить, что миноритариям необходимо консолидироваться в достаточно крупные группы, чтобы реализовать эти права.

Так, можно отметить минимум следующие модели:

- любой кредитор обладает правом на оспаривание вне зависимости от объема и вида требова-

ний; оспариванию подлежат любые сделки: совершенные в любой момент времени в рамках объективной исковой давности;

- любой кредитор обладает правом на оспаривание вне зависимости от объема и вида требований; но оспариванию подлежит ограниченный круг сделок должника, например, совершенные в течение определённого срока до возникновения требования у кредитора (лишь бы они попадали в объективную исковую давность);

- право на иск принадлежит кредиторам, удовлетворяющим цензу объема требований (или виду) или специальному субъекту, оспариванию подлежат любые сделки: совершенные в любой момент времени в рамках объективной исковой давности;

- право на иск принадлежит кредиторам, удовлетворяющим цензу объема требований (или виду) или специальному субъекту, причем оспорить можно ограниченный перечень сделок.

Первая модель будет именоваться расширенной, последняя – ограниченной; вторая – общегражданской; третья – дублерской (так как конкурсное оспаривание здесь является дублером оспаривания по специальным основаниям, доступным только в рамках процедуры урегулирования несостоятельности). При этом следует отметить, что сделки третьих лиц внеконкурсно оспариванию не подлежат (например, зачет).

Для квалификации природы иска (договорный, деликтный или кондиционный) необходимо ответить на вопрос, проистекает ли право на иск из договора, основано ли оно на причинении вреда кредитору. Автор полагает, что иск носит деликтную природу, так как иск у кредитора возникает не из обязательственной связи между должником и кредитором, а в виду заключения первым такой сделки, исполнение которой может повлечь вред для кредитора.

Внеконкурсное оспаривание достаточно подробно описаны в работах магистров Российской Школы Частного Права при Президенте Российской Федерации им. С.С. Алексеева, в частности, К.А.Усачевой[22-27], в связи с этим, автор осуществляет тезисное описание этого института в данной работе.

Опыт России

Внеконкурсное оспаривание – это подача иска заинтересованным лицом о признании сделки должника недействительной, так как она наносит вред кредиторам (в доктрине: *actio Pauliana*, Проект ФЗ № 711269-6).

Подавать заявление может как кредитор, так и пристав (Определение СКГД от 18.04.2017г. № 77-КГ17-7). Несмотря на то, что в судебной практике ВС РФ участвовали только кредиторы, требования которых возникли до совершения оспариваемой сделки, полномочиями по оспариванию обладают также и кредиторы, требования которых возникли после момента совершения оспариваемого акта.

Российские суды признают недействительными, как правило, договоры, которые были совер-

шены должником, как возмездные, так и безвозмездные. Однако оспариванию подлежат все сделки, упомянутые в ПП ВАС РФ № 63, кроме сделок с предпочтением.

Оспаривание осуществляется по одному из двух оснований ст. 10 и 168 ГК РФ или ст. 170 ГК РФ (Определение СКГД от 09.08.2016г. № 21-КГ16-6), п. 10 ИП ВАС РФ № 127 от 25.11.2008г.

Необходимо чтобы был причинен объективный вред кредиторам в одной из возможных форм, например:

- сделка создала или создаст какие-либо препятствия для взыскания в пользу кредитора;
- невозможно удовлетворить требования;
- выведены активы, на которые могло бы быть обращено взыскание.

Сделка не может быть признана недействительной, если у должника имеется иное достаточное имущество для погашения требований, ВС РФ сформировал позицию, согласно которой необходимо исследовать объем активов должника и его стоимость.

Для оспаривания необходимо наличие причинно-следственной связи, то есть именно эта сделка должна повлечь ущемление интересов или прав кредиторов, суды указывают на такие формы как:

- экономический результат сделки – утрата возможности взыскания;
- в результате сделки у должника осталось только имущество, на которое по нормам ГПК РФ нельзя обратить взыскание.

Кредитор утрачивает право на внеконкурсное оспаривание, равно как и пристав, действующий в его интересах, если он знал или должен был знать о том, что должник совершит сделку, причиняющую вред кредиторам.

В качестве ответчика привлекается как сам должник, так и его контрагент по сделке (п. 1 ПП ВАС РФ № 32 от 30.04.2009г.). Возможно также предъявление иска как к универсальным, так и сингулярным правопреемникам ответчика (Определение СКГД от 19.04.2016г. № 83-КГ16-4). В таком случае в качестве ответчиков привлекаются все известные кредитору правопреемники (Определение СКГД от 14.06.2016г. № 52-КГ16-4, Постановление КС РФ от 21.04.2003г № 6-П, п. 35 ПП ВАС РФ № 10 от 29.04.2010г.).

Невозможно во внеконкурсном процессе признать недействительной сделку, которая связана с оказанием приоритета одному из кредиторов.

Составы внеконкурсного оспаривания:

- безвозмездные предоставления;
- совершение возмездной сделки во вред кредиторам: а) отчуждение по заниженной цене (Определение СКГД от 09.08.2016г. № 21-КГ16-7), б) сделка возмездная, однако в ее результате кредитор утрачивает доступ к активу должника (Определение СКГД от 20.09.2016г. № 49-КГ16-18) в) сделка возмездная, доступ к активу имеется, однако новый актив является гораздо более ликвидным и должник его растрачивает (т.е. наличие вещи у должника, а не денег от ее продажи, - более надежная для кредитора позиция, Определение

СКГД от 01.12.2015г. № 4-КГ15-54); г) существенно утрачивается доступ к имуществу – должник вносит актив в качестве доли в уставный капитал в ООО; д) сделка является обеспечительной.

Сроки на оспаривание начинают течь с момента возникновения просрочки перед кредитором, однако в практике ВС РФ не часто встречается позиция, согласно которой срок начинает течь с момента вынесения решения о взыскании в пользу кредитора (Определение СКГД от 01.12.2015г. № 4-КГ15-54).

В отношении сделок, совершенных юридическими лицами, допускается внеконкурсное оспаривание на стадии наблюдения (Определении Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.12.2014 N 309-ЭС14-923, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.09.2014 по делу N А24-4270/2011, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.05.2014 по делу N А53-20966/2013).

Способы урегулирования несостоятельности с участием посредников можно разделить на два вида: 1) медиацию, направленную на устранение корпоративных и трудовых конфликтов, и 2) процедуру добровольной реструктуризации долгов, в которой участвуют, как правило, мажоритарные кредиторы.

Медиация с посредником

Очевидно, что споры между представителями имущественной массы (корпоративные) и споры, связанные с группами работников, принимающие острую форму (например, забастовки), могут послужить причинами несостоятельности. Так, их необходимо разрешать, без фигуры посредника здесь не обойтись. При этом посредником здесь является лицо, действующее в интересах определённой конфликтующей группы.

Опыт Франции

В связи с чем в 1984 году во Франции был введен способ разрешения внутренних конфликтов, способных привести к несостоятельности – медиация с посредником *ad hoc*.

Этот способ доступен должнику только, если он не находится в состоянии приостановки платежей, так как в случае наступления несостоятельности и открытия одной из коллективных процедур, эти конфликты будут разрешаться администраторами процедуры и судьей коммерческого трибунала, ведущим дело[1].

Любой представитель должника имущественной массы, которая может стать несостоятельной, может согласно абз.1 ст. L611-3 ТК обратиться от имени имущественной массы к председателю торгового трибунала (для предпринимателей) или трибунала высшей инстанции (для юридических лиц торгового права) с требованием о назначении посредника *ad hoc*, выдвинув одну или несколько кандидатур, однако судья может назначит посредником любое лицо, как правило, достаточно компетентное в праве и обладающее необходимыми навыками разрешения конфликтов. Посредник *ad*

hoc должен быть независимым, не получать дополнительных вознаграждений от заявителя в течение последних двух лет. Согласно абз.3 ст. L611-3 ТК заявитель не обязан информировать об этом ни других представителей имущественной массы, ни представителей работников.

Судья определяет круг полномочий посредника *ad hoc*, который может прибегнуть ко всем способам урегулирования конфликтов, предусмотренных законодательством и судебной практикой, однако не обладает никакими полномочиями, позволяющими преодолевать волю спорящих сторон[11]. Если он не справляется со своими задачами и судья согласен с аргументами сторон спора о неэффективности действий посредника *ad hoc*, то возможна его замена[3].

Срок действия полномочий определяется судом, причем он обязательно должен быть определённым, но может быть и определяемым. Посредник *ad hoc* должен направить в трибунал отчет о проделанной деятельности: способах разрешения конфликта, причинах, по которым конфликт не был разрешен. Если конфликт не разрешается, а риск возникновения несостоятельности становится существенным, то необходимо использование других способов.

Литература

1. A. Baudoin, Conciliation et médiation : deux modes de règlement des différends commerciaux, Thèse de doctorat en Droit privé sous la direction de Michel Pédamon soutenue en 1992 à Paris 2, p. 32
2. B. Lagarde, Entreprises en difficulté: Traité fiscal, Bernard Lagarde, Parution, 2017, p. -211
3. C. Modat, Les cellules de prévention : l'efficacité n'est pas contraire à la loi, Rev. proc. coll. mars-avr. 2011.28
4. Décision n° 2016-548 QPC du 1er juillet 2016
5. F. Dedieu, B. Masse-Stamberger, A. de Tricornot, Inévitable protectionnisme, Gallimard, Paris, 2012
6. F. S. Mishkin, Monnaie, banque et marchés financiers, Pearson Education France, 2010, p. - 109
7. J. Lamarque, O. Négrin et L. Ayrault, Droit fiscal général, Coll. Manuel, Litec, 2009, 842 p
8. J.-F. Goffin, Responsabilités des dirigeants de sociétés, Primento, 2013, p. 48
9. J.-F. Martin, La prévention : histoire d'une pratique consulaire. Dr. et patrim. 1998, 44.
10. L. De Gastines, La responsabilité extracontractuelle des personnes morales publiques, R.D.P., 1992, p. 135.
11. L. Jadaux, Le règlement conventionnel des difficultés des entreprises par un mandataire *ad hoc*, in Dialogues avec Michel Jeantin, Prospectives du droit économique, 1999, Dalloz. 411.
12. Les juridictions du xxie siècle, rapport à Mme la garde des Sceaux, ministre de la Justice, du groupe de travail présidé par Didier Marshall, premier président de la cour d'appel de Montpellier, décembre 2016.
13. M. Aime, Le commissaire aux comptes. Et l'état de cessation des paiements, Thèse de doctorat en

droit privé sous la direction de Emmanuel Du Pontavice soutenue en 1989 à Paris 2 . p. - 24

14.M. B. Salgado, Droit des entreprises en difficulté, Editions Bréal, 2007, p. -32

15.M. Caveux, Les différents mécanismes de prévention des difficultés d'entreprise, InfoCommerce, 2010, p.-38

16.Ministère de la Justice, Les chiffres-clés de la Justice 2016

17.N. Mathey, Rupture brutale de relations commerciales établies. Revue Contrats, concurrence, consommation, n°7, juillet 2014, commentaire n°158, p. 21 à 25, note à propos de Com. 20 mai 2014.

18.P. Cagnoli, Essai d'analyse processuelle du droit des entreprises en difficulté, .L. G.D.J., 2002, p.-62

19.R. Perrot, Commentaire du décret n°2005-1678 du 28 décembre 2005. Revue Procédures, février 2006, n°2, étude, p. 4-11.

20.S. Lemeunier, J.-Ph. Robic, L'entrepreneur face à l'entreprise en difficulté: Guide pratique: prévention, médiation, soutien et solution, De Boeck Supérieur, 2015, p.- 52

21.V. Chambaud, Guide fiscal et social du créateur d'entreprise - 7e éd. Éditeur Dunod, 2013, p. -76

22.Дондоков А. Сделки должника во вред кредиторам: внеконкурсное оспаривание, Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор», 2016, N 1.

23.Морозов С. Способы противодействия выводу активов должника, находящегося в процедуре банкротства, Юридическая работа в кредитной организации, 2018, N 2.

24.Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание во французском праве: до и после реформы, Закон, 2017, N 12

25.Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция, Вестник гражданского права, 2017, N 5

26.Усачева К.А. Основы внеконкурсного оспаривания в немецком и австрийском праве, Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2017, N 11

27.Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии, Статут, 2018

Key conditions for the balance of interests of the debtor and creditors in the settlement of insolvency in the procedures of prevention, preservation and rehabilitation: the experience of Russia and France Iontsev M.A.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The institution of insolvency is like "a skeleton in its vulnerability, fragility, significance and versatility of functionality and the significance of its effect on the health of the organism as a whole: any recklessly added or removed bone, cartilage or ligament will make the whole organism suffer". Their full description is impossible without a brief and meaningful overview of insolvency prevention methods, since it is they that make it possible to assess the debtor's behavior before the opening of rehabilitation procedures.

Depending on the competitive structure of the market, the actor of which is the debtor, and the type of insolvency, it is possible to distinguish procedures that will differ from each other in the scope of powers of the administrators of the procedure, the procedure for determining their remuneration, the distribution of the burden of proof for tort claims from aggressive countering and bringing to insolvency, the availability of the institution of extending the procedure for resolving insolvency to other property masses, the procedure for selling certain types of property, drawing up and executing a rehabilitation plan.

This article will partially describe the different elements of a common structure for rehabilitation and preservation, indicating the features that arise in the resolution of certain types of insolvency. Rehabilitation and preservation are classified as judicial (collective) methods of resolution of insolvency, preventive as pre-trial.

Keywords: balance of interests, debtor, manager, prevention, rehabilitation, bankruptcy.

References

1. A. Baudoin, Conciliation et médiation: deux modes de règlement des différends commerciaux, Thèse de doctorat en Droit privé sous la direction de Michel Pédamon soutenue en 1992 à Paris 2, p. 32
2. B. Lagarde, Entreprises en difficulté: Traité fiscal, Bernard Lagarde, Parution, 2017, p. -211
- 3.C. Modat, Les cellules de prévention: l'efficacité n'est pas contraire à la loi, Rev. proc. coll. mars-avr. 2011.28
- 4.Décision n ° 2016-548 QPC du 1er juillet 2016
5. F. Dedieu, B. Masse-Stamberger, A. de Tricornot, Inévitable protectionnisme, Gallimard, Paris, 2012
6. F. S. Mishkin, Monnaie, banque et marchés financiers, Pearson Education France, 2010, p. - 109
7. J. Lamarque, O. Négrin et L. Ayrault, Droit fiscal général, Coll. Manuel, Litec, 2009, 842 p
8. J.-F. Goffin, Responsabilités des dirigeants de sociétés, Primento, 2013, p. 48
9. J.-F. Martin, La prévention: histoire d'une pratique consulaire. Dr. et patrim. 1998, 44.
10. L. De Gastines, La responsabilité extracontractuelle des personnes morales publiques, R.D.P., 1992, p. 135.
11. L. Jadaux, Le règlement conventionnel des difficultés des entreprises par un mandataire ad hoc, in Dialogues avec Michel Jeantin, Perspectives du droit économique, 1999, Dalloz. 411.
- 12.Les juridictions du xxie siècle, rapport à Mme la garde des Sceaux, ministre de la Justice, du groupe de travail présidé par Didier Marshall, premier président de la cour d'appel de Montpellier, décembre 2016.
13. M. Aime, Le commissaire aux comptes. Et l'état de cessation des paiements, Thèse de doctorat en droit privé sous la direction de Emmanuel Du Pontavice soutenue en 1989 à Paris 2. p. - 24
14. M. B. Salgado, Droit des entreprises en difficulté, Editions Bréal, 2007, p. -32
15. M. Caveux, Les différents mécanismes de prévention des difficultés d'entre-prise, InfoCommerce, 2010, p.-38
16. Ministère de la Justice, Les chiffres-clés de la Justice 2016
17. N. Mathey, Rupture brutale de relations commerciales établies. Revue Con-trats, concurrence, consommation, n ° 7, juillet 2014, commentaire n ° 158, p. 21 à 25, note à propos de Com. 20 mai 2014.
18. P. Cagnoli, Essai d'analyse processuelle du droit des entreprises en difficulté, L. G.D.J., 2002, p.-62
- 19.R. Perrot, Commentaire du décret n ° 2005-1678 du 28 décembre 2005. Revue Procédures, février 2006, n ° 2, étude, p. 4-11.

20. S. Lemeunier, J.-Ph. Robic, L'entrepreneur face à l'entreprise en difficulté: Guide pratique: prévention, médiation, soutien et solution, De Boeck Superi-eur, 2015, p. 52
- 21 V. Chambaud, Guide fiscal et social du créateur d'entreprise - 7e éd. Éditeur Dunod, 2013, p. -76
22. Dondokov A. Debtor's transactions to the detriment of creditors: out-of-competition contestation, Banking Review. Appendix "BankNadzor", 2016, N 1.
23. Morozov S. Methods of counteracting the withdrawal of assets of a debtor who is in bankruptcy proceedings, Legal work in a credit institution, 2018, N 2.
24. Usacheva K.A. Out-of-Competition Challenge in French Law: Before and After the Reform, Law, 2017, N 12
25. Usacheva K.A. Out-of-competition contestation of the debtor's behavior causing harm to his creditors: Russian law and European legal tradition, Bulletin of Civil Law, 2017, N 5
26. Usacheva K.A. Fundamentals of Out-of-Competition Challenge in German and Austrian Law, Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 2017, N 11
27. Shishmareva T.P. Invalidity of transactions and actions in insolvency proceedings in Russia and Germany, Statute, 2018

Уголовный процесс России – вчера и завтра

Александров А.И.

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

В статье, после краткого напоминания основных этапов становления отечественного уголовного процесса, автор излагает ключевые требования к уголовному судопроизводству завтрашнего дня, предлагает векторы его дальнейшего развития. Подчеркивая необходимость повышения правовой защищенности личности, обеспечения права обвиняемого на защиту, автор выступает за дальнейшее сокращение сферы применения особого порядка судебного разбирательства и отказ от использования «клеток» в зале судебного заседания. Поддерживая возрождение в России суда присяжных, автор критически оценивает отказ от института народных заседателей, а также от правила о непрерывности судебного разбирательства. Обращаясь к проблемам досудебного производства, он выступает против отнесения следователя к стороне обвинения и затрагивает такие дискуссионные вопросы, как появление фигуры «судебного следователя» и необходимость расширения полномочий прокурора.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; предварительное расследование; право обвиняемого на защиту

В истории уголовного процесса любой страны различимы судьбоносные вехи, предопределяющие его дальнейшее развитие на многие годы вперед. Российский уголовный процесс – не исключение; он также преодолел долгий и непростой путь от ордалий и пыток до презумпции невиновности и права обвиняемого на защиту. Обращаясь к этому условному «вчера», кратко напомним наиболее значимые моменты.

Как известно, наш уголовный процесс изначально был частно-исковым. Русская правда рассматривала преступление как «обиду», т.е. причинение вреда конкретному человеку и его роду, поэтому для начала процесса требовалось обращение к суду с их стороны. Потерпевшие и их родственники должны были сами осуществлять уголовное преследование, отыскивать преступника, собирать доказательства и поддерживать обвинение перед судом. Обвиняемый, в свою очередь, представлял доказательства своей невиновности. Судебное производство было направлено на разрешение спора частного обвинителя с обвиняемым, причем оба они именовались истцами и пользовались равными правами.

XIV-XVI века – время образования Русского централизованного государства. В этот период изменилось само понятие преступления; под ним стало пониматься не только причинение ущерба конкретному человеку, но и государству в целом. Соответственно, преследование за преступление больше не рассматривалось как личное дело пострадавшей стороны. Возник экстраординарный порядок производства, прежде всего в делах, имевших политический подтекст.

Были созданы крупные общерусские законы: Судебник 1497 года Великого князя Ивана III и Судебник 1550 года Царя Ивана IV. Развивался обвинительный процесс, однако в светской юстиции появилась и новая форма судопроизводства – розыскная. Функцию уголовного преследования и разрешения дела взяло на себя государство. Это отразилось и в терминологии: преступление при розыскной форме процесса – уже не «обида», а «лихое дело».

Постепенно «розыск» все больше заменял собой «суд», вытесняя остатки состязательного процесса. Особенно ярко эта тенденция проявилась во времена Петра I. Уголовному процессу того периода присуща ориентация на теорию формальных доказательств, когда ценность каждого их вида заранее определялась волей монарха. Самым совершенным доказательством считалось признание обвиняемым своей вины, которое могло быть получено под пыткой.

Судебная реформа 1860-х годов Александра II позволила внести коренные изменения в самые основы уголовного процесса. Реформа началась с отделения органов предварительного следствия от полиции (1860 год) и передачи следователей в судебное ведомство. Это обеспечило большую объективность досудебного производства по делу. В 1864 году были приняты Судебные уставы, призванные «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных». Безусловным достоинством реформы явилась отмена формальной теории доказательств; отныне доказательства подлежали оценке судом по его внутреннему убеждению, сложившемуся после беспристрастного исследования всех обстоятельств дела. Были учреждены суд присяжных, адвокатура, серьезно реорганизована прокуратура.

Революция октября 1917 года привела к уничтожению прежнего государственно-правового механизма. Кардинальным переменам подверглось и уголовное судопроизводство. Декрет СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 года, подписанный В.И. Лениным, упразднил все существовавшие судебные учреждения, а также институты судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры.

25 мая 1922 года принят УПК РСФСР, подробно регламентировавший порядок уголовного судопроизводства. В связи с принятием 31 октября 1922 года Положения о судостроительстве РСФСР, учредившего единую судебную систему и упразднившего революционные трибуналы, возникла необходимость в новой редакции УПК, которая принята 15 февраля 1923 года.

В середине 1930-х годов, а особенно – в 1937–1938 годах, под влиянием господствовавшей тогда теории об усилении классовой борьбы по мере развития социалистического общества были допущены грубейшие нарушения демократических правил, чем причинен серьезнейший ущерб делу соблюдения законности. В уголовно-процессуальной сфере это проявилось в допущении массовой внесудебной репрессии по делам о так называемых «политических преступлениях», в жесточайшем ограничении целого ряда гарантий по таким делам. Под эти ограничения А.Я. Вышинским была подведена теоретическая база, согласно которой по делам о государственных преступлениях главным и решающим доказательством является признание самого обвиняемого [3, с. 264].

Так, 1 декабря 1934 года было принято постановление ЦИК СССР, которым предусматривалось, что по делам о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти расследование должно заканчиваться в срок не более 10 дней, а обвинительное заключение – вручаться обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. Слушание таких дел в суде проводилось без участия сторон. Не допускалось кассационного обжалования приговоров или заявления ходатайств о помиловании, приговор о высшей мере наказания, называвшей-

ся в то время высшей мерой социальной защиты, должен был приводиться в исполнение немедленно.

Схожий характер носило и постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 года, которым были серьезно ущемлены права обвиняемых при рассмотрении судом дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. По этим делам обвинительное заключение также вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела судом, не допускалось кассационного обжалования приговоров, а сами решения о высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно по отклонению ходатайств осужденных о помиловании.

В 1950-х годах правительство провело ряд важных мероприятий по укреплению законности в стране и развитию демократических основ судопроизводства. Был устранен порядок внесудебного рассмотрения уголовных дел, ликвидировано особое совещание, проделана большая работа по пересмотру дел, рассмотренных с нарушением законности. Эта работа сопровождалась совершенствованием уголовно-процессуального законодательства – 27 октября 1960 года был принят и с 1 января 1961 года введен в действие УПК РСФСР.

Предусмотренный по нему порядок расследования и разрешения уголовных дел – «уголовный процесс М.С. Строговича» – стал ответом на массовые репрессии 1936–38 гг. и послевоенных лет. Во второй половине XX века было жизненно необходимым создать в стране порядок уголовного судопроизводства, базирующийся на таких важнейших принципах, как осуществление правосудия только судом, неприкосновенность личности, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, гласность судебного разбирательства, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Ориентация на поиск истины – вот его наиболее характерная черта!

С распадом СССР, появлением Конституции Российской Федерации нашей стране потребовалась новая существенная реформа уголовного судопроизводства. Очевидно, что признание на конституционном уровне человека, его прав и свобод высшей ценностью вывело на первый план требование серьезного повышения правовой защищенности личности при расследовании уголовных дел и их судебном разбирательстве. Ключевые идеи, предусмотренные Концепцией судебной реформы 1991 года, нашли свое воплощение в нормах УПК РФ, вступивших в силу с 01 июля 2002 года.

Однако, по нашему убеждению, действующий УПК РФ, со всеми своими достоинствами и недостатками, – уже тоже условное «вчера». Нам же следует задуматься о том, каким будет российский уголовный процесс «завтра» и «послезавтра».

Первый вопрос, который всегда возникает при оценке порядка уголовного судопроизводства в любой стране и в любую эпоху: вопрос о положении обвиняемого в уголовном процессе, предоставляемых ему гарантиях права на защиту. Еще

И.Я. Фойницкий заметил: «Построение уголовного судопроизводства стоит в тесной связи с положением личности в государстве. При абсолютизме и государственном бесправии личности обвиняемый становится предметом исследования, не имеющим прав стороны, представленным суду как материал по делу; меры судебного принуждения достигают высшего развития, личное задержание обвиняемого и пытка возводятся в общее правило. Напротив, чем свободнее личность в государстве, тем полнее обвиняемый в уголовном процессе» [12, с. 12–13].

Конечно, в новом уголовном процессе России должны быть сохранены и расширены существующие элементы права на защиту: уведомление в кратчайший срок о существовании подозрения (обвинения), возможность с самого начала уголовного преследования пользоваться услугами защитника, гарантии от самообвинения, возможность давать показания и иным путем представлять доказательства. При этом не должны повторяться нынешние просчеты и злоупотребления: «заказные» уголовные дела, необоснованное применение мер принуждения (включая самую строгую меру – заключение под стражу), предоставление услуг «карманных адвокатов» и т.п. [2].

Остановимся чуть подробнее на таком актуальном вопросе, как обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Непременным условием такого разбирательства выступает непосредственное исследование судом с участием сторон всех собранных по делу доказательств, на основе которых и может быть принято справедливое судебное решение. Однако при рассмотрении дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением никакого непосредственного исследования судом всех собранных доказательств не происходит, а это – прямой путь к судебной ошибке. Отрадно, что законодатель услышал критику ученых и правоприменителей и пошел на сокращение сферы применения особого порядка, однако сделанного по-прежнему недостаточно (например, при заключении так называемого «досудебного соглашения о сотрудничестве» обвиняемого с прокурором особый порядок судебного разбирательства сохранен даже по уголовным делам об особо тяжких преступлениях!) [9, с. 23–24].

Еще один злободневный вопрос, напрямую затрагивающий право обвиняемого на защиту: водворение подсудимых, содержащихся под стражей, в металлическую клетку во время судебного разбирательства. Человек, еще не признанный виновным, при исследовании доказательств и обсуждении вопросов, представляющих для него жизненно важный интерес, не может своевременно проконсультироваться с защитником. Не говоря уже о психологическом восприятии его составом суда и публикой как заведомого «злодея». Поэтому в Государственную Думу РФ внесен законопроект № 587542–7, которым предлагается дополнить ст. 9 УПК РФ, запретив помещать подозреваемых, обвиняемых или подсудимых в защитные кабины в

процессуальной зоне залов судебных заседаний, а также использовать иные конструкции, препятствующие общению указанных лиц с защитником.

Следующий важнейший блок вопросов, который будет нами кратко затронут, касается роли суда в завтрашнем уголовном процессе и построения судебных стадий.

Анализ последних тенденций в российском уголовном процессе позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель во многом разочаровался в модели «пассивного суда» и постепенно склоняется к наделению его достаточно обширными полномочиями. Это нашло воплощение, в частности, в предоставлении суду возможности по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления [5, с. 120]. Такая тенденция выглядит вполне оправданно, поскольку активный суд – это важнейшее условие вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора; именно такое понимание роли суда характерно для исторически гораздо более близкой нам континентальной уголовно-процессуальной модели [11, с. 13]. Как обоснованно заметил Л.В. Головкин, европейская система, в отличие от американской, признает «социальное измерение уголовной юстиции и исходит из того, что государство и его представители должны выполнять активную регулирующую функцию, поддерживая социальный баланс и позволяя сгладить, во-первых, априорное неравенство правоохранительной машины и обвиняемого, а во-вторых, иμмущественное неравенство уже самих обвиняемых, далеко не всегда способных оплачивать лучших экспертов или командировки адвокатов по стране в поисках доказательств» [4, с. 53].

Еще один важный момент: необходимость дальнейшего совершенствования форм участия граждан в отправлении правосудия. Одной из таких форм выступает возродившийся в России суд присяжных. Эта форма судопроизводства всегда вызывала дискуссии среди правоприменителей и ученых, разделяя их на два непримиримых лагеря. Являясь убежденным сторонником названного института, подчеркнем, что нам не следует его бояться, а надо воспитывать самих присяжных. Нужно способствовать росту правовой культуры населения, разъяснять важность народного участия в отправлении правосудия, привлекать к работе этого института широкие слои добропорядочных граждан нашей страны. Исполнение обязанностей присяжного заседателя должно из нежелательного бремени превратиться в по-настоящему почетную работу, надлежащее выполнение которой всячески поощряется государством и обществом. Тогда удастся устранить существующие сейчас недостатки, касающиеся, во многом, организационных моментов и объясняющиеся низким уровнем правовой культуры присяжных и низким стимулирова-

нием их участия. Следует также четко определиться с категориями преступлений, по которым возможно применение этого полезного института, а также вновь оценить количественный состав присяжных.

Сказанное, однако, не означает, что суд присяжных – единственная приемлемая форма участия населения в отправлении правосудия. Как представляется, институт народных заседателей, существовавший в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий, был слишком поспешно отвергнут в ходе судебной реформы. Необходимо вернуться к обсуждению вопроса о его возрождении.

Напомним и еще одну важнейшую норму, необоснованно, на наш взгляд, отвергнутую в ходе реформирования: правило о непрерывности судебного разбирательства, означавшее, что судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение теми же судьями других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускалось (статья 240 УПК РСФСР 1960 г.). Эта норма не просто мобилизовывала судей на скорейшее рассмотрение уголовного дела – она обеспечивала ясность и четкую последовательность восприятия судом обстоятельств уголовного дела, не рассеивала внимание судей, способствовала формированию целостной картины произошедшего. Все это было принесено в жертву мнимого ускорения параллельно ведущихся судом процессов.

Наконец, переходя к вопросам организации досудебного производства по уголовным делам, отметим, прежде всего, что следователя неправильно относить к стороне обвинения. В советские времена отмечалось, что следователь выполняет самостоятельную функцию – предварительного расследования, что психологически важно для отсутствия обвинительного уклона в его работе. Следователь (дознатель) отвечает не за «раскрываемость» преступлений, а за качество предварительного расследования, за его объективность. Он должен не только разобраться в произошедшем событии, но и, собрав достаточные доказательства и установив признаки преступления, выяснить при каких обстоятельствах оно совершено и кто именно его совершил, после чего привлечь всех виновных к уголовной ответственности, одновременно обеспечив их право на защиту, а также принять все необходимые меры для возмещение ущерба потерпевшим [1, с. 34].

Что касается возможного появления в России «судебного следователя», находящегося в составе судебного ведомства и наделенного такими полномочиями, как избрание и применение отдельных мер принуждения, производство по требованию сторон следственных действий для придания собираемым материалам статуса судебных доказательств, и т.д., то эта идея, при всей ее внешней привлекательности, не бесспорна и требует дополнительной тщательной проработки. Противники такой реформы не без оснований напоминают о

том, что построенное по подобному принципу предварительное следствие Франции подвергалось постоянной критике именно за растянутость досудебного производства и длительность сроков содержания под стражей, неспособность в полной мере гарантировать презумпцию невиновности обвиняемого и его право на защиту путем дачи показаний и вызова собственных свидетелей, недостаточное ограждение прав личности при собирании и изъятии доказательств, чрезмерную закрытость предварительного расследования (деятельности следственного судьи), допущение случаев жестокого обращения с обвиняемым и нарушения права на беспристрастный суд [7, с. 17].

Выглядят насущными многие преобразования правил производства конкретных процессуальных действий на стадии предварительного расследования, например, допущение возможности допроса свидетелей следователем с использованием видеоконференц-связи (как это уже давно и успешно применяется на судебных стадиях) [8].

Отметим также необходимость укрепления прокурорского надзора на стадии предварительного расследования. В частности, нуждается в пересмотре существующий порядок возбуждения перед судом ходатайства следователя о заключении обвиняемого под стражу и продлении сроков содержания под стражей. На это, кстати, обоснованно обращено внимание ведущими процессуалистами нашей страны [6, с. 274]. Сегодня следователь заявляет ходатайство с согласия руководителя следственного органа, а суд при этом вправе удовлетворить такое ходатайство, несмотря на позицию прокурора, возражающего против его удовлетворения. Получается парадоксальная ситуация – состязание в суде следователя с прокурором, причем финал такого состязания непредсказуем. Кроме того, при существующем порядке размывается персональная ответственность за незаконное заключение под стражу. Полагаем, что объем прав прокурора должен быть увеличен: либо за счет получения следователем его согласия на обращение в суд, либо наделения прокурора полномочием вообще самостоятельно поддерживать в суде ходатайство следователя.

В заключение подчеркнем, что любые реформы уголовного процесса будут малоэффективны при отсутствии достаточного ресурсного обеспечения правоохранительной деятельности. К этому блоку относится и четкая кадровая политика, и надлежащее материальное обеспечение, и научно-обоснованная организация труда (с расчетом оптимальной нагрузки на следователя, прокурора и судью).

Литература

1. Александров А.И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь, 2018, № 3. С. 30–35.
2. Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном

процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019, № 8. С. 15–18.

3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

4. Головкин Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 года) / под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 51–57.

5. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 116–127.

6. Кириллова Н.П. Необходимый объем полномочий прокурора при надзоре за следствием // В сборнике: Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ). Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. 2018. С. 268–278.

7. Ковтун Н.Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья, 2010, № 5. С. 15–19.

8. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видеоконференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь, 2014, № 1. С. 2–6.

9. Новиков С.А. Сокращение особого порядка судебного разбирательства: «начало движения» или «конец маршрута»? // Российский судья. 2020, № 10. С. 21–25.

11. Стойко Н.Г. Вектор развития российского уголовного процесса // В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXI международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; Ответственный редактор Н.Н. Цуканов. 2018. С. 11–13.

12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х томах, Т. 1. СПб., 1996 (по изданию СПб., 1910).

Russia's criminal trial - yesterday and tomorrow Aleksandrov A.I.

SPbSU

In the article, after a brief reminder of the main stages of the formation of the domestic criminal process, the author sets out the key requirements for the criminal proceedings of tomorrow, suggests the vectors of its further development. Stressing the need to improve legal protection of the individual, ensure the right of counsel, the author advocates for further reduction of the scope of the special proceedings and avoiding the use of "cells" in the courtroom. Supporting the revival of the jury trial in Russia, the author critically assesses the rejection of the institution of people's assessors, as well as the rule on the continuity of the trial. Turning to the problems of pre-

trial proceedings, he opposes the attribution of the investigator to the prosecution and touches on such controversial issues as the appearance of the figure of the "judicial investigator" and the need to expand the powers of the prosecutor.

Keywords: criminal procedure; trial; preliminary investigation; the right of the accused to defense

References

1. Alexandrov A.I. Preliminary investigation in the criminal process of Russia: between the past and the future // Russian Investigator, 2018, No. 3. P. 30–35.
2. Aleksandrov A.I. Ensuring the right of the accused (suspect) to defense in the criminal process of Russia: topical problems // Russian investigator. 2019, No. 8, pp. 15–18.
3. Vyshinsky A.Ya. The theory of forensic evidence in Soviet law. M., 1950.
4. Golovko L.V. Russian criminal procedure and objective truth // Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity: Collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev (St. Petersburg, 28– June 29, 2014) / ed. N.G. Steadfastly. SPb., 2015. S. 51–57.
5. Kirillova N.P., Smirnova I.G. Basic scripts of modern criminal procedure policy // All-Russian criminological journal. 2018.Vol. 12.No. 1. P. 116–127.
6. Kirillova N.P. The required scope of powers of the prosecutor in the supervision of the investigation // In the collection: Scientific School of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University: Criminal Justice of the XXI century (to the 15th anniversary of the practice of applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Edited by N.P. Kirillova, N.G. Steadfastly. 2018.S. 268–278.
7. Kovtun N.N. On the concept and content of the concept of "judicial investigator" ("investigating judge") // Russian judge, 2010, No. 5. P. 15-19.
8. Novikov S.A. Interrogation using videoconferencing systems: the future of the Russian preliminary investigation // Russian Investigator, 2014, No. 1. P. 2–6.
9. Novikov S.A. Reduction of special litigation order: "start of traffic" or "end of route"? // Russian judge. 2020, No. 10. P. 21–25.
11. Stoyko N.G. The vector of development of the Russian criminal process // In the collection: Actual problems of combating crime: theory and practice. Materials of the XXI International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Responsible editor N.N. Tsukanov. 2018.S. 11–13.
12. Foinitskiy I.Ya. Criminal Procedure Course. In 2 volumes, T. 1. SPb., 1996 (according to the publication of SPb., 1910).

Проблема исполнения решений международных судов в связи с новейшими изменениями в Конституцию РФ (уголовно-процессуальный аспект)

Алексеева Т.М.

канд. юрид. наук, Правовой департамент Министерства финансов РФ

Проблема исполнимости решений Европейского Суда по правам человека в сфере уголовного процесса, в частности, для Российской Федерации не является новой, поскольку вопрос о возобновлении производства решал и решает конкретный суд, однако сейчас ситуация усложняется, так как решения ЕСПЧ могут перестать учитываться вовсе, а данный межгосударственный институт станет просто формальностью. Требуется как можно скорее внести соответствующие изменения в УПК РФ согласно принятым поправкам в Конституцию Российской Федерации во избежание правовой неопределенности. При этом такие поправки должны быть системными и конкретными, а не касаться только общих положений УПК РФ. В настоящей статье автор рассматривает актуальную проблему исполнения решений межгосударственных инстанций в связи с внесением изменений в Конституцию РФ. Данный вопрос исследуется применительно к уголовному процессу. Автор анализируется, каким образом поправки в Конституцию могут повлиять на исполнение Россией ставших обязательными для нее решений ЕСПЧ в соответствии Конвенцией 1950 г.

Ключевые слова: Европейская конвенция, Конституция РФ, Европейский Суд, уголовный процесс, новые обстоятельства.

Согласно УПК РФ (ч. 4 ст. 413) новыми обстоятельствами для пересмотра приговора и иного судебного решения является в том числе установленное Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) по уголовным делам нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) [2], связанное с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции и иными нарушениями положений Конвенции. Такой пересмотр применительно к уголовному процессу осуществляется Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд) по представлению Председателя Верховного Суда. По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда **или** постановлением ЕСПЧ (ч. 5 ст. 415 УПК РФ).

Редакция данных положений УПК РФ осталась прежней (без учета поправок в Конституцию), при этом пояснений относительно того, как все же поступать правоприменителям с обязательной юрисдикцией ЕСПЧ, в законодательстве пока что не содержится. Здесь считаем уместным отметить, что законодателем принят 8 декабря 2020 г. Федеральный закон № 419-ФЗ, согласно которому не допускается применение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации (далее – Конституция). Вместе с тем, данные поправки не носят системный характер, не уточняют конкретные процедуры для пересмотра судебных решений.

Ст. 125 Конституции была дополнена ч. 5.1, согласно которой Конституционный Суд в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решения международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Россию, в случае если это решение противоречит *основам публичного правопорядка* Российской Федерации. Между тем, остается не ясным, *каким образом* Конституционный Суд будет определять, противоречит ли решение международного суда основам публичного правопорядка: исходя из каждого конкретного случая или он разработает определенные стандарты [1]?

В развитие указанных конституционных поправок 9 ноября 2020 г. был принят № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Фе-

дерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде»; № 5-ФКЗ), который дополнил ФКЗ «О Конституционном Суде» порядком рассмотрения дел о возможности исполнения решений международных судов. В частности, соответствии со статьей 104.7 ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции № 5-ФКЗ, Конституционный Суд разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда с точки зрения его соответствия основам конституционного строя Российской Федерации. Между тем, ни в самом ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции № 5-ФКЗ, ни в пояснительной записке к проекту № 5-ФКЗ не содержится конкретных разъяснений в части возможности (либо невозможности) исполнения решений международных судов [4].

Кроме того, на наш взгляд, требует дополнительных пояснений терминология, используемая в Конституции в новой редакции и в ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции № 5-ФКЗ, поскольку не совсем понятно, как соотносятся между собой понятия «*основы публичного правопорядка*» и «*основы конституционного строя*».

Не менее важно понимать, *какие решения* будет принимать Верховный Суд. Согласно ст. 104.5 ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции ФКЗ № 5 Верховный Суд вправе обратиться в Конституционный Суд с запросом о возможности исполнения решения международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Россию. Таким образом, какой-либо обязанности в данном случае на Верховный Суд не налагается. При отсутствии принятых и вступивших в законную силу изменений в уголовно – процессуальное законодательство Верховный Суд имеет право выбора: использовать позицию Конституционного Суда или Европейского Суда по правам человека. Однако, на наш взгляд, это не означает, что Верховный Суд не может оставить в силе обжалуемое решение вовсе.

Кроме того, поскольку согласно ст. 126 Конституции в новой редакции на уровне Основного закона страны закреплено, что Верховный Суд дает *разъяснения* по вопросам судебной практики, от самого Верховного Суда, представляется, должны последовать какие-либо разъяснения по данному вопросу. Так, Постановление Пленума Верховного Суда от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [3], на наш взгляд, в связи с принятыми изменениями в Конституцию, нуждается в актуализации.

Выводы:

1) Проблема исполнимости решений Европейского Суда по правам человека в сфере уголовного процесса, в частности, для Российской Федерации не является новой, поскольку вопрос о возобновлении производства решал и решает конкретный суд, однако сейчас ситуация усложняется, так как решения ЕСПЧ могут перестать учитываться

вовсе, а данный межгосударственный институт станет просто формальностью.

2) Требуется как можно скорее внести соответствующие изменения в УПК РФ согласно принятым поправкам в Конституцию Российской Федерации во избежание правовой неопределенности. При этом такие поправки должны быть системными и конкретными, а не касаться только общих положений УПК РФ.

Литература

1. Арановский К.В., Князев С.Д. Исполнение актов ЕСПЧ в позициях российского конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами // Закон. 2019. № 6. (документ представлен СПС «Консультант Плюс»).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) вместе с Протоколом № 1, Протоколом № 4, Протоколом № 7 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. 05.07.2013. № 145.

4. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона № 1024643–7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

The problem of execution of decisions of international courts in connection with the latest amendments to the Constitution of the Russian Federation (criminal procedure aspect)

Alexeeva T.M.

Ministry of Finance of the Russian Federation

The problem of the enforceability of decisions of the European Court of Human Rights in the field of criminal proceedings, in particular, for the Russian Federation is not new, since the issue of resuming proceedings was decided and decided by a specific court, but now the situation is getting more complicated, since decisions of the ECHR may cease to be taken into account altogether, and this an interstate institution will become just a formality. It is required to make the appropriate amendments to the RF Criminal Procedure Code as soon as possible in accordance with the adopted amendments to the Constitution of the Russian Federation in order to avoid legal uncertainty. Moreover, such amendments should be systemic and specific, and not only concern the general provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In this article, the author examines the urgent problem of the execution of decisions of interstate instances in connection with the introduction of amendments to the Constitution of the Russian Federation. This issue is being investigated in relation to the criminal procedure. The author analyzes how amendments to the Constitution can affect the implementation by Russia of the decisions of the ECtHR that have become binding on it in accordance with the 1950 Convention.

Keywords: European Convention, Constitution of the RF, European Court, criminal process, new circumstances.

References

1. Aranovskiy K.V., Knyazev S.D. Execution of ECtHR acts in the positions of Russian constitutional justice: at any cost or with nuances // *Zakon*. 2019. No. 6. (document submitted by the ATP Consultant Plus).
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on November 4, 1950) together with Protocol No. 1, Protocol No. 4, Protocol No. 7 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 2. Art. 163.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 21 "On the application by courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950, and the Protocols thereto" // *Rossiyskaya Gazeta*. 07/05/2013. No. 145.
4. Explanatory note to the draft Federal Constitutional Law No. 1024643-7 "On Amendments to the Federal Constitutional Law" On the Constitutional Court of the Russian Federation "// SPS" Consultant Plus ".

Единицы методологического анализа уголовно-процессуальной науки

Афанасьев А.Ю.

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики, Нижегородская академия МВД России

Методологию науки уголовного процесса можно представить как результат рефлексии организации собственной научной деятельности, а методологический анализ уголовно-процессуальной науки как рефлексивный анализ организационных основ существования, развития и осуществления науки уголовного процесса. Единицами методологического анализа науки уголовного процесса являются элементы характеристики, логической и временной структуры уголовно-процессуальной науки и соответствующей научной деятельности – особенности, принципы, условия, нормы; субъект, объект, предмет, формы, средства, методы деятельности, ее результат, фазы, стадии, этапы деятельности.

В настоящей статье через понимание методологии уголовно-процессуальной науки раскрываются параметры ее методологического анализа. Автором выводится, что методологический анализ уголовно-процессуальной науки есть рефлексивный анализ организационных основ существования, развития и осуществления науки уголовного процесса, а единицами такого анализа являются элементы характеристики, логической и временной структуры уголовно-процессуальной науки и соответствующей научной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная наука, методология, методологический анализ, рефлексия, объект науки, предмет науки

Общепринято считать, что методология – это либо совокупность методов, либо учение о методах, либо система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности. На это указывают и словари, и доктринальные источники. Например, в философском словаре М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина методология трактуется как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке, а также как учение о методах научного познания и преобразования мира [18, с. 268]. На такое же значение ссылаются в философском словаре И.Т. Фролова [19, с. 329]. В толковом словаре С.И. Ожегова под методологией понимается учение о научном методе вообще или о методах отдельных наук [9, с. 292].

Судя по имеющимся научным разработкам именно такое понимание перенеслось и в различные отрасли науки, хотя зачастую смысл методологии сводится лишь к совокупности методов исследования. На наш взгляд, наиболее верное толкование кроется в предложении методологии в качестве учения об организации деятельности [8, с. 20] или хотя бы программы деятельности [10, с. 51, 64]. В нашем случае речь, разумеется, ведется о научной деятельности и ее методологии. К сожалению, с подобной методологической точки зрения наука уголовного процесса практически не исследовалась. Так сложилось, если процессуалисты используют понятие «методология» в связке с уголовно-процессуальной наукой, они говорят только о ее методах [5, с. 54–60]. В этой статье в продолжении к предыдущим авторским разработкам попытаемся отразить единицы методологического анализа науки уголовного процесса.

При первом приближении можно предположить, что речь может идти о критериях, которым должна соответствовать область знаний для признания ее наукой. К ним обычно относят: собственный предмет изучения, не совпадающий с предметом других наук; наличие специфических методов; особая форма практической реализации знания; специфический категориальный аппарат и язык [6]. В то же время есть требования и к самому научному знанию – оно должно быть сформированным на основе фактов, развивающимся, логически доказуемым, эмпирически проверяемым, системным, непротиворечивым, общезначимым знанием в форме восприятий, представлений, понятий, суждений, гипотез, теорий, приближающихся к адекватному (истинному) отражению сущности познаваемых объектов [6]. Здесь читатель может возразить, указав на то, что критерии (требования) и единицы методологического анализа это вряд ли

одно и то же. И будет прав. Однако лишь отчасти. Действительно, это понятия не одного порядка и они вовсе не тождественны. Но учитывая специфический предмет исследования – уголовно-процессуальную науку – такие выводы могут оказаться поспешными. Единицы методологического анализа науки уголовного процесса кроются, на наш взгляд, именно в тех ее частях, которые сохраняют ее свойства и позволяют ее характеризовать как науку. Можно предположить, что лучше, чем через объект, предмет, методы науки этого не выполнить. Тем самым, определив их, мы устанавливаем не только научность области знаний, но и даем ей характеристику и методологическую основу.

Например, объектом уголовно-процессуальной науки признают: некоторый фрагмент философской «картины мира» [16, с. 6]; уголовно-процессуальные нормы и практика их применения, то есть уголовно-процессуальная деятельность [13, с. 20–21], [12, с. 12–13], а к предмету относят: уголовно-процессуальная деятельность [4, с. 176]; свойства уголовного судопроизводства, его связи, закономерности возникновения, функционирования и развития как социально-правового явления [13, с. 20–21], [12, с. 12–13]; нормы уголовно-процессуального права; саму деятельность суда, прокуратуры и органов следствия; уголовно-процессуальные отношения [14, с. 75] и т.д. Как можно заметить в предложенные варианты не только разнородны, но и противоречивы. Нет единства и в понимании методов уголовно-процессуальной науки [7, с. 12].

В подобных условиях вряд ли можно заявить, что такое разнородное понимание объекта, предмета и методов науки уголовного процесса позволит говорить о возможности полноценного методологического анализа, хотя в рамках такого анализа они и могут быть установлены. По крайней мере, таких единиц для методологического анализа становится явно недостаточно.

Что же еще можно отнести к единицам методологического анализа? Вероятно, в качестве таковых можно обозначить те параметры, по которым происходило и происходит описание науки уголовного процесса. Здесь можно обозначить: составные, главные части теории уголовного судопроизводства [2, с. 54], [11, с. 67], части науки уголовного судопроизводства [11, с. 67], систему уголовно-процессуальной науки [4, с. 33] [15, с. 16], ее функции [2, с. 54–55] [16, с. 6] [4, с. 34], задачи [20, с. 1–2], источники [16, с. 7–8], а также содержание [4 с. 18] [17, с. 25]. С таким подходом, по всей видимости, получится очередной учебник по уголовному процессу, которых в настоящее время скопилось немало количество. А это явно противоречит замыслу статьи и всего методологического анализа. Не исключая предложенные варианты из перечня возможных единиц анализа, обратим внимание на следующие моменты, раскрывающие сущность методологии науки.

В свое время известный отечественный методолог Г.П. Щедровицкий в одной из своих работ

привел весьма значимые и тонкие мысли о методологии: «...чтобы строить научный предмет, нужно прежде всего организовать деятельность по его строительству, а это значит – создать для нее определенные средства и метод, сорганизовать их в определенный «аппарат». Во всяком случае, если мы не имеем такого аппарата заранее, то придется его создавать в ходе самой работы... мы стали создавать некий «организм» самой работы, стали насыщать его необходимыми средствами и «машинами». И это была по природе своей методологическая работа» [21, с. 21]. И далее относительно собственного опыта изучения методологии указал: «Мы не только и не столько разрабатывали ее (методологию – А.А.) научным образом, сколько творили в своей живой работе, а затем осознавали, рефлексировали свою работу и таким образом получали знания о методологической работе и методологии не путем изучения противопоставленного нам объекта, а путем рефлексивного анализа и нормирования своей собственной деятельности» [21, с. 22]. Полагаем, что в этих предложениях заложен глубинный смысл методологии науки – методологию науки мы создаем сами в процессе научных исследований. Тем самым, методологию науки можно представить как результат рефлексии организации собственной научной деятельности. Следовательно, методологический анализ науки есть рефлексивный анализ организационных основ существования, развития и осуществления науки. В подобном ключе становится весьма верным представление методологии через призму организации деятельности.

«Организовать деятельность, – как отмечают А.М. Новиков и Д.А. Новиков, – означает упорядочить ее в целостную систему с четко определенными характеристиками, логической структурой и процессом ее осуществления – временной структурой...» [8, с. 24]. При этом характеристике относятся особенности, принципы, условия, нормы; логическая структура включает в себя: субъект, объект, предмет, формы, средства, методы деятельности, ее результат; к временной структуре относятся фазы, стадии, этапы деятельности [8, с. 24]. Тем самым, для проведения методологического анализа уголовно-процессуальной науки требуется выявить ее характеристики, а также элементы логической и временной структуры и исследовать их.

Наш взгляд, указанная «схема методологии» представляет возможным рефлексировать научную деятельность. На примере логической структуры это видно более отчетливо: мы должны выявить, кто исследует уголовно-процессуальную науку (субъекты – лица, обнаружившие научную проблему), что они исследуют (объект) и какие закономерности (предмет), в каких формах и с использованием каких средств и методов, а также чего они достигают (результат). Все, разумеется, распространяется в определенные временные рамки – фазы, стадии и этапы становления развития науки, а также проведения отдельных научных исследований. Тем самым, ядром методологического анализа может выступить именно логическая

структура науки уголовного процесса, на которую накладываются ее фазы, стадии и этапы. Наша задача заключается в том, чтобы мы, как процессуалисты, провели своего рода ревизию собственной уголовно-процессуальной науки, сформировали взгляд со стороны на то, что в ней происходит. Следовательно, единицами методологического анализа являются элементы характеристики, логической и временной структуры науки и научной деятельности.

Таким образом, по итогам статьи можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, методологию науки уголовного процесса можно представить как результат рефлексии организации собственной научной деятельности, а методологический анализ уголовно-процессуальной науки как рефлексивный анализ организационных основ существования, развития и осуществления науки уголовного процесса.

Во-вторых, единицами методологического анализа науки уголовного процесса являются элементы характеристики, логической и временной структуры уголовно-процессуальной науки и соответствующей научной деятельности – особенности, принципы, условия, нормы; субъект, объект, предмет, формы, средства, методы деятельности, ее результат; фазы, стадии, этапы деятельности.

Литература

1. Адаменко Е.Н. Уголовно-процессуальная деятельность как предмет науки уголовного процесса // Общество и право. 2014. № 2.

2. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841.

3. Винокуров Л.В. Процессуальные основы взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и суда на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

4. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учеб. М., 2005.

5. Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9.

6. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Критерии в системе научного знания // Гуманитарный вестник. 2016. №2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-v-sisteme-nauchnogo-znaniya> (дата обращения: 15.12.2020).

7. Коломеец Е.В. Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

8. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИН-ТЕГ, 2007.

9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010.

10. Педагогика и логика. М., 1992.

11. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 2-е изд. изм. и доп. Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного склада, 1914.

12. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008.

13. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005.

14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Изд-во «Наука», 1968.

15. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2009.

16. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошляков, В.С. Балакина, Ю.В. Козубенко. М.: Волтерс Клувер, 2011.

17. Уголовный процесс: учебник для СПО / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016.

18. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.

19. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Издательство политической литературы, 1963.

20. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. 4-е изд. Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1.

21. Щедровицкий Г.П. Мышление-Понимание-Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.

Units of methodological analysis of criminal procedure science

Afanasyev A.Yu.

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

The methodology of the science of criminal procedure can be presented as a result of reflection on the organization of one's own scientific activity, and the methodological analysis of criminal procedure science as a reflective analysis of the organizational foundations of the existence, development and implementation of the science of criminal procedure. The units of the methodological analysis of the science of criminal procedure are the elements of the characteristics, logical and temporal structure of criminal procedural science and the corresponding scientific activity - features, principles, conditions, norms; subject, object, object, forms, means, methods of activity, its result, phases, stages, stages of activity.

In this article, through understanding the methodology of criminal procedural science, the parameters of its methodological analysis are revealed. The author concludes that the methodological analysis of criminal procedural science is a reflexive analysis of the organizational foundations of the existence, development and implementation of the science of criminal procedure, and the units of such analysis are the elements of the characteristics, logical and temporal structure of criminal procedural science and the corresponding scientific activity.

Keywords: criminal procedure science, methodology, methodological analysis, reflection, object of science, subject of science

References

1. Adamenko E.N. Criminal procedural activity as a subject of the science of criminal procedure // *Society and law*. 2014. No. 2.
2. Barshev Ya.I. Grounds for criminal proceedings applied to Russian criminal proceedings. St. Petersburg: Printing House of the II Branch of the Own E.I.V. Chancery, 1841.
3. Vinokurov L.V. Procedural foundations of the relationship of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution and the court at the stage of preliminary investigation: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2019.
4. Grigoriev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. Criminal procedure: textbook. M., 2005.
5. Grinenko A.V. Methodology of criminal procedural science // *State and law*. 2003. No. 9.
6. Gubanov N.N., Gubanov N.I. Criteria in the system of scientific knowledge // *Humanitarian Bulletin*. 2016. No. 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-v-sisteme-nauchnogo-znaniya> (date accessed: 15.12).
7. Kolomeets E.V. The use by the prosecutor of the means of response in pre-trial proceedings: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2019.
8. Novikov A.M., Novikov D.A. Methodology. M.: SIN-TEG, 2007.
9. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: Ok. 100 000 words, terms and phraseological expressions / S.I. Ozhegov; Ed. prof. L.I. Skvortsova. 26th ed., Rev. and add. M.: Onyx Publishing House: Mir and Education Publishing House, 2010.
10. Pedagogy and logic. M., 1992.
11. Rozin N.N. Criminal proceedings. 2nd ed. rev. and add. St. Petersburg: Publishing of the Legal Book Warehouse, 1914.
12. Smirnov A.V. Criminal process: textbook / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskiy; under total. ed. prof. A.V. Smirnov. 4th ed., Rev. and add. M.: KNORUS, 2008.
13. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Criminal process. SPb.: Peter, 2005.
14. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal procedure. Volume 1: The main provisions of the science of the Soviet criminal procedure. M.: Publishing house "Science", 1968.
15. Criminal procedure: textbook / otv. ed. A.V. Grinenko. 2nd ed., Rev. M.: Norma, 2009.
16. Criminal process: textbook / ed. HELL. Proshlyakov, V.S. Balakshina, Yu.V. Kozubenko. M.: Walters Kluver, 2011.
17. Criminal process: textbook for STR / ed. B. B. Bulatova, A.M. Baranova. 5th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2016.
18. Philosophical Dictionary / ed. I.T. Frolov. 7th ed., Rev. and add. M.: Republic, 2001.
19. Philosophical Dictionary / Ed. M.M. Rosenthal and P.F. Yudin. M.: Publishing house of political literature, 1963.
20. Foinitskiy I.Ya. The course of criminal proceedings. In 2 volumes, 4th ed. St. Petersburg: Printing House of the "Public Benefit", 1912. Vol. 1.
21. Shchedrovitskiy G.P. Thinking-Understanding-Reflection. M.: Heritage MMK, 2005.

Новый УПК РФ: современные реалии или фантом

Гаврилов Борис Яковлевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, Академия управления МВД России

С учетом предложенного в октябре 2020 года Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», которым предусмотрен перевод более чем 100 составов переселений в уголовные проступки, чем соответственно будет в значительной мере будет снижен в отношении российских граждан уровень уголовной репрессии.

В статье автором подвергнуто исследованию современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства и его такие конкретные процессуальные институты как возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения и ряд других, дается их оценка с позиции правоприменительной практики и приводится авторское видение реформирования процессуальных правил осуществления предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки, предъявление обвинения, следователь, дознаватель, прокурор.

В качестве первоочередной задачи при построении новой модели УПК РФ следует обозначить преодоление сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и воспроизведенных УПК РФ таких категорий как заформализованность и забюрократизированность российского уголовно-процессуального закона. Прямым следствием этого является низкая эффективность досудебного производства, поскольку количество направленных, например, следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных за два последних десятилетия значительно сократилось (с 36 % в 1991 г. до 22 % в 2020 г.) [4, С. 98–102].

Свидетельством заформализованности уголовного процесса служит приговор в отношении Зелепухина В.В., который 23.08.2015 в 15 час. 30 мин., будучи в состоянии опьянения, путем разбития оконного стекла в присутствии проходившего мимо гр. К. похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги, (все, что смог пьяный унести) стоимостью 197 руб.45 коп. и был осужден по ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы. Расследование и судебное разбирательство по уголовному делу осуществлялось почти 5 месяцев, в течение которых он содержался под стражей. По делу проведена судебно-товароведческая экспертиза по оценке похищенного. Содержание приговора изложено на 14 страницах формата А4 [18]. По самой минимальной оценке на данный судебный процесс затрачено не менее 0,5 млн. руб., включая содержание данного лица под стражей, затраты на экспертизу, заработную плату следователя, прокурора и судьи.

Здесь следует учитывать, что, несмотря на многочисленные судебные реформы, проводимые в последние двести лет, следственная власть, следственный уголовный процесс остаются, основами правовой организации противодействия преступности. Не могли изменить этого коренного порока отечественной правовой модели, как утверждает профессор А.С. Александров [1, С. 7–10], еще более частые преобразования самих следственных органов, их отношений с прокуратурой.

В определенной степени с этим утверждением безусловно следовало бы согласиться, если бы:

- во-первых, к этому была готова судебная система;
- во-вторых, в условиях России такие революционные преобразования способны только разрушить систему предварительного расследования, без которого судебная система останется «без работы»;
- в-третьих, в современных условиях представляется целесообразным последовательные

шаги законодателя по преодолению имеющихся реальных с точки зрения правоприменителей проблем действующего УПК;

- в-четвертых, говоря о несовершенстве законодательства, следует обратиться и к мнению профессора В.Т. Томина, который в своей книге «Уголовное судопроизводство: революция продолжается» [20, 112 с.] написал, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо – первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности».

Необходимость совершенствования уголовно – процессуального законодательства обусловлена, в первую очередь, тем, что эффективность в целом уголовного судопроизводства как с точки зрения практикующего юриста – следователя, так и представителя научного сообщества не соответствует требованиям сегодняшнего, что подтверждается приведенными далее в статье статистическими данными о состоянии законности и качестве расследования уголовных дел, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его основных институтов. При этом, учитывается, что определяющим здесь является обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В этой связи, в качестве первоочередной задачи, как отмечено выше, видится необходимость «слома» сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и перешедших в УПК РФ заформализованности и бюрократизированности российского уголовного судопроизводства и особенно его досудебной части.

Среди причин снижения эффективности досудебного производства автор выделяет и внесенные за почти 19 лет действия УПК РФ более чем 260-ю федеральными законами изменения, часть из которых носила несистемный характер, а отдельные из них противоречили идеологическим основам принятого в 2001 г. нового российского УПК. Но вместе с тем большинство из них обуславливалось потребностями правоприменительной практики.

Негативное влияние на эти процессы оказали и компромиссные решения законодателя при подготовке УПК РФ ко второму чтению при одновременном отказе от предлагаемых автором мер по реформированию его отдельных процессуальных институтов, что законодателю пришлось восполнять в последующие годы, а также имевшие место после принятия УПК контрреформы его отдельных институтов [2, С. 74–82].

Одновременно, говоря о внесенных в УПК РФ многочисленных изменениях, следует указать, что абсолютное большинство из них было обусловлено тем, что:

- они явились результатом введения вновь или совершенствования ряда институтов действующего УПК РФ. Так, Федеральным законом от 05.06.2007 №87-ФЗ [9] следователи были из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета Российской Федерации, а для реализации

данных изменений законодатель передал руководителю следственного органа полномочия по процессуальному руководству следователями с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции за их деятельностью. Далее, законодателем в УПК РФ в качестве участников уголовного процесса были введены начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, а также включен институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Существенные изменения в УПК РФ были внесены Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [10], которым значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении; в досудебное производство введены сокращенная форма дознания, а Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в связи с необходимостью реализации решений Европейского суда по правам человека по делу «Бурдов» и «Бурдов 2 против Российской Федерации» в УПК включена норма-принцип – ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» в которую в последующие годы были внесены изменения еще 4-мя Федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков и ряд других нововведений [14];

- вместе с тем, отдельные нормы УПК РФ содержали положения УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., не отвечающие современным потребностям;

- одновременно, как отмечено выше, ряд норм принятого УПК РФ явились результатом компромисса между представителями правоохранительных органов, с одной стороны, научного сообщества совместно с законодателем, с другой стороны. К ним следует отнести переходные положения, предусматривающие сохранение за прокурором до 1 января 2004 года [11] права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также на продление срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей [12]. Последнее послужило для Конституционного Суда РФ основанием для принятия Постановления от 14.03.2002 №6-П [17] о признании не соответствующим Конституции Российской Федерации положений уголовно – процессуального закона о санкционировании прокурором заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, что потребовало от законодателя внесения в УПК до вступления его в действие первых изменений, предусматривающих ограничение прав и свобод участников уголовного процесса исключительно по судебному решению и др. [13].

С учетом этого позиция автора заключается в предложениях по обсуждению в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя выработанных предложений, предусматривающих пересмотр отдельных процессуальных институтов. Эти изменения, по нашему мнению, должны быть направлены на:

- пересмотр положений ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия в силу их противоречия норме – принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания поста-

новления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11-П, не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Тем более, что сама эта норма «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г.;

- увеличение первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из содержания ч.1 и ч.1¹ ст.221 УПК РФ входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ (например, по УПК Италии первоначальный срок ареста составляет 6 месяцев) с возможностью еще сокращения по обращению прокурора или стороны защиты;

- принципиальный пересмотр процессуальных правил, регламентирующих институт предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. В этой связи следует учитывать, что с принятием Федерального закона от 04.03.2013 №23-ФЗ [10] участие адвоката-защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то есть когда уголовное дело еще не возбуждено. Более того, анализ действующих норм УПК РФ позволяет утверждать, что сегодня фактически нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела. Существенным аргументом за исключение института предъявления обвинения является и то, что в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения. Не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [5, С. 65–73]. В большинстве государств Европы, а сегодня и ряде государств бывшего постсоветского пространства данный институт отсутствует, поскольку с позиции Европейского Суда по правам человека обвинение это есть обоснованное подозрение [19];

- введение взамен сокращенного дознания протокольной формы предварительного расследования в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признали им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования, по мнению автора, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела, также предлагается законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий при производстве дознания в протокольной форме допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица по основаниям, предусмотренным ст. ст. 91–92 УПК РФ на срок до 48 часов, в течение которых расследова-

ние должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд с учетом положений п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ суд продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых осуществляется судебное разбирательство. Например, в Германии срок расследования и судебного разбирательства такого уголовного дела составляет сутки, а в Италии – 2 суток с возможным назначением наказания до 5 лет лишения свободы.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с совершенствованием досудебного производства, автору видятся следующие:

- с одной стороны, не вызывает сомнений обоснованность реформирования Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ досудебного производства [6], о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод о более высоком:

а) уровне процессуального контроля (табл. 1):

Таблица 1

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
2018	405 – 1,2	158	591 – 5,5	271
2019	412 – 1,3	142	629 (+5,6)	303
2020	376 – 1,3	151	513 – 5,3	220

б) и, одновременно, об усилении надзорной деятельности прокурора к качеству расследования, что обеспечило многократное сокращение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст.237 УПК РФ [7, С. 27–31] (табл. 2):

Таблица 2

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2018	17791	5,6	3569	3,6	6468	4668 – 1,1%
2019	18543	6,3	3374	3,6	6466	4417 – 1,0%
2020	17663	6,3	1902	2,0	6021	4166 – 1,1 %

- с другой стороны, необходимость исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн.) на протяжении последних 15-ти лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн. (в 2015 г.) количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [3, С. 74–78] (табл. 3).

Таблица 3

	2006	2015	2017	2019	2020
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	12,2	10,3	9,9	9,3
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,89	1,78	1,7	1,7
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,5	16,8	17,1	18,4
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,8	6,3	6,0	5,5

Исключение ст. ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации [15] и позиции Верховного Суда Российской Федерации [8, С. 20–22] складывающейся судебной практикой возбуждения уголовных дел, которая противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении уголовного дела.

Относительно возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела.

Для разрешения этой проблемы необходимо изменить редакцию пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ, установив, что «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3–6).

В качестве самостоятельного прокуратурой выдвигается требование о возвращении прокурору полномочий по согласованию обращений следователей в суд о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу, поскольку передача этой функции руководителю следственного органа повлекла, по мнению прокуратуры, рост нарушений законности. По мнению автора, о необоснованности этих требований можно судить через приведенные статистические данные о числе заключенных под стражу граждан. (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о числе заключенных под стражу подозреваемых, обвиняемых по ходатайствам следователя, дознавателя (за 2005–2008 гг., 2016–2020 гг.)

	2005	2007	2008	2016	2019	2020
Следователями прокуратуры	52026	—	—	—	—	—
Следователями при прокуратуре	—	39586	36112	—	—	—
Следователями СК РФ	—	—	—	23613	19409	18938
Следователями ОВД	141174	128709	122671	75422	60118	53185
Дознавателями ОВД	28889	21666	16922	6796	4902	4043

Кроме того, в числе аргументов за возвращение прокурору полномочий по процессуальному руководству следователями представители научной общественности выдвигают тезис о том, что как следователи органов внутренних дел, так и Следственного комитета, нередко игнорируют требования прокуроров, заявленными в соответствии п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия.

Однако по данным Генпрокуратуры России (отчет по форме 555) в 2017–2020 гг. прокурорами в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлено следователям Следственного комитета РФ от 42 тыс. до 46 тыс. требований, из которых было удовлетворено 97–98 % этих требований. Из выявленных прокурорами от 105 тыс. до 125 тыс. за этот же период нарушений федерального законодательства по уголовным делам, расследованным следователями органов внутренних дел, удовлетворено 99 % требований прокуроров об их устранении. По органам дознания в системе МВД России удовлетворено более 99 % таких требований.

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Задача сегодня состоит в разработке такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Осуществляемые в последние годы Российской Федерацией законодательные меры по дальнейшей гуманизации уголовного законодательства, включая принятие федеральных законов от 03.07.2016 г. в части либерализации уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, не представляющих с позиции государства опасности, требуют соответственно переоценки уже действующих и создания новых уголовно-правовых институтов, удовлетворяющих требованиям современного развития общественных отношений.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, комментируя указание закона в части декриминализации краж чужого имущества без квалифицирующих признаков с размером ущерба до 2 500 руб. (ч. 1 ст. 158 УК РФ), части побоев (ст. 116 УК РФ), фактов уклонения от уплаты «алиментов» (ст. 157 УК РФ), отметил, что данные законодательные новеллы (их инициатором был Верховный Суд РФ – выделено автором) требуют законодательного продолжения. Поэтому в Уголовный кодекс Российской Федерации предлагается ввести «уголовно-наказуемый проступок», который является новым элементом в российской уголовно-правовой политике. Данное обстоятельство, по мнению автора, следует учитывать и законодателю в случае реализации пред-

ставленного А.Л. Кудриным 5 апреля 2017 года на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ проекта Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовной политики [16], о чем автор ранее высказывался.

Соглашаясь с позицией В.М. Лебедева, автор отмечает необходимость возвращения в уголовный закон уголовного проступка, обращаясь в этой связи к позиции таких ученых, как Э.П. Григонис, С.Г. Келина, С.В. Максимов, Е.В. Рогова, В.Ф. Цепелев, Н.С. Щедрин и др., а также практикующих юристов (В.В. Гордиенко, Ю.В. Торопин, Б.Я. Гаврилов и др.), предлагающих в своих публикациях дифференцировать уголовно-наказуемые деяния в зависимости от их тяжести путем градации на преступления и уголовные проступки. Реализация этих мер призвана обеспечить реальную, в отличие от настоящей формальной, правовую оценку с учетом степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего.

При этом следует отметить, что С.Г. Келиной, Г.А. Кригером, Н.Ф. Кузнецовой, М.Д. Шаргородским и рядом других ученых идея выделения в законодательстве уголовных проступков высказывалась еще до принятия в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Вместе с тем существуют и иные точки зрения. Например, профессор Л.В. Головкин обосновывает позицию об отсутствии в России должных правовых оснований для этих изменений. Аналогичную точку зрения высказывает и А.А. Толкаченко (заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке), отмечая, что «в современных условиях введение уголовного проступка ... и судопроизводство по нему не способны сами по себе оказать принципиально-го влияния на уголовную политику».

Появление сегодня уголовного проступка в законодательстве уголовно-правового комплекса призвано соответствовать политике России о гуманизации не только уголовного закона, но и уголовно-процессуального закона, поскольку для их расследования и должна применяться протокольная форма расследования и, соответственно, отвечает требованиям социально-ориентированного государства о либерализации уголовной ответственности, в том числе снижении «уровня уголовной репрессии».

В качестве аргументов за введение уголовного проступка автор обращается к социальным проблемам его законодательного закрепления, что отражено в публикациях приведенных выше авторов, а также в точке зрения на эту проблему Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева.

Необходимость возвращения в современное российское законодательство уголовного проступка автор аргументирует, во-первых, высоким уровнем показателя осужденных лиц, что обусловлено перенасыщенностью в действующем УК РФ уголовно-правовых запретов. Как негативные последствия этого следует указать, что в 1992–2001 гг. ежегодно в суд направлялись уголовные дела в

отношении более 1,5 млн. граждан, к 2008 г. их число уменьшилось до 1,2 млн. человек, и за 2020 г. их число, хотя и сократилось до 751 тыс., однако криминализация общества остается значительной, о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные (табл. 5), отражающие число обвиняемых по направленным в суд уголовным делам за 1999–2020 гг.

Таблица 5
Сведения о числе граждан, привлеченных к уголовной ответственности

Период	1999	2008	2010	2013	2014	2015	2019	2020
Число обвиняемых (тыс.)	1553,0	1210,0	999,5	881,5	859,5	884,6	789,0	751,0

С учетом предложенного в октябре 2020 года Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», которым предусмотрен перевод более чем 100 составов переселений в уголовные проступки, чем соответственно будет в значительной мере будет снижен в отношении российских граждан уровень уголовной репрессии. Дело за российским законодателем.

Литература

1. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. № 5(5). – С. 7–10.
2. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / Б.Я. Гаврилов, В.П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74–82.
3. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.
4. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 98–102.
5. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 65–73.
6. Гаврилов Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. №1. 2018. С. 37–41; он же. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования

ния // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18–25; он же. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 19–26.

7. Гаврилов Б.Я. Проблемы уголовно-процессуальной регламентации современного досудебного производства: мифы законодателя и реалии правоприменения // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции. – Симферополь: Ариал, 2019. – С. 27–31.

8. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–22.

9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007г. № 87 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 24. Ст. 28–30.

10. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2013. №. 9.С. 875.

11. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательств Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.

12. О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.

13. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

14. О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [электронный ресурс]: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

16. Парламентские слушания по вопросам развития уголовного законодательства [электронный ресурс] // URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/79098/.

17. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу

о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов».

18. Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1–1/2016 1–124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1–1/2016 [электронный ресурс] // режим доступа: URL: <https://sudact.ru/>.

19. Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, – 2000.

20. Уголовное судопроизводство: революция продолжается / Томин В.Т. – Горький, 1989. – 112 с.

New Criminal Procedure Code of the Russian Federation: modern realities or a phantom **Gavrilov B.Ya.**

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Taking into account the proposed in October 2020 by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, a draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a criminal offense" was introduced, which provides for the transfer of more than 100 compositions of resettlement to criminal offenses, which, accordingly, will significantly reduce the level of criminal repression in relation to Russian citizens.

In the article, the author examines the current state of Russian criminal procedural legislation and its specific procedural institutions such as the initiation of a criminal case, procedural terms of investigation, indictment and a number of others, assesses them from the standpoint of law enforcement practice and provides the author's vision of reforming the procedural rules for the preliminary investigation ...

Keywords: criminal process, initiation of a criminal case, procedural terms, indictment, investigator, interrogator, prosecutor. Keywords: criminal proceedings, initiation of criminal case, procedural time, charges, investigator, investigator, prosecutor.

References

1. Alexandrov A.S. On the doctrinal model of the criminal procedural evidence law of Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Legal Academy. - 2015. No. 5 (5). - S. 7-10.
2. Bozhiev V.P., Gavrilov B.Ya. The concept of improving pre-trial proceedings in the XXI century: opinion of science and practice / B.Ya. Gavrilov, V.P. Bozhiev // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 2 (38). - S. 74–82.
3. Bozhiev V.P., Gavrilov B.Ya. Does the refusal to initiate a criminal case correspond to the ideology of modern criminal law policy in Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 2 (78). - S. 74–78.
4. Gavrilov B.Ya. Does modern pre-trial production meet the realities of fighting crime? // Academic thought. - 2019. - No. 3 (8). - S. 98-102.
5. Gavrilov B.Ya. Modern pre-trial proceedings: the scientist's vision and practice // Topical issues of the preliminary investigation: theory and practice: collection

- of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference on April 11, 2019 - M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2019. - pp. 65–73.
6. Gavrilov B.Ya. Doctrine of pre-trial proceedings: present and future // Russian justice. # 1. 2018.S. 37–41; he is. Pre-trial proceedings under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the concept of improvement // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2016. –No. 1. - P. 18–25; he is. The effectiveness of pre-trial proceedings // Criminal proceedings. - 2017. - No. 2. - P. 19–26.
 7. Gavrilov B.Ya. Problems of criminal procedural regulation of modern pre-trial proceedings: the myths of the legislator and the realities of law enforcement // Problems of obtaining and using evidence and forensically significant information: materials of the International Scientific and Practical Conference. - Simferopol: Arial, 2019. - pp. 27–31.
 8. Kozhokar V.V. Initiation of a criminal case: the legal position of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2015. - No. 1. - P. 20–22.
 9. On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation": Federal Law of 05.06.2007. No. 87 - FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 24. Art. 28-30.
 10. On amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law dated 04.03.2013 No. 23-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. no. 9.S. 875.
 11. On the enactment of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001, No. 177-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Part 1. Art. 4924.
 12. On amendments to Article 97 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR: Federal Law of December 29, 2001, No. 183-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 53. Art. 5019.
 13. On amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of May 29, 2002, No. 58-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 22. Art. 2027.
 14. On compensation for violation of the right to a reasonable period of legal proceedings or the right to execute a judicial act within a reasonable time": Federal Law of 30.04.2010, No. 69-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 18. Art. 2145.
 15. About refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Lazaryants Andrey Emmanuilovich on violation of his constitutional rights by Articles 241 and 242 of the Criminal Code of the Russian Federation, part one of Article 46, Articles 57, 80, part one of Article 108, Articles 171, 172 and 195 of the procedural code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2006, No. 343-O // [electronic resource]: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.
 16. Parliamentary hearings on the development of criminal legislation [electronic resource] // URL: http://council.gov.ru/events/main_themes / 79098 /.
 17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 14, 2002 No. 6-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 90, 96, 122 and 216 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with complaints from citizens S.S. Martynov and S.V. Pustovalov".
 18. The verdict of the Bogoroditsky District Court of the Tula Region No. 1-1 / 2016 1-124 / 2015 dated January 18, 2016 in case No. 1-1 / 2016 [electronic resource] // access mode: URL: <https://sudact.ru/>.
 19. Decision of 15.08.1982 in the case "Eckle v. Federal Republic of Germany" (application No. 8130/78) // European Court of Human Rights. Selected solutions: In 2 volumes.M.: Norma, - 2000.
 20. Criminal proceedings: the revolution continues / Tomin V.T. - Gorky, 1989. -- 112 p.

Законодательная регламентация мер уголовно-правового характера в Российской Федерации и Евросоюзе: сравнительно-правовой анализ

Морозов А.Ю.

канд. юрид. наук, доцент Ставропольского института кооперации (филиала) БУКЭП

Ступницкий А.И.

канд. социол. наук, доцент Ставропольского института кооперации (филиала) БУКЭП

Сравнительный анализ института мер уголовно-правового характера в российском и зарубежном законодательстве позволяет утверждать, что в Российской Федерации на сегодняшний день он недостаточно проработан и существует в урезанном виде, включая в себя только принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. Вместе с тем, общим недостатком как для России, так и для многих других стран, является отсутствие универсальной законодательной дефиниции мер уголовно-правового характера. Такая дефиниция должна быть сформулирована непосредственно в уголовном законе - для чего необходимо введение в Раздел VI Уголовного кодекса РФ 1996 г. специальной нормы – определения. В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ правового регулирования института мер уголовно-правового характера в законодательстве Российской Федерации и европейских стран.

Ключевые слова: регламентация мер уголовно-правового характера, сравнительно-правовой анализ, уголовное право

Российский законодатель в ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. указывает, что реакцией государства на совершение лицом преступления является назначение ему наказания *и иных мер уголовно-правового характера*. В связи с чем, как отмечается в литературе «...следует признать, что перед уголовным законодательством стоит ряд задач, для решения которых наказание не предназначено, и требуется применение дополнительных или альтернативных мер» [1, с. 93].

К настоящему моменту стала практически общепризнанной точка зрения, что уголовное законодательство любого государства для реализации своих охранительных и превентивных задач может и должно предусматривать, наряду с наказанием, некоторые другие (некарательные) меры уголовно-правового воздействия.

В современном уголовном праве не существует сколько-нибудь единого подхода к понятию мер уголовно-правового характера, их системы и состава, целей и порядка применения. В каждой стране законодатель решает эти задачи по-своему. В нормативных актах и юридической литературе различных государств они, как правило, именуются «мерами безопасности», «превентивными мерами», «мерами исправления», «иными мерами уголовно-правового характера» и т.п. В некоторых странах, указанные меры выведены за рамки уголовного права и регламентируются нормами иных отраслей законодательства (чаще всего, уголовно-процессуального или административного). Также, принимаются и специальные законы, посвященные регулированию применения отдельных видов подобных уголовно-правовых мер (особенно в странах, относящихся к англо-американской правовой семье). Но все же, обычно, институт мер уголовно-правового характера закрепляется в кодифицированном уголовном законодательстве.

К примеру, в Уголовном кодексе Германии существует глава 6 «Меры исправления и безопасности», которая включает шесть таких мер: 1) помещение в психиатрическую больницу; 2) помещение в учреждение изоляции для алкоголиков и наркоманов; 3) превентивное заключение; 4) установление надзора; 5) лишение разрешения управлять транспортным средством; 6) запрет на профессию [7, с. 171].

В Уголовном кодексе Австрии в разделе 3 наряду с наказанием перечисляются следующие «предупредительные меры»: 1) помещение в психиатрическую лечебницу; 2) помещение в специ-

альное учреждение правонарушителей, страдающих алкоголизмом или наркоманией; 3) конфискацию имущества [4, с. 16-19].

В интересующем нас аспекте несомненный интерес представляет Уголовный кодекс Испании (раздел IV «Меры безопасности»), который закрепляет не только довольно обширный перечень мер безопасности, но и называет общие основания их применения. Так, в ст. 95 указанного уголовного закона говорится следующее: «Меры безопасности назначаются Судом или Трибуналом при наличии достаточных оснований лицам, о которых идет речь в нижеследующей главе данного Кодекса, если имеются следующие условия: 1) Лицо совершило преступление; 2) Если, учитывая совершенное деяние и личные обстоятельства, можно сделать вывод о способности данного лица совершить новые преступления» [5, с. 39]. Безусловно, указанные основания, нельзя признать достаточно полными и исчерпывающими, но тем не менее, они служат достаточно четким ориентиром для испанской судебной системы при применении мер безопасности.

Следует особо отметить и ст. 96 Уголовного кодекса Испании, которая делит все предусмотренные в ней меры безопасности на две группы: 1) связанные с принудительной изоляцией лица от общества (помещение в психиатрический центр, помещение в восстановительный центр, посещение в специальный воспитательный центр) и 2) не связанные с изоляцией от общества (запрет проживать и находиться в определенной местности, лишение права на управление транспортным средством, лишение лицензии на оружие, профессиональная дисквалификация, выселение иностранцев, находящихся в Испании незаконным образом).

Уголовный кодекс Республики Польша в статье 39 помимо «традиционных» для европейского законодательства видов мер безопасности закрепляет также следующие уголовно-правовые меры: обязанность возместить вред, денежная компенсация, денежная выплата [6, с. 14].

В некоторых странах Евросоюза меры безопасности вовсе не предусматриваются. Так, в уголовных законах Бельгии, Франции, Финляндии и ряда других государств, единственной формой реализации уголовной ответственности является только уголовное наказание.

Подчеркнем, что международный законодатель также не дает легального понятия мер уголовно-правового воздействия, не называет цели их применения и из всего «обилия» перечисленных уголовно-правовых мер, уделяет внимание только специальной конфискации имущества.

Критический анализ законодательства зарубежных стран в части интересующего нас вопроса позволяет сделать ряд актуальных выводов и замечаний.

Как и в российском законодательстве, в других государствах меры безопасности являются мерами альтернативными наказанию. Вместе с тем, общим недостатком как для России, так и для мно-

гих других стран, является отсутствие универсальной законодательной дефиниции мер уголовно-правового характера. Разрешение данного вопроса позволило бы на наш взгляд решить целый ряд теоретических и практических проблем: произвести унификацию указанных мер уголовно-правового воздействия, закрепить общие основания их применения и более четко отграничивать их от смежных форм реализации уголовной ответственности (условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, отсрочки наказания и т.д.).

Целями применения мер безопасности (мер уголовно-правового воздействия) во многих государствах признаются нейтрализация и ресоциализация лиц, представляющих как реальную, так и потенциальную опасность для общества. Мы считаем, что подобный подход зарубежного законодательства обоснован «живучестью» идей сформулированных еще в XIX веке Ч. Лобмозо и его последователями о предрасположенности определенного типа людей к совершению преступлений (теория «привычного преступника»).

К примеру, параграф 22 Уголовного кодекса Австрии допускает возможность принудительного помещения в специальное учреждение лиц, как совершивших преступлений в состоянии алкогольного или наркотического опьянения и находящихся в зависимости от своей привычки, так и лиц, совершивших иное правонарушение, если «...из оценки лица и вида деяния следует опасение, что оно в связи со своим пристрастием к опьяняющим или наркотическим средствам совершит запрещенное под угрозой наказания деяние с тяжкими последствиями или запрещенное под угрозой наказания деяние, не характеризующееся только легкими последствиями» [4, с. 16]. Аналогичное положение закреплено и в параграфе 64 Уголовного кодекса Германии.

Швейцарский законодатель идет в этом плане еще дальше и вводит термин «привычный преступник» в законодательный оборот. В частности, в ст. 42 Уголовного кодекса Швейцарии указывается, что если лицо умышленно совершило многочисленные преступления или проступки и лишалось свободы в целом по меньшей мере на два года в связи с применением к нему наказаний в виде каторжной тюрьмы или тюремного заключения или воспитательно-трудовых мер, или он был интернирован как «привычный» преступник органом, исполняющим наказания в виде лишения свободы, и совершает в проступок, что свидетельствует о его склонности к совершению преступлений или проступков, то судья может назначить интернирование. Интернирование исполняется в открытых или закрытых учреждениях, но ни в коем случае в учреждениях для лиц, впервые совершивших преступление, в арестных домах, в воспитательно-трудовых учреждениях и в лечебных учреждениях для алкоголиков. Лицо, в отношении которого применяется интернирование, обязано выполнять работу, которая ему предписывается [9, с. 98].

Как справедливо отмечает А.Г. Кибальник, указанная мера безопасности является по существу превентивным заключением лиц, «склонных» к совершению преступлений или проступков [3, с. 46].

В европейских странах суд имеет право назначить одновременно как одну, так и несколько мер безопасности (например, ч. 2 ст. 95 Уголовного кодекса Испании), а также заменить назначенную меру безопасности в процессе ее применения на другую, если по мнению суда это будет способствовать более эффективной ресоциализации индивида.

В большинстве стран континентальной Европы в качестве конкретных видов мер безопасности закреплены: 1) помещение в психиатрическую лечебницу лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости или уменьшенной вменяемости и в силу своего психического состояния представляющих опасность для общества; 2) помещение в специальное учреждение хронических алкоголиков и наркоманов; 3) полицейский надзор; 4) превентивное заключение и 5) лишение различных прав.

В связи с чем, нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Воронина о том, что для современной европейской уголовной политике характерна тенденция роста популярности мер безопасности и более широкого их применения [2, с. 122].

Что же касается международного права, то как уже было отмечено, в международно-правовых документах правовой регламентации по-прежнему подвергается только специальная конфискация.

Таким образом, сравнительный анализ института мер уголовно-правового характера в российском и зарубежном законодательстве позволяет утверждать, что в Российской Федерации на сегодняшний день он недостаточно проработан и существует в урезанном виде, включая в себя только принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф (данный вид мер уголовно-правового характера был введен в отечественный законодательный оборот в 2016 г. [8]). Вместе с тем, общим недостатком как для России, так и для многих других стран, является отсутствие универсальной законодательной дефиниции мер уголовно-правового характера. Такая дефиниция должна быть сформулирована непосредственно в уголовном законе - для чего необходимо введение в Раздел VI Уголовного кодекса РФ 1996 г. специальной нормы – определения.

Литература

1. Векленко С. В., Карпов К. Н. Систематизация иных мер уголовно-правового воздействия как средство повышения эффективности уголовного закона // Вестник Томского государственного университета. - 2009. - № 6. - С. 91-95.
2. Воронин Ю.А. Тенденции современной буржуазной уголовной политики. Воронеж, 1983. - 347 с.
3. Кибальник А.Г. Основные положения Общей части уголовного права зарубежных стран. - М: Илекса, 2008. - 186 с.

4. Уголовный кодекс Австрии. - М: Зерцало, 2001. - 133 с.

5. Уголовный кодекс Испании. - М: Зерцало, 1998. - 213 с.

6. Уголовный кодекс Республики Польша. - М., 1998. - 179 с.

7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. - СПб: Юридический Центр Пресс, 2003. - 522 с.

8. Федеральный закон РФ от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Электронный ресурс: Режим доступа: Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

9. Швейцарский Уголовный кодекс. - М: Зерцало, 2001. - 135 с.

Legislative regulation of criminal law measures in the Russian Federation and the European Union: a comparative legal analysis

Morozov A.Yu., Stupnitskiy A.I.

ВУКЕР

A comparative analysis of the institution of criminal law measures in Russian and foreign legislation suggests that in the Russian Federation today it is not sufficiently developed and exists in a truncated form, including only compulsory medical measures, confiscation of property and a court fine. At the same time, a common disadvantage both for Russia and for many other countries is the lack of a universal legislative definition of measures of a criminal-legal nature. Such a definition should be formulated directly in the criminal law - for which it is necessary to introduce a special norm - definitions - into Section VI of the 1996 Criminal Code of the Russian Federation. This article provides a comparative legal analysis of the legal regulation of the institution of criminal law measures in the legislation of the Russian Federation and European countries.

Keywords: regulation of criminal law measures, comparative legal analysis, criminal law

References

1. Veklenko SV, Karpov KN Systematization of other measures of criminal law as a means of increasing the effectiveness of criminal law // Bulletin of the Tomsk State University. - 2009. - No. 6. - S. 91-95.
2. Voronin Yu.A. Trends in modern bourgeois criminal policy. Voronezh, 1983. -- 347 p.
3. Kibalnik A.G. The main provisions of the General part of the criminal law of foreign countries. - M: Ilekxa, 2008. -- 186 p.
4. Criminal Code of Austria. - M: Zertsalo, 2001. -- 133 p.
5. Criminal Code of Spain. - M: Zertsalo, 1998. -- 213 p.
6. The Criminal Code of the Republic of Poland. - M., 1998. -- 179 p.
7. Criminal Code of the Federal Republic of Germany. - SPb: Legal Center Press, 2003. -- 522 p.
8. Federal Law of the Russian Federation of 03.07.2016 No. 323-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on Improving the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability" // Electronic resource: Access mode: Reference- legal system "Consultant Plus"
9. Swiss Penal Code. - M: Mirror, 2001. -135 p.

Превышение пределов необходимой обороны: некоторые проблемы применения

Пономаренко Е.В.

к.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Суворов С.А.

студент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Существующие в российском уголовном законодательстве нормы о необходимой обороне, к сожалению, не решают проблем их применения. Прежде всего это связано с тем, что отсутствует единая судебная практика рассмотрения и разрешения подобной категории дел. Безусловно проблемы регламентации пределов необходимой обороны в законодательстве требуют дальнейшего осмысления и внесения изменений. Отсутствие четкого установления границ необходимой обороны обуславливает неправильное применение уголовного закона на практике. Отмеченные противоречия и ошибки в судебно-следственной практике не могут не сказываться на активности граждан и сотрудников правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Более того, они сводят практически на нет существование в УК РФ института необходимой обороны. И, кроме того, порождают произвол правоприменителя.

Ключевые слова: необходимая оборона, практика применения уголовного закона

Существующие в российском уголовном законодательстве нормы о необходимой обороне, к сожалению, не решают проблем их применения. Прежде всего это связано с тем, что отсутствует единая судебная практика рассмотрения и разрешения подобной категории дел.

Изучение материалов судебной практики показывает размытость критериев и условий правомерности применения необходимой обороны в случаях нападения, что приводит к неоднозначной квалификации действий обороняющихся от преступных посягательств, не смотря на разъяснение пленумом Верховного суда Российской Федерации проблемных вопросов, связанных с применением необходимой обороны в своем Постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – ППВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19) [1]. Поэтому пределы необходимой обороны, критерии несоответствия обороны характеру и опасности посягательства должны быть четко определены.

Обычной практикой судов является оценивать действия обвиняемого (обороняющегося) как преступление, основываясь на предъявленном органами предварительного расследования обвинении, которые зачастую уверены в том, что в поведении субъекта (обороняющегося) присутствуют признаки составов преступлений, таких как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, либо превышение пределов необходимой обороны при совершении указанных преступлений, предусмотренных статьями 105, 111, 108, 114 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]. На самом же деле оказывается, что суд не учитывает некоторые обстоятельства, имеющие значение для определения пределов необходимой обороны и условий ее правомерности.

Например, судебная коллегия по уголовным делам Астраханского областного суда в приговоре указала, что К. действовал в состоянии необходимой обороны, но превысил ее пределы, так как имея цель пресечь преступные действия двух нападающих, не используя возможности избрать иной, менее опасный способ защиты и осознавая, что его действия явно не соответствуют действиям нападавших, умышленно причинил тяжкий вред здоровью Т. и смерть Д. (К. отмахивался от них ножом) [3]. Однако, УК РФ не предусматривает обязанности каким-либо образом пытаться избежать общественно опасного посягательства для лица, у которого возникла необходимость от него обороняться. Кроме того, на К. было совершено нападение группой лиц, соответственно обще-

ственная опасность посягательства возросла и он был вправе применить такие меры защиты, которые соответствовали этой опасности.

Расценив действия К. как превышение пределов необходимой обороны, суд не определил характер опасности, угрожавшей К., не учел все обстоятельства нападения, при которых оно было совершено.

В другом случае по приговору Бокситогорского городского суда Ленинградской области от 22 августа 2012 г. (оставлен без изменения судом кассационной инстанции) С. осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Постановлением президиума Ленинградского областного суда от 23 апреля 2013 г. состоявшиеся по делу судебные решения изменены и действия С. переклассифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ, хотя фактически им было признано, что общественно опасное посягательство со стороны П. было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося С., при котором закон (ч. 1 ст. 37 УК РФ) предоставляет защищаемому право на причинение нападающему лицу любого вреда. Наказание было изменено, и в связи с его отбытием С. освобожден из-под стражи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор суда и последующие судебные решения отменила, уголовное дело прекратила за отсутствием в действиях С. состава преступления. За С. признано право на реабилитацию [4].

Из разъяснений части 1 статьи 37 УК РФ в пунктах 2, 10 и 11 ППВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19, следует, что действия субъекта (оборонявшегося лица) могут рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны лишь в том случае, когда по делу будет установлено, что он защищался от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения насилия (ч. 2 ст. 37 УК РФ), способами и средствами, применение которых не соответствовало характеру и степени опасности посягательства, и без необходимости умышленно причинил нападающему тяжкий вред здоровью или смерть.

В основе ошибочной квалификации содеянного в указанных случаях лежит неверная оценка следственными органами и судом опасности посягательства со стороны погибшего. Думается, что при ее оценке нужно учитывать не только ценность блага, подвергшегося посягательству, но и все объективные и субъективные обстоятельства, как защиты, так и нападения, которые имеют место в конкретном деле. Очевидно, что правоприменительные органы имеют формальный подход к выяснению наличия опасности или угрозы этой опасности от нападающего: оборонявшийся отмахивался каким-либо предметом от безоружных людей и кому-то из них причинена смерть, значит, субъект превысил пределы необходимой обороны. Подавляющее большинство ошибок следственных и судебных органов обусловлено тем, что происходит занижение ценности блага, на которое осуществляется общественно опасное посягатель-

ство, и предъявляются завышенные требования к пределам правомерности обороны от такого посягательства.

Во избежание подобных ошибок при оценке правомерности действий обороняющегося от посягательства необходимо изменить уголовно-правовые нормы, определяющие пределы необходимой обороны. Отсутствие четких границ правомерной необходимой обороны часто порождает разнообразное толкование указанных норм, и как следствие, различную оценку допустимости используемых для защиты средств и размеров причиняемого вреда. Тот факт, что посягательство обороняющегося зачастую получает надлежащую оценку только при рассмотрении вышестоящей инстанцией, вызывает опасение, поскольку свидетельствует о недостаточно высокой квалификации правоприменителя.

При определении пределов необходимой обороны законодатель должен поставить во главу угла общественную опасность посягательства. Действующим уголовным законом установлена новая система ценностей, в которой права и свободы *законопослушной* (курсив мой – С. Суворов) личности являются приоритетными, а одной из задач УК РФ является предупреждение совершения преступлений. Именно поэтому необходимо закрепить в уголовно-правовой норме отрицательное отношение к любому противоправному посягательству на человека. Некоторые ученые предлагают казуальное определение действия института необходимой обороны, рассчитанного на урегулирование особых и вместе с тем типичных жизненных ситуаций, так называемый *перечневый* подход [5]. Представляется, что это может внести еще большую неопределенность на данном этапе развития уголовно-правовых отношений, поскольку приведет к еще большему нагромождению оценочных понятий и ситуаций. На наш взгляд, законодатель должен придерживаться Концепции необходимого причинения вреда при законодательной регламентации отношений необходимой обороны [6]. Ее фундаментальным положением является принятие причинения такого вреда нападающему, который был необходим для предотвращения и прекращения посягательства. Данная концепция ориентирована на охрану прав обороняющегося лица, а не посягающего, а соразмерность обороны и посягательства (т.е. пределы необходимой обороны) устанавливаются исходя из субъективного восприятия обороняющимся лицом характера и степени опасности нападения. Думается, что ч. 1 ст. 37 УК РФ следует изложить в следующей редакции: «Не является преступлением причинение любого вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства».

Безусловно проблемы регламентации пределов необходимой обороны в законодательстве требуют дальнейшего осмысления и внесения изменений. Отсутствие четкого установления границ не-

обходимой обороны обусловливает неправильное применение уголовного закона на практике. Отмеченные противоречия и ошибки в судебной практике не могут не сказываться на активности граждан и сотрудников правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Более того, они сводят практически на нет существование в УК РФ института необходимой обороны. И, кроме того, порождают произвол правоприменителя.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (в ред. от 28.10.2015 N 346-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. N 25. Ст. 2954; 2015. N 48 (часть I). Ст. 6712.
3. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации N 8 2003 <<http://www.vsrp.ru>> (Дата обращения: 01.02.2016).
4. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации N 8 2014 <<http://www.vsrp.ru>> (Дата обращения: 01.02.2016).
5. Смирнова Л.Н. Проблемы оценки правомерности необходимой обороны (по материалам судебной практики) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. Т. 2. N 2 (74). С. 144.
6. Каримов Т.У. Пределы необходимой обороны: основные научные концепции // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. N 3. С. 176.

Exceeding the Limits of Justifiable Defense: Some Application Issues

Ponomarenko E.V., Suvorov S.A.

Saratov State Law Academy

The norms on necessary defense existing in Russian criminal legislation, unfortunately, do not solve the problems of their application. First of all, this is due to the fact that there is no unified judicial practice for considering and resolving this category of cases. Undoubtedly, the problems of regulating the limits of necessary defense in legislation require further reflection and amendments. The lack of a clear definition of the boundaries of necessary defense leads to the incorrect application of the criminal law in practice. The noted contradictions and errors in judicial and investigative practice cannot but affect the activity of citizens and law enforcement officers in the fight against crime. Moreover, they practically nullify the existence of the institute of necessary defense in the Criminal Code of the Russian Federation. And, besides, they give rise to the arbitrariness of the law enforcement officer.

Keywords: necessary defense, the practice of applying the criminal law

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 N 19 "On the application by courts of legislation on necessary defense and harm when detaining a person who has committed a crime" // Rossiyskaya Gazeta. 2012.
2. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.10.2015 N 346-FZ) // SZ RF. 1996. N 25. Art. 2954; 2015. N 48 (part I). Art. 6712.
3. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation N 8 2003 <<http://www.vsrp.ru>> (Date of access: 01.02.2016).
4. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation N 8 2014 <<http://www.vsrp.ru>> (Date of access: 01.02.2016).
5. Smirnova L.N. Problems of assessing the legitimacy of necessary defense (based on judicial practice) // Izvestia of the Altai State University. 2012. T. 2.N. 2 (74). P. 144.
6. Karimov T.U. Limits of Necessary Defense: Basic Scientific Concepts // Bulletin of the Tyumen State University. 2012. N 3.P. 176.

Структура и значение криминалистической характеристики заказных убийств на бытовой почве

Лаврухин С.В.

к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Бойко Г.А.

студент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Одной из важнейших и сложнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами, по-прежнему остается борьба с насильственной преступностью. За последние годы преступность приобретает все более дерзкие и изощренные формы. Очевидно, что эта борьба может быть эффективной лишь при условии раскрываемости всех совершенных преступных деяний, и в первую очередь таких тяжких и опасных преступлений, как убийства по заказу.

С криминологической точки зрения необходимо различать во всем массиве убийств две группы, условно обозначаемые как традиционные и нетрадиционные. Традиционные преступления — это хорошо известные и освоенные криминологией убийства, совершаемые в основном в сфере быта и досуга. Нетрадиционные убийства, относящиеся к сфере организованной, профессиональной преступности, ранее не имели широкого распространения (убийства по заказу, различного рода преступные разборки в сфере бизнеса, устранения конкурентов и т.п.). Но в данной статье речь пойдет о заказных убийствах, совершенных на бытовой почве.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, убийства на бытовой почве, заказные убийства

Одной из важнейших и сложнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами, по-прежнему остается борьба с насильственной преступностью. За последние годы преступность приобретает все более дерзкие и изощренные формы. Очевидно, что эта борьба может быть эффективной лишь при условии раскрываемости всех совершенных преступных деяний, и в первую очередь таких тяжких и опасных преступлений, как убийства по заказу.

С криминологической точки зрения необходимо различать во всем массиве убийств две группы, условно обозначаемые как традиционные и нетрадиционные. Традиционные преступления — это хорошо известные и освоенные криминологией убийства, совершаемые в основном в сфере быта и досуга. Нетрадиционные убийства, относящиеся к сфере организованной, профессиональной преступности, ранее не имели широкого распространения (убийства по заказу, различного рода преступные разборки в сфере бизнеса, устранения конкурентов и т.п.). Но в данной статье речь пойдет о заказных убийствах, совершенных на бытовой почве.

Изучение и обобщение часто встречающихся признаков определенной категории преступлений является бесценным материалом для правильного, грамотного построения хода следствия. Отсутствие личного опыта в работе следователя, специфические особенности заказных убийств, диктуют необходимость выработки эффективных методов их раскрытия.

В процессе накопления, обработки и систематизации соответствующей информации о любых видах преступлений, деятельностного подхода к их структурному анализу, немаловажную роль в организации расследования стала приобретать криминалистическая характеристика преступлений, которая представляет собой систему информации о типичных криминалистических признаках, присущих определенному виду или группе преступлений и имеющих значение для их выявления, раскрытия и предупреждения.

Существует множество мнений относительно структуры и значения криминалистической характеристики преступления. По мнению ряда авторов, криминалистическая характеристика играет роль своеобразной матрицы: она «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель [1]. Именно в этом и заключается ее значение. При этом необходимо взять на заметку, что содержащееся в криминалистической характеристике знание носит не достоверный, а вероятностный характер.

Большинство ученых, выстраивая элементы структуры криминалистической характеристики, подразделяли заказные убийства на разновидности, выделяя свойственные им общие черты и различия, вследствие чего образовались отдельные криминалистические характеристики групп преступлений этой категории. Например, заказных убийств, совершенных на бытовой почве, в экономической сфере, в ходе раздела и перераспределения сфер преступного влияния и другие.

Главное отличие заказных убийств на бытовой почве от других групп заказных убийств состоит в том, что они совершаются в сфере межличностных отношений (месть, ревность, личная неприязнь и т.д.).

А.И. Бородулин к элементам криминалистической характеристики заказных убийств относит: способы подготовки, совершения и сокрытия преступления (этапы деяния); используемые орудия; характеристику повреждений; особенности личности организатора, посредника и исполнителя; особенности личности жертвы (объекта преступного посягательства); обстановку места преступления; особенности следов и их взаимосвязей; информацию, связанную с видом, размером вознаграждения и способами его передачи исполнителем [2].

Среди многообразия точек зрения встречаются и мнения ученых, которые неоднозначно относятся к пониманию и значению криминалистической характеристики в практической деятельности. Трудно согласиться с А.Ф. Лубиным, который утверждает, что вполне «зрелых» и пригодных для непосредственного практического употребления криминалистических характеристик не существует [3], так как на первоначальном этапе любая информация, даже вероятная приобретает ценность, поскольку позволяет значительно снизить информационный дефицит и неопределенность.

В литературе по вопросу содержания криминалистической характеристики преступлений среди ученых-криминалистов нет единого мнения. Так, А.А. Хмыров в качестве ее элементов выделяет: способ совершения, механизм образования доказательств, механизм слеодообразования, обстановку совершения преступления, данные о личности и поведении обвиняемого и потерпевшего [4]. А.Г. Филлипов дополняет к указанным элементам обстоятельства, при которых готовилось и было совершено преступление [5].

Как свидетельствует анализ следственной практики, раскрытие заказных убийств, в том числе и на бытовой почве, представляет для органов дознания и следствия серьезные трудности. В значительной мере это связано с особым характером данной категории преступлений:

- продуманностью, а не спонтанностью их совершения;
- тщательностью подготовки;
- участием в реализации замысла целого ряда лиц (организатор, посредник, исполнитель и др.), среди которых организатор и исполнитель, как правило, не общаются непосредственно.

Потерпевшими при заказных убийствах, совершенных на бытовой почве, чаще являются лица мужского пола среднего возраста. Многие отрицательно характеризуются, отличаясь жестокостью, алчностью, крайним эгоизмом, склонностью к умеренному употреблению спиртного. Среди них немало лиц, совершавших противоправные проступки, в том числе и преступления.

Местами убийств, совершенных по бытовым мотивам, могут быть: жилище потерпевшего, прилегающая к нему территория; территория предприятий, учреждений, организаций; общественные места; территория вне населенного пункта, куда потерпевшего под различными предлогами завлекает преступник.

В качестве орудий убийства чаще используется холодное оружие — финские, охотничьи, иные ножи, а также различные бытовые инструменты (топоры, стамески и проч.), приспособления для удушения типа петли-удавки и массивные тупые предметы. Реже применяется огнестрельное оружие.

Обобщая вышеизложенные представления относительно криминалистической характеристики заказных убийств на бытовой почве нельзя не заметить некую стабильность отдельных ее элементов, выделяемых многими учеными, что обусловлено, в свою очередь, корреляционной зависимостью между элементами характеристики.

В заключение отметим, что именно такое целостное представление о структуре и особенностях заказных убийств на бытовой почве является существенной предпосылкой для дальнейшего развития методики их расследования, которая имеет большую практическую значимость в плане решения задач раскрытия преступлений. Накопление, обобщение и систематизация всех криминалистических сведений о заказных убийствах, безусловно, дает необходимый фундамент для правильного выдвижения версий, способствует появлению нетрадиционных подходов к раскрытию этих преступлений.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов./ под ред. Р.С. Белкина. М., 2002. С. 688.
2. Бородулин А. И. Убийство по найму. М., 1997. С. 17.
3. Лубин А. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: исследование преступлений в сфере экономики. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1995. С. 53.
4. Хмыров А. А. Криминалистическая характеристика преступления и пути доказывания по уголовному делу// Правоведение, 1978. N 3. С.59.
5. Филлипов А. Г. Криминалистика. Учебник для вузов. М., 1998. С. 335

The structure and significance of the forensic characteristics of contract killings on domestic soil
Lavrukhin S.V., Boyko G.A.

Saratov State Law Academy

The fight against violent crime remains one of the most important and daunting challenges facing law enforcement agencies. In recent years, crime has taken on more daring and sophisticated forms. It is obvious that this fight can be effective only if all committed criminal acts are solved, and first of all such grave and dangerous crimes as murder by order.

From a criminological point of view, it is necessary to distinguish in the entire array of murders two groups, conventionally designated as traditional and non-traditional. Traditional crimes are well-known and mastered by criminology murders, committed mainly in the sphere of everyday life and leisure. Unconventional murders related to the sphere of organized, professional crime were not widespread earlier (murders by order, various kinds of criminal showdowns in the field of business, elimination of competitors, etc.). But this article will focus on contract killings committed on a domestic basis.

Keywords: forensic characterization, murders on the domestic basis, contract killings

References

1. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensic science: a textbook for universities. / Ed. R.S. Belkin. M., 2002.S. 688.
2. Borodulin AI Murder for hire. M., 1997.S. 17.
3. Lubin AF Criminalistic characteristics of crimes // Criminalistics: investigation of crimes in the sphere of economics. N. Novgorod: Nizhny Novgorod High School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995.S. 53.
4. Khmyrov AA Criminalistic characteristics of a crime and ways of proving in a criminal case // Jurisprudence, 1978. N 3. P.59.
5. Fillipov A. G. Criminalistics. Textbook for universities. M., 1998.S. 335

Использование возможностей идентификационной фоноскопической экспертизы при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков

Калентьева Т.А.

к.ю.н., доцент кафедры УПД, ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет»

Мирошниченко М.Р.

студент, ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет»

В настоящее время всё отчетливее звучат опасения правоохранителей, юристов, представителей гражданского общества о растущей роли наркомании, в том числе в среде молодёжи. По заявлению директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванова, наркопотребители обеспечивают в среднем 80% всей преступности в стране, являясь одновременно залогом растущего спроса и стабильного рынка сбыта наркотических веществ. Наиболее распространёнными являются преступления по ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ, при этом состав преступления, предусмотренный ст. 228.1 УК РФ, требует более кропотливого расследования с применением различных оперативно-розыскных и следственных действий, в том числе назначением различных судебных экспертиз.

Объективная сторона данного преступления, в частности факты производства, сбыта или пересылки наркотических средств, чаще всего устанавливается в ходе проведения ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» и доказывается по результатам судебной фоноскопической экспертизы. Однако практика рассмотрения судами подобных дел содержит факты некорректного установления признаков состава преступления, правовой оценки действий лиц, являющихся посредниками в приобретении или сбыте наркотических средств. Назначение на исследование фонограмм, разговоры в которых не содержат лексических маркеров производства, сбыта или пересылки наркотических средств или содержат «спорный» контекст, является одной из причин возникновения подобных трудностей. С учётом изложенных выше обстоятельств особую значимость приобретают не только технические характеристики представленных аудиозаписей, но в большей степени установленное содержание фонограмм, поступивших на экспертизу.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, незаконный оборот наркотиков, фонограмма, аудиозапись, ст.228.1 УК РФ

В настоящее время всё отчетливее звучат опасения правоохранителей, юристов, представителей гражданского общества о растущей роли наркомании, в том числе в среде молодёжи. Криминальная карта России, размещённая на сайте РосПравосудия, отмечает 19,3% преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, от общей доли преступлений по стране, что образует второе место после кражи (ст.158 УК РФ) [1]. Обзор сложившейся ситуации позволяет судить о неизменном росте незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, остающемся из года в год острой социальной проблемой, фактором криминализации общества.

По заявлению директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванова, наркопотребители обеспечивают в среднем 80% всей преступности в стране, являясь одновременно залогом растущего спроса и стабильного рынка сбыта наркотических веществ. Рецидивность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, не оставляет сомнений. По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, в период с января по октябрь 2013 года зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, всего по стране – 196858, по Самарской области – 5048, а в аналогичный период 2014 года всего по стране – 217540, по Самарской области – 5134. При этом выявлено лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, всего по стране за 2013 год – 98952, по Самарской области – 2870; всего по стране за 2014 год – 102590, по Самарской области – 2545 [2].

Инкриминируемые преступления охватываются главой 25 статьями 228-234.1 УК РФ. Наиболее распространёнными являются преступления по ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ, при этом состав преступления, предусмотренный ст. 228.1 УК РФ, требует более кропотливого расследования с применением различных оперативно-розыскных и следственных действий, в том числе назначением различных судебных экспертиз.

Тактика расследования преступлений по ст.228.1 УК РФ, как правило, включает в себя следующие действия: проведение оперативно-розыскных мероприятий (наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, в случаях контрабанды наркотиков – контролируемая поставка и контроль почтовых отправлений, в дальнейшем –

задержание, оперативный осмотр с последующим направлением изъятого вещества и его упаковки на химическое и дактилоскопическое исследование), получение материалов следствием, проведение следственных действий (допрос, обыск, очная ставка, назначение экспертиз). Объективная сторона данного преступления, в частности факты производства, сбыта или пересылки наркотических средств, чаще всего устанавливается в ходе проведения ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» и доказывается по результатам судебной фоноскопической экспертизы. Однако практика рассмотрения судами подобных дел содержит факты некорректного установления признаков состава преступления, правовой оценки действий лиц, являющихся посредниками в приобретении или сбыте наркотических средств. Назначение на исследование фонограмм, разговоры в которых не содержат лексических маркеров производства, сбыта или пересылки наркотических средств или содержат «спорный» контекст, является одной из причин возникновения подобных трудностей.

С учётом изложенных выше обстоятельств особую значимость приобретают не только технические характеристики представленных аудиозаписей, но в большей степени установленное содержание фонограмм, поступивших на экспертизу. В разговорах между дикторами должны присутствовать отдельные лексемы, однозначно указывающие на действия в отношении наркотических средств (производство, фасовка, продажа, покупка, пересылка, передача и т.п.), а также названия наркотиков, например: «M2 – Ну вот с-с-слушай сейчас там это, а- все я к- приготовлю, сделаю. Ну ты короче едешь да? M1 – Ну да. M2 – Вот сейчас там короче мы себе будем брать. Понимаешь? Пятнадцать», «M2 – (Ты) ты мой мазёл не сможешь в Ки- в Кинель отвезти?», «M2 – Вот смотри ва- ва- ва- в одном мазле в одном мазле десять грамм и двадцать. А в другом мазле тридцать, это совсем отдельно мазёл». В противном случае, если лексико-семантический контекст разговора не позволяет в результате проведения фоноскопической экспертизы однозначно судить о причастности лица к производству, сбыту или перевозке наркотиков, инкриминация ст. 228.1 УК РФ видится сомнительной, даже при условии категорически положительного вывода по экспертизе. Так, поступившая на фоноскопическую экспертизу фонограмма, содержащая в разговоре следующие фразы: «M – Да пиво пиво там не было ничё, пиво одно было. Ж – А-а-а-а. M – С пивом взяли. Ж – Всё поняла. M – Мальчишка успел восемь бутылок кинуть а семь бутылок осталось у него, его здесь взяли», потребовала проведение дополнительной лингвистической экспертизы для объяснения значения слова «бутылка» в данном контексте, так как содержание всей аудиозаписи не свидетельствовало в пользу приготовления или сбыта наркотических средств лицом «M», на чём основывалось обвинение. В результате проведённой лингвистической экспертизы факт наличия в тексте фонограммы слов и выражений, содержащих сведения

о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотиков не был подтверждён, а аудиозапись не принята в качестве вещественного доказательства.

Истинные намерения собеседников не всегда репрезентируются в звучащей речи. Зачастую они маскируются различными способами, в числе которых самым распространённым является эвфемизация слов, несущих «наркотическую» семантику. Так, широкую распространённость в среде наркоманов получили «соли для ванн» (группа дизайнерских наркотиков), «марки» (сильные психо-наркотические стимуляторы), «каши» (высококачественные продукты из марихуаны) и т.д. Нередко камуфляж разговора, записанного на фонограмме, полностью затемняет истинный смысл и даже вводит эксперта в заблуждение. В таком случае только лингвистический анализ содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения будет являться основным способом выявления словесных конструкций, подпадающих под признаки конкретного деликта, предусмотренного соответствующей законодательной нормой [3].

Для корректного и наиболее точного декодирования информации, содержащейся в телефонных переговорах преступников, сотрудникам правоохранительных органов необходимо иметь наиболее полное представление о жаргоне наркоманов. Поэтому одной из задач при борьбе с наркопреступностью является необходимость объединить воедино разнообразный речевой материал, относящийся к сфере наркобизнеса. В качестве примера работы экспертов с арготизмами наркобизнеса приведём установленное содержание разговора, в котором собеседники якобы обсуждают текущие дела в лагере: «M2 – Ты-то как? M1 – Да вот лежу жду аристократа. M2 – Семечек что ли от него? Должен привезти? M1 – Ну на лагерь надо, охотку забить. M2 – Бензина хватает вам пока? M1 – Ну осталось немножко, сойдёт». Эксплицитно, посредством названий веществ и продуктов, создаётся контекст разговора, в котором диктор «M2» интересуется наличием «семечек» и «бензина» у диктора «M1», который в свою очередь объясняет собеседнику, что «семечки» нужны на лагерь, а «бензина» пока достаточно. Анализируемая фонограмма поступила на экспертизу в качестве вещественного доказательства по уголовному делу по ст. 228.1 УК РФ. После проведённой идентификации вопрос о приобщении данного разговора к материалам дела по-прежнему оставался нерешённым. Потребовалось назначение лингвистической экспертизы, в результате которой согласно используемому словарю арготизмов наркобизнеса, выпущенному ЭКУ 9 Департамента ФСКН России [4], было доказано присутствие в установленном тексте слов, относящихся к семантическому полю «наркотики»: «аристократ» - опытный наркоман, прекрасно разбирающийся в законах; «семечки» - семена мака с примесью маковой соломы; «бензин» - химическое вещество, используемое для приготовления наркотика. Методом лингвосеман-

тического анализа выявлялись лексические единицы, относящиеся к семантическому полю «наркотики». Методом компонентного анализа определялся семный состав слов, относящихся к семантическому полю «наркотики» с использованием толковых словарей, словарей жаргонной и ненормативной лексики, словарей арготизмов. Таким образом, изначально назначенная фоноскопическая экспертиза потребовала установления дополнительных обстоятельств для доказывания преступления, совершённого по ст. 228.1 УК РФ.

В связи с этим очевидным представляется необходимость тщательного предварительного отбора спорных фонограмм, поступающих на фоноскопическое исследование. Идентификационный вопрос позволит, в таком случае, провести атрибуцию реплик, доказать причастность лица к преступлению, а однозначное смысловое содержание разговора раскрыть объективную сторону данного преступления. Однако практика показывает, что возможности фоноскопической экспертизы не всегда адекватно и полноценно используются в ходе расследования уголовных дел по ст. 228.1 УК РФ. На экспертизу поступают фонограммы «повседневных», «бытовых» разговоров между подозреваемыми, не содержащие порочащих фактов. В дальнейшем требуется назначение дополнительной лингвистической экспертизы. В то же время с отсутствием результатов лингвистической экспертизы увеличивается объём фонограмм для фоноскопического исследования, при этом большая часть разговоров лексически непредставительна.

Данная проблема объясняется не только некачественным отбором лексического материала для фоноскопического исследования, но и всё большей находчивостью жуликов в отношении маскировки речи. Таким образом, для оптимизации сроков производства уголовных дел целесообразным видится: назначение на фоноскопическую экспертизу наиболее «показательных», однозначных по содержанию фонограмм; внесение простейшего лингвосемантического анализа в структуру протокола фоноскопического исследования; обучение экспертов-фоноскопистов техники подобного анализа, с присвоением дополнительной экспертной специальности или квалификации.

Литература

1. Интернет-источник: URL: <https://rospravosudie.com/> (Дата обращения: 16.01.2016).
2. Интернет-источник: URL: <http://crimestat.ru/21> (Дата обращения: 16.01.2016).
3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2010. С.234.
4. Словарь арготизмов наркобизнеса / ФСКН России, Департамент спец. и криминалист.обеспечения, ЭКУ. – М.: 2006. С.3-123.

Using the capabilities of identification phonoscopic expertise in the investigation of crimes related to drug trafficking

Kalentieva T.A., Miroshnichenko M.R.

Samara State Economic University

At present, the fears of law enforcement officers, lawyers, and representatives of civil society about the growing role of drug addiction, including among young people, are becoming clearer. According to the director of the Federal Drug Control Service V.P. Ivanov, drug users provide, on average, 80% of all crime in the country, being at the same time a guarantee of growing demand and a stable market for the sale of drugs. The most common are crimes under Art. 228 and Art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, while the corpus delicti under Art. 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, requires a more painstaking investigation with the use of various operational-search and investigative actions, including the appointment of various forensic examinations.

The objective side of this crime, in particular the facts of production, sale or shipment of narcotic drugs, is most often established during the ORM "Wiretapping" and is proved by the results of forensic phonoscopic examination. However, the practice of considering such cases by courts contains facts of incorrect establishment of the elements of corpus delicti, legal assessment of the actions of persons who are intermediaries in the acquisition or sale of narcotic drugs. The assignment to research of phonograms, conversations in which do not contain lexical markers of production, sale or transfer of narcotic drugs or contain a "controversial" context, is one of the reasons for such difficulties. Taking into account the above circumstances, not only the technical characteristics of the presented audio recordings, but to a greater extent the established content of the phonograms received for examination, acquire special significance.

Keywords: phonoscopic examination, drug trafficking, phonogram, audio recording, Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

References

1. Internet source: URL: <https://rospravosudie.com/> (Date of access: 16.01.2016).
2. Internet source: URL: <http://crimestat.ru/21> (date of access: 16.01.2016).
3. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Judge's Handbook: Forensic Expertise. - M.: Prospect, 2010.S. 234.
4. Dictionary of drug trafficking argotisms / Federal Drug Control Service of Russia, Department of Special. and criminologist.support, ECU. - M.: 2006.S. 3-123.

ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

Кафедра организационно-управленческих инноваций

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова предлагает абитуриентам обучение на уровне международных стандартов.

Кафедра организационно-управленческих инноваций Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова является выпускающей и предлагает для бакалавров и магистров ряд интересных образовательных программ, которые соответствуют не только отечественным, но и международным стандартам.

Кафедра осуществляет подготовку бакалавров по направлению 38.03.02 «Менеджмент» профили «Менеджмент инноваций и инвестиций», «Менеджмент организации», «Менеджмент организации» (на английском языке), а также магистров по направлению 38.04.02 «Менеджмент» программы «Менеджмент коммерческой деятельности» и «Общий и стратегический менеджмент».

Кафедра организационно-управленческих инноваций в своей работе объединяет традиции и современные подходы по разным направлениям деятельности и взаимодействует со многими экономическими структурами, крупными компаниями. Стратегическими партнерами кафедры при реализации образовательных программ являются Ассоциация менеджеров, Леруа Мерлен, М.Видео, Фаберлик, Газпромбанк, Ростех, Росатом, SAP и др., которые принимают участие не только в трудоустройстве выпускников, но и в учебном процессе посредством проведения гостевых лекций, мастер-классов, что увеличивает практикоориентированность предлагаемых программ.

Высокий уровень программы бакалавриата профиль «Менеджмент организации», подтверждается тем, что программа стала победителем Всероссийского конкурса кафедр и образовательных программ «Экономика и управление», организованного Вольным экономическим обществом совместно с Международной Академией менеджмента. Также данная программа и программы магистратуры «Менеджмент коммерческой деятельности» и «Общий и стратегический менеджмент»

получили аккредитацию European Council for Business Education (ECBE), что свидетельствует о соответствии качества программ международным стандартам.

Конкурентным преимуществом программы «Менеджмент инноваций и инвестиций» является то, что ее выпускники являются специалистами в области прикладного профессионального менеджмента, владеющими методологией управления инновационными и инвестиционными процессами во всех сферах экономики.

Особое место в подготовке студентов-бакалавров занимает программа «Менеджмент организации» (на английском языке), где занятия ведут не только преподаватели РЭУ им. Г.В. Плеханова, но и гостевые иностранные преподаватели вузов-партнеров (носители языка).

В процессе обучения широко используются такие инновационные образовательные технологии, как учебно-методические комплексы на базе современных программных продуктов (системы бизнес-моделирования, проектирования бизнес-архитектур). Практически все студенты принимают активное участие в научной работе. У кафедры имеется многолетний положительный опыт формирования навыков научно-исследовательской деятельности студентов. Они получают помощь в организации исследований, подготовке научных статей и НИР, участии в российских и международных конференциях, межвузовских и международных олимпиадах.

Программы, реализуемые кафедрой, имеют общественно-профессиональную аккредитацию АНО «АККОРК». Все программы имеют практикоориентированные модули, что позволяет выпускникам стать особенно востребованными на рынке труда. Это подтверждается и тем, что доля трудоустроенных выпускников, подготовленных преподавателями кафедры, составила 87 %, что говорит о соответствии квалификационных характеристик выпускников требованиям, предъявляемым современным рынком труда.

Подробности о работе кафедры, а также контактную информацию смотрите на сайте:
<https://www.rea.ru/ru/org/cathedries/Pages/Kafedra-organizacionno-upravlenneskikh-innovacijj.aspx>

Завкафедрой организационно-управленческих инноваций, д.э.н., профессор **Великороссов В.В.**
Доцент кафедры организационно-управленческих инноваций, академический руководитель профиля «Менеджмент инноваций и инвестиций», к.э.н., доцент **Сулимова Е.А.**